

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
В. ШЕКСПИРА
ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ПЕРЕВЕЛЪ П. А. КАНШИНЪ.

Биографическій очеркъ В. Шекспира написанъ профессоромъ Московскаго университета Н. И. Стороженко, примѣчанія П. И. Вейнберга, П. А. Каншина и др.

Томъ первый.

I) ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ. II) РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА и III) ОТЭЛЛО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА И СЕМИ РИСУНКОВЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
за 1899 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДѢВА.
1893.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эскаль, герцогъ Веронскій.

Парисъ, молодой дворянинъ, родственникъ герцога.

Монтекки

} главы враждующихъ между собой домовъ.

Капулетти

Дядя Капулетти, старикъ

Ромео, сынъ Монтекки

Меркуціо, родственникъ герцога и другъ Ромео.

Бенволіо, племянникъ Монтекки и тоже другъ Ромео.

Тибальдо, племянникъ синьоры Капулетти.

Фра-Лоренцо, монахъ францисканецъ.

Фра-Джовани, монахъ того-же ордена.

Бадъдассарэ, пажъ Ромео.

Сансонэ,

Грегорио, } слуги Капулетти.

Пьетро,

Абрамо, слуга Монтекки.

Торговецъ зеліями.

Три музыканта.

Хоръ.

Мальчикъ.

Пажъ Париса.

Офицеръ.

Синьора Монтекки.

Синьора Капулетти.

Джульетта, ея дочь.

Кормилица Джульетты.

Веронскіе граждане; нѣсколько родственниковъ и родственницъ обоихъ враждующихъ домовъ, стража, часовые, маски, свита.

Дѣйствіе большею частью происходитъ въ Веронѣ. Одна сцена (I-го дѣйствія) въ Мантуѣ.

ПРОЛОГЪ.

Въ красивой Веронѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, два одинаково знатныхъ дома давно враждовали между собою. Закоренчлая вражда вспыхнула съ новою силою и

должна повести къ ожесточеннымъ столкновѣнямъ; руки веронцевъ обрызганы кровью своихъ согражданъ. Изъ роковыхъ нѣдръ обѣихъ враждующихъ семей, подъ вліяніемъ враждебныхъ одна другой планетъ, вышла юная чета влюбленныхъ, горькой и плачевной любви которыхъ суждено свести въ могилу многолѣтнія распри ея родителей. Ужасающія подробности этой обреченной на смерть любви, которой суждено пасть жертвою упорной взаимной ненависти обѣихъ семей, только тогда пришедшихъ къ примиренію, когда уже не стало ихъ дѣтей, будутъ въ теченіи двухъ часовъ изображены на нашей сценѣ. Если вы удостоите насъ терпѣливаго вниманія, мы силою усердія постараемся загладить недостаточность нашихъ дарованій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Площадь въ Веронѣ.

Входятъ Сансонэ и Грегорио, вооруженные мечами и щитами.

Сансонэ. Честное слово, Грегорио, не позволю я имъ казать намъ носы.

Грегорио. Не такіе мы люди, чтобы это стерпѣть.

Сансонэ. А если они меня растормошатъ, я сейчасъ — мечъ на голо.

Грегорио. Смотри, чтобы тебѣ рано или поздно не свернули за это шею.

Сансонэ. Когда меня растормошатъ, я скорѣ на удары.

Грегорио. Но вотъ бѣда! растормошить-то тебя не скоро.

Сансонэ. Каждая собака изъ дома Монтекки способна меня растормошить.

Грегорио. Растормошиться значитъ придти въ движеніе; истинно-же храбрый человѣкъ стоекъ, то-есть твердо стоитъ на мѣстѣ. Слѣдовательно, если тебя растормошатъ, ты придешь въ движеніе только для того, чтобы убѣжать.

Сансонэ. Каждая собака изъ этого дома заставитъ меня стоять твердо. Какъ только увижу кого-нибудь изъ этого дома, — парня или дѣвку, это все равно, — сейчасъ упрусь о стѣну и ни съ мѣста!

Грегорио. Вотъ и видно, что ты человѣкъ слабый; о стѣны опираются только люди слабые.

Сансонэ. Правда. Женщины существа слабыя, поэтому ихъ всегда припираютъ къ стѣнѣ. Вотъ и я, когда дѣло дойдетъ до вооруженной схватки, всѣхъ мужчинъ изъ дома Монтекки отгѣсню отъ стѣны, а всѣхъ женщинъ, напротивъ, къ ней припру.

Грегорио. Враждуютъ между собою господа, а мы только ихъ слуги.

Сансонэ. Все равно, я буду неумолимъ, какъ тиранъ. Переколочу мужчинъ, примусь за женщинъ и за дѣвокъ. Всѣмъ имъ быть безъ головы или...

Грегорио. Это кому, дѣвкамъ-то?

Сансонэ. Ну, да безъ головы иди безъ чего другаго; понимай, какъ хочешь.

Грегорио. Поймутъ тѣ, кому придется почувствовать.

Сансонэ. О, я до тѣхъ поръ буду заставлятъ ихъ чувствовать, пока самъ въ силахъ буду стоять крѣпко... Ты, вѣдь, знаешь — я порядочный кусокъ мяса.

Грегорио. Хорошо, что не рыба. Будь ты рыбой, никто не стадъ-бы тебя ѣсть. Вотъ идутъ люди изъ дома Монтекки. Обнажай свое орудіе. (*Входятъ Абрамо и другіе слуги Монтекки*).

Сансонэ. Мой мечъ обнаженъ. Ты затѣй ссору, а я стану у тебя за спиной.

Грегорио. Чтобы удрать и тѣмъ показать спину?

Сансонэ. За меня не бойся.

Грегорио. За тебя-то?.. Очень нужно!

Сансонэ. Или пусть лучше они затѣютъ ссору; тогда право будетъ на нашей сторонѣ.

Грегорио. Проходя мимо нихъ, я нахмурюсь и окину ихъ грознымъ взглядомъ. Понимай они это, какъ знаютъ.

Сансонэ. Если хватить смѣлости понять. Я, глядя на нихъ, закушу большой палецъ. Позоръ, если они молча перенесутъ такое оскорбленіе.

Абрамо. Вы на насъ закусили палецъ, синьоръ?

Сансонэ. Да, закусилъ.

Аврамо. Я спрашиваю, вы на насъ его закусили?

Сансоеэ (*Тихо товарищу*). Останется-ли право за нами, если я отвѣчу «да»?

Грегорио. Нѣтъ.

Сансонэ (*Громко*). Нѣтъ, синьоръ, не на васъ, но я все-таки его закусываю.

Грегорио. Вы, кажется, хотите затѣять ссору, синьоръ?

Абрамо. И не думаю, синьоръ.

Грегорио. Если-же вы этого желаете, синьоръ, я къ вашимъ услугамъ. Нашъ господинъ ничѣмъ не хуже вашего.

Абрамо. Но и не лучше.

Сансонэ. Быть по вашему, синьоръ.

Вдали показывается Бенволио.

Грегорио (*Тихо товарищу*). Утверждай, что лучше. Сюда идетъ родственникъ синьоры Монтекки.

Сансонэ. Впрочемъ, нѣтъ, синьоръ. Нашъ много лучше.

Абрамо. Это ложь.

Сансонэ. Обнажайте мечи, если вы мужчины. (*Всѣ приготовляются къ бою*). Грегорио, не забудь прибѣгнуть къ своему прославленному удару. (*Начинается бой, подходитъ Бенволио и тоже обнажаетъ шпагу*).

Бенволио. Разойдитесь, жалкіе глупцы! Вложите мечи въ ножны. Вы сами не знаете, что дѣлаете. (*Своею шпагою заставляетъ слугъ опустить мечи; входитъ Тибальдо*).

Тибальдо. Какъ! и ты, обнажилъ шпагу! Охота связываться съ бездушною сволочью! Повернись ко мнѣ, Бенволио, и взгляни въ глаза своей смерти.

Бенволио. Я только хотѣлъ возстановить миръ. Спрячь свою шпагу въ ножны или, какъ я, употреби ее въ дѣло, чтобы разогнать этотъ людъ.

Тибальдо. Какъ! У тебя въ рукѣ обнаженная шпага, ты говоришь о мирѣ? Я ненавижу это слово, какъ ненавижу весь родъ Монтекки, а въ томъ числѣ и тебя. Ну, защищайся, трусь! *(Сражаются. Вбѣгаетъ нѣсколько сторонниковъ обоихъ домовъ и принимаютъ участіе въ бою; затѣмъ появляются горожане, вооруженные палками).*

Горожане. Пускай въ ходъ палки, копья, бердыши! бейте, колотите, рубите! Долой всѣхъ Монтекки! Долой всѣхъ Капулетти! *(Входятъ Капулетти въ спальней одежду и синьора Капулетти).*

Капулетти. Что здѣсь за шумъ?.. Эй, кто нибудь! Подайте мнѣ мой большой мечъ.

С-а Капулетти. Нѣтъ, зачѣмъ мечъ... Нуженъ костыль; и его достаточно.

Капулетти. Подать мнѣ мечъ, говорю я! Сюда идетъ Монтекки и еще издали съ вызывающимъ видомъ машетъ обнаженнымъ мечемъ.

Входятъ Монтекки, обнаживъ свой мечъ, и синьора Монтекки.

Монтекки. А, ты здѣсь, гнусный Капулетти! *(Женъ)* Не удерживай меня,пусти!

С-а Монтекки. Ты не сдѣлаешь ни шагу къ своему врагу! *(Входитъ герцогъ со свитою).*

Герцогъ. Вы, мятежные подданные, враги мира, братоубійствомъ оскверняющіе свои мечи, кажется, совсѣмъ не хотите подчиняться моимъ приказаніямъ. А! Кто вы, люди или скоты, гасящіе пламя своей губительной злобы пурпурными струями, изливающимися изъ собственныхъ-же вашихъ жилъ? Но я заставлю васъ повиноваться, хотя бы даже пришлось прибѣгнуть къ пыткамъ! Пусть ваши обогрѣнные кровью руки сейчасъ-же бросятъ оружіе, опозорившее себя такимъ множествомъ преступленій, а затѣмъ выслушайте полный негодования приговоръ своего государя. Три междоусобицы, поднятыя изъ-за пустого слова, уже успѣли нарушить тишину и спокойствіе нашихъ улицъ, а кто въ этомъ виноватъ? Ты, старикъ Капулетти, и ты, Монтекки. Три раза старѣйшіе обыватели Вероны, сбросивъ съ себя строгія, приличныя ихъ возрасту одежды, вынуждены были своими старыми руками хвататься за столь-же старые, изъѣденные ржавчиной бердыши, чтобы предоставить себя къ услугамъ развѣдающей вражды своей партіи. Если вы еще когда-нибудь дерзнете своими распрями нарушить тишину нашихъ улицъ, вамъ придется жестоко поплатиться за такое нарушеніе. На этотъ разъ пусть всѣ разойдутся. Вы, Капулетти, теперь-же отправитесь со мною, а вы, Монтекки, чтобы узнать нашъ приговоръ по настоящему дѣлу, явитесь послѣ полудня въ старый замокъ Виллафранка, гдѣ обыкновенно собирается нашъ верховный судъ. Еще разъ —

подъ угрозой смертной казни, — пусть всё разойдётся. (*Уходитъ; за нимъ всѣ остальные, кромѣ Монтекки, синьоры Монтекки и Бенволио*).

Монтекки. Кто-же снова поднялъ старый споръ? Отвѣчай, племянникъ. Ты присутствовалъ при самомъ началѣ дѣла.

Бенволио. Когда я пришелъ, слуги вашего противника и ваши уже успѣли бѣшено схватиться между собою. Чтобы разнять ихъ, я обнажилъ шпагу, а тутъ, тоже обнаживъ шпагу, подоспѣлъ пылкій Тибальдо и сталъ бросать мнѣ въ упоръ самые дерзкіе угрозы и вызовы, въ то-же время махая надъ головою своею шпагою, разсѣкавшею воздухъ и свистомъ какъ-бы обличавшею свое безсиліе. Пока мы отражали удары и наносили ихъ сами, успѣли явиться сторонники обѣихъ партій и тоже приняли участіе въ схваткѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не явился герцогъ и не рознялъ сражавшихся.

С-а Монтекки. Гдѣ-же, однако, Ромео? Я очень рада, что онъ не участвовалъ въ этой сумятицѣ.

Бенволио. Мнѣ не спалось, синьора, и за часъ передъ тѣмъ, какъ восходящему солнцу выглянуть въ позлащенное окно востока, я вышелъ изъ дому и направился въ кленовую рощу, зеленѣющую на западной сторонѣ города. Несмотря на ранній часъ, я въ рощѣ увидалъ вашего сына. Я было направился къ нему, но онъ, завидѣвъ меня, тотчасъ-же скрылся въ лѣсной чащѣ. Судя о его ощущеніяхъ по моимъ собственнымъ, — а ощущенія эти никогда такъ сильно не захватываютъ человѣка, какъ въ тѣ минуты, когда онъ одинъ, — я за нимъ не пошелъ, умышленно не сталъ преслѣдовать человѣка, который, очевидно, тоже умышленно меня избѣгалъ.

Монтекки. Да, его уже не разъ видали тамъ раннимъ утромъ. Онъ своими слезами усугублялъ холодную влагу утренней росы и своими тяжелыми вздохами къ скопившимся уже облакамъ прибавлялъ новыя. Но едва все оживляющее солнце начнетъ на самомъ дальнемъ востокѣ откидывать тѣнистыя завѣсы у ложа Авроры, онъ, избѣгая веселаго дневнаго свѣта, утомленный, измученный, возвращается домой, запирается въ спальнѣ на ключъ и, опустивъ оконныя завѣсы, устраиваетъ у себя искусственный мракъ. Это мрачное настроеніе добромъ не кончится, если дружескій совѣтъ не устранить его причинъ.

Бенволио. Извѣстны вамъ, благородный мой дядя, эти причины?

Монтекки. Нѣтъ, до сихъ поръ неизвѣстны. Я ничего не могъ отъ него добиться.

Бенволио. Однако, вы все-таки добивались?

Монтекки. И лично, и при содѣйствіи многихъ друзей, но у его страстей единственный далеко неблагоразумный совѣтчикъ — онъ самъ. Онъ такъ скрытенъ, такъ непроницаемъ! Да, онъ такъ-же далекъ отъ мысли открыть кому-бы то ни было свою удрученную душу, какъ распуковка цвѣтка, подточенная жаднымъ червемъ, далека отъ возможности раскрыться и красоваться на солнцѣ своими прелестными лепестками. Если-бы мы могли

только узнать причину его огорченій, мы съ такимъ-же усердіемъ приступили-бы к его исцѣленію, съ какимъ стараемся теперь развѣдать эти причины. (*Вдали показывается Ромео*).

Бенволио. Вотъ онъ идетъ. Прошу васъ, удалитесь. Я разузнаю эти причины, или назовите меня лгуномъ.

Монтеки. Да поможетъ тебѣ Богъ добиться отъ Ромео полной исповѣди. (*Женъ*) Пойдемъ. (*Уходятъ*).

Бенволио. Добраго утра, Ромео.

Ромео. Развѣ такъ еще рано?

Бенволио. Только-что пробило девять.

Ромео. Какъ медленно тянется время, когда у человѣка тяжело на душѣ. Съ тобою, кажется, разговаривалъ мой отецъ. Почему ушелъ онъ отсюда такъ торопливо?

Бенволио. Да, онъ. Что-же, однако, это за душевная тяжесть, благодаря которой тебѣ кажется, что время тянется безконечно медленно?

Ромео. Неимѣніе того, что заставило-бы его идти скорѣе.

Бенволио. Ты влюбленъ?

Ромео. Изнываю.

Бенволио. Отъ любви?

Ромео. Нѣтъ, отъ того равнодушія, съ какимъ относится ко мнѣ та, кого я люблю.

Бенволио. Какъ жаль, что любовь только на словахъ нѣжна, а на дѣлѣ самовластна и жестока.

Ромео. Какъ жаль, что слѣпая любовь даже и безъ глазъ находитъ путь къ тому, что ее влечетъ... Гдѣ мы обѣдаемъ сегодня?... Ахъ, да! Что здѣсь былъ за шумъ?... Впрочемъ, нѣтъ, не рассказывай; я самъ слышалъ все... Да, здѣсь на каждомъ шагу имѣешь дѣло съ враждою, ненавистью, а еще чаще съ любовью. Всюду — полная вражды любовь и любовь, полная вражды!... О, любовь, ты нѣчто, созданное изъ ничего, ты тяжеловѣсная вѣтренность! ты степенная суетность! безобразный хаосъ красивыхъ на видъ образовъ! свинцовый пухъ, лучезарный дымъ, холодный огонь, больное здоровье, вѣчно бодрствующій сонъ! Въ тебѣ все противоположно тому, что есть на самомъ дѣлѣ! Таковую-то любовь чувствую я, хотя и былъ-бы радъ ея не чувствовать. Тебѣ не смѣшно?

Бенволио. Нѣтъ, я скорѣе готовъ заплакать.

Ромео. О чемъ?

Бенволио. О томъ, что у тебя такъ горько на твоей доброй душѣ.

Ромео. Привязанность постоянно заставляетъ дѣлать одну неизмѣнную ошибку; она усиливаетъ чужое горе. Тоска и такъ уже, словно камень, давитъ мнѣ сердце, а ты своимъ огорченіемъ хочешь еще увеличить эту тяжесть. Да, твое участіе прибавляетъ новую скорбь къ моимъ безмѣрнымъ скорбямъ. Любовь — угаръ, порождаемый дымомъ вздоховъ. Если она очищена отъ дыма, она представляется глазамъ влюбленныхъ ярко сіяющимъ пламенемъ; подавляемая, она превращается въ море слезъ... Что-же еще она такое? —

Самое разумное безуміе, горькая желчь и медовая сладость... До свиданія, другъ.

Бенволіо. Я тоже пойду съ тобою. Ты очень меня огорчишь, если уйдешь одинъ и оставишь меня.

Ромео. Зачѣмъ? Я потерялъ самого себя... Меня здѣсь уже нѣтъ... Тотъ, кто стоитъ передъ тобою, не Ромео... Ромео совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Бенволіо. Скажи серьезно, ты влюбленъ и въ кого?

Ромео. Серьезно-ли? Значитъ ты хочешь слезъ и стоновъ?

Бенволіо. Нѣтъ, зачѣмъ слезы и стоны. А только безъ шутокъ.

Ромео. Я въ данномъ случаѣ такъ-же мало способенъ шутить, какъ и больной, пишущій свое завѣщаніе. Да, серьезно, я люблю женщину.

Бенволіо. Значитъ, сказавъ наугадъ, что ты влюбленъ, я какъ разъ попалъ въ цѣль?

Ромео. Ты отличный стрѣлокъ... Къ сказанному я еще добавлю, что она поразительно хороша собою.

Бенволіо. Чѣмъ поразительнѣе цѣль, тѣмъ легче въ нее попасть.

Ромео. На этотъ разъ ты промахнулся. Стрѣламъ Купидона не ранить ея сердца. У нея нравъ Діаны и она вооружена такимъ испытаннымъ цѣломудріемъ, что ей не страшень лукъ крылатаго божка. Любовныхъ увѣреній слышать она не хочетъ, старается укрываться отъ восторженныхъ взглядовъ и вполнѣ равнодушна къ золоту, которымъ легко подкупить даже праведницу. Она богата красотою, и жаль, что ея богатство умретъ вмѣстѣ съ нею.

Бенволіо. Она вѣрно дала обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія?

Ромео. Дала, и это для міра сущее раззореніе потому что свято соблюдая обѣтъ, она лишаетъ этотъ міръ своего потомства. Она слишкомъ прекрасна, слишкомъ разумно прекрасна, и она добьется вѣчнаго блаженства тѣмъ, что доведетъ меня до отчаянія. Она поклялась не любить никогда, и эта клятва убиваетъ меня, въ то-же время оставляя меня въ живыхъ, какъ ты это видишь изъ того, что я съ тобою разговариваю.

Бенволіо. Прими мой дружескій совѣтъ: перестань о ней думать.

Ромео. Да, сказать это легко; но какъ исполнить?

Бенволіо. Давъ волю глазамъ. Смотри на другихъ красавицъ.

Ромео. Сравненіе ея съ другими заставитъ меня еще живѣе вспоминать о ея совершенствѣ. Счастливыя черныя маски, прикрывающія лица женщинъ, заставляютъ насъ предполагать, что за ними скрывается красота. Человѣкъ, пораженный слѣпотою, никогда не забудетъ того сокровища, которое онъ утратилъ вмѣстѣ съ зрѣніемъ. Покажи мнѣ самую красивую женщину; чѣмъ будетъ для меня ея красота, какъ не напоминаніемъ, что есть другая, далеко превосходящая ее красотою... Прощай; тебѣ не научить меня забвенію.

Бенволіо. Нѣтъ, научу, во что-бы мнѣ это ни обошлось.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Другая улица.

Входят Капулетти, Парись и Шутъ.

Капулетти. Монтеки связанъ такимъ-же обязательствомъ, и подь угрозой одинаковой кары. Казалось-бы, что такимъ старикамъ, какъ мы оба, не трудно жить въ мирѣ.

Парись. Вы пользуетесь одинаковымъ положеніемъ, одинаковымъ почетомъ, и весьма прискорбно, что вы столько лѣтъ враждуете между собою. Но теперъ, синьоръ, что отвѣтите вы на мое предложеніе?

Капулетти. Повторю то же, что отвѣтилъ тогда. Моя дочь въ свѣтъ совсѣмъ еще чужая; ей нѣтъ полныхъ четырнадцати лѣтъ. Пусть еще два раза поблекнетъ пышная красота лѣта, и только тогда мы найдемъ ее достаточно зрѣлой для замужества.

Парись. Иныя и помоложе, а все-же благополучно дѣлались матерями.

Капулетти. Эти слишкомъ рано вышедшія замужъ матери очень скоро увядаютъ. Земля поглотила всѣхъ моихъ первенцевъ, всѣ мои раннія надежды; въ живыхъ осталась одна Джульетта, много обѣщающая наслѣдница моихъ земель... Однако, любезный Парись, я не запрещаю вамъ ухаживать за нею, добиваться ея любви; мое согласіе въ сильной степени зависитъ отъ того, что скажетъ она; если вы сумѣете вызвать въ ней взаимную любовь, я выбору ея противиться не стану. Сегодня вечеромъ у меня пиръ; гостей пригласилъ я много, — все такихъ, которые мнѣ по сердцу. Приходите и вы. Число дорогихъ гостей увеличится тогда однимъ изъ самыхъ мнѣ любезныхъ. Сегодня въ моемъ скромномъ жилищѣ вы увидите столько звѣздъ, хотя и ходящихъ по землѣ, но способныхъ затмить своимъ блескомъ свѣтила небесныя. Появленіе наряднаго апрѣля, являющагося замѣнъ хромающей старухи-зимы, всегда вызываетъ восторгъ въ кипящей жизнью молодости; приготовьтесь-же ощутить такой-же восторгъ у меня сегодня въ домѣ при видѣ роскошнаго букета едва распускающихся цвѣтовъ въ женскомъ образѣ. Присмотритесь ко всѣмъ, прислушайтесь ко всѣмъ и изберите ту, которая соединяетъ въ себѣ наибольшее количество всякихъ совершенствъ. Въ числѣ другихъ будетъ и моя дочь, хотя, конечно, не одною изъ первыхъ, но и не изъ послѣднихъ. Идемте со мною. *(Шуту)*. А ты, бездѣльникъ, обѣгай всю нашу красавицу Верону, разъищи всѣхъ, чьи имена значатся въ этомъ спискѣ, и скажи имъ, что мой домъ радушно открытъ для нихъ сегодня. *(Отдаетъ шуту бумагу и уходитъ вмѣстѣ съ Парисомъ)*.

Шутъ. Разъищи всѣхъ, чьи имена значатся въ этомъ спискѣ! Легко сказать! Мало-ли что значитса? Значитса, напиримѣръ, что башмачникъ долженъ знать свой аршинъ, портной колодку, рыбакъ кисти, живописецъ сѣти. Мнѣ говорятъ: — «разъищи всѣхъ, чьи имена внесены въ этотъ списокъ», а почемъ я

знаю, какія имена вздумалось занести сюда составлявшимъ списокъ? Надо обратиться къ грамотнымъ людямъ. А вотъ кстати... (*Входятъ Бенволио и Ромео*).

Бенволио. Полно! Одинъ жаръ подавляется другимъ жаромъ; одно страданіе тоскою новаго страданія. Если кружится голова, начни вертѣть въ противоположную сторону, и головокруженіе пройдетъ. Новое горе исцѣляетъ отъ стараго. Отрави свой взоръ новымъ ядомъ, и старый ядъ утратитъ свое губительное свойство.

Ромео. Въ такомъ случаѣ листъ придорожника, должно быть, отличное средство.

Бенволио. Въ какомъ случаѣ?

Ромео. Когда переломлена нога.

Бенволио. Съ ума ты сошелъ, Ромео?

Ромео. Нѣтъ, не сошелъ, но связанъ крѣпче, чѣмъ связываютъ сьумасшедшихъ, посаженъ въ тюрьму, гдѣ меня морятъ голодомъ, сѣкутъ, истязаютъ (*Подходитъ шутъ*). Добраго вечера, любезный.

Шутъ. То-же и вамъ... Синьоръ, будьте добры, скажите, умѣете вы читать?

Ромео. Прочестъ въ книгъ судебъ, что я обреченъ на страданія, могу.

Шутъ. Вы, можетъ быть, прочли это, не зная грамоты... Но, будьте добры, вы сьумѣете прочестъ все, что-бы ни было написано?

Ромео. Да, если буквы и языкъ мнѣ знакомы.

Шутъ. Опять-таки не отвѣтъ. Счастливо оставаться (*Собирается уходитъ*).

Ромео. Стой, пріятель! Я тебѣ прочту (*Читаетъ*). «Пригласитъ синьора Мартино съ супругою и съ дочерьми; графа Ансэльмо съ его красавицами-сестрами; вдову синьора Витрувіо; синьора Плаченціо съ его прелестною племянницею; Меркуціо и его брата Валентина; моего дядю Капулетти съ супругою и съ дочерьми; хорошенькую мою племянницу Розалину; Ливію; синьора Валеціо съ двоюроднымъ братомъ его Тибальдо; Лючіо и остроумную Елену» (*Возвращаетъ списокъ*). Собраніе блестящее. Гдѣ оно состоится?

Шутъ. Что?

Ромео. Я спрашиваю, гдѣ состоится ужинъ?

Шутъ. У насъ.

Ромео. У кого-же это «у васъ»?

Шутъ. У моего господина.

Ромео. Съ этого вопроса мнѣ бы и слѣдовало начать.

Шутъ. Я вамъ и безъ всякихъ вопросовъ расскажу. Мой господинъ — прославленный и богатѣйшій синьоръ Капулетти; если вы не принадлежите къ роду Монтеки, имѣю честь пригласить васъ на пиръ и распить бутылочку-другую. Желаю вамъ всякихъ радостей. (*Уходитъ*).

Бенволио. На этомъ обычномъ празднествѣ Капулетти въ числѣ другихъ красавицъ Вероны будетъ присутствовать и ужинать та самая прелестная Розалина, въ которую ты влюбленъ. Отправимся на этотъ пиръ и мы. Окинь безпристрастнымъ окомъ и другія лица, которыя укажу тебѣ я, сравни ихъ съ Розалиной, и ты увидишь, что твой бѣлая голубка только ворона.

Ромео. Пусть мои слезы превратятся въ огонь, если я на святыню моихъ глазъ дерзну взнести такую клевету! Пусть эти глаза, утопавшіе такъ часто, но все сохранившіе жизни, совсѣмъ утонуть въ жгучихъ слезахъ, какъ стораютъ въ огнѣ казимые клеветники. Да есть-ли въ мірѣ женщина красивѣе той, кого я люблю! Всевидящее солнце никогда не видывало ничего подобнаго съ самаго сотворенія міра.

Бенволио. Полно! Ты только потому считаешь ее такою ослѣпительною красавицею, что она одна у тебя передъ глазами, и у нея не было иного противника, кромѣ ея самой. Взвѣсь на своихъ кристальныхъ вѣсахъ красоту Розалины и красоту другихъ женскихъ лицъ, которыя въ полномъ ихъ блескѣ я укажу тебѣ на пиру, я она сразу утратитъ весь блескъ, ослѣпившій тебя до сихъ поръ.

Ромео. Хорошо, я пойду съ тобою, но не затѣмъ, чтобы увидать то, что ты хочешь мнѣ показать, но чтобъ упиться лицезрѣніемъ очаровательной Розалины. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Капулетти.

Входятъ синьора Капулетти и Кормилица.

С-а Капулетти. Гдѣ-же дочь, кормилица? Позови ее.

Кормилица. Звала! и это такъ-же вѣрно, какъ-то, что я въ двѣнадцать лѣтъ была дѣвственницей. (*Зоветь*). Гдѣ-же ты, моя овечка, божья моя коровка, если не грѣхъ такъ говорить?.. Гдѣ-же эта дѣвчонка? Гдѣ ты, Джульетта? (*Входитъ Джульетта*).

Джульетта. Кто меня зоветъ?

Кормилица. Вотъ кто — матушка зоветъ.

Джульетта. Я здѣсь, синьора. Что вамъ угодно?

С-а Капулетти. Кормилица, уйди пока отсюда; намъ необходимо переговорить наединѣ. Или нѣтъ! — вернись, кормилица, я сообразила, что и тебѣ слѣдуетъ присутствовать при нашемъ совѣщаніи. Ты знаешь, наша дочь входитъ въ возрастъ.

Кормилица. Мнѣ-ли не знать ея лѣтъ? Я могу сказать ихъ вамъ часъ въ часъ.

С-а Капулетти. Ей скоро сравняется четырнадцать.

Кормилица. Да, скоро, но готова прозакладывать четырнадцать своихъ зубовъ, — хотя, на бѣду, ихъ во рту у меня осталось всего четыре, — полныхъ четырнадцати ей еще нѣтъ. Сколько осталось до Св. Петра — въ веригахъ?

С-а Капулетти. Съ чѣмъ-то двѣ недѣли.

Кормилица. Ну, съ чѣмъ-то или ровно — все-равно. Сколько-бы дней въ году ни было, а въ ночь подъ этотъ день ей исполнится ровно четырнадцать.

Она и моя Сусанна, — упокой, Господи, всѣ христіанскія души! — были ровесницы. Моя Сусанна теперь передъ престоломъ Всевышняго... Я, должно-быть, оказалась недостойною такого сокровища!.. Но, какъ-бы то ни было, Джульеттѣ въ ночь на 1-е августа исполнится ровно четырнадцать... да, равно, даю въ этомъ честное слово... Я все отлично помню. Со дня землетрясенія прошло ровно одиннадцать лѣтъ, а я въ этотъ день какъ разъ отняла ее отъ груди, и межъ всѣми днями, сколько-бы ихъ ни было въ году, никогда не забуду, что отняла ее отъ груди именно въ этотъ день... Какъ теперь помню, натерла я груди полынью и сидѣла прислонясь спиною къ голубятнѣ, а вы и вашъ супругъ находились тогда въ Мантуѣ... О, память у меня здоровая!.. Ну, вотъ, какъ я уже говорила, натерла я груди полынью, а когда дочурка-то ваша почувствовала горечь, посмотрѣли бы вы, какъ она разозлилась на горькій сосокъ... словно ополоумѣла!.. Вдругъ чувствую — голубятня-то дрожить... Клянусь Богомъ, — нечего и говорить, что я давай Богъ ноги и дала тягу!.. Да, этому какъ разъ одиннадцать лѣтъ... Она не только уже умѣла ходить безъ чужой опоры, но даже бѣгала и туда, и сюда. Какъ разъ наканунѣ она упала и у нея вотъ какая шишка вскочила на лбу!.. Мой мужъ, — упокой, Господь, его душу! — шутникъ быть. Помогъ онъ малюткѣ встать да и говоритъ: — «Вотъ ты теперь все ничкомъ падаешь, а станешь поумнѣе, такъ небось все больше будешь падать навзничъ? Такъ, вѣдь, Джуджу?» А она-то, плутовка, — что-бы вы думали? — плакать перестала, остановилась и говоритъ: — «Да». Посмотрите, шутка это, вѣдь, а какъ вышло справедливо! Проживи я еще хоть тысячу лѣтъ и тогда не забуду, какъ мужъ сказалъ: — «Такъ, вѣдь, Джуджу?» — а она-то остановились и въ простотѣ сердечной говорить — «Да».

С-а Капулетти. Будетъ объ этомъ, кормилица; перестань.

Кормилица. Сейчасъ, синьора! но меня каждый разъ смѣхъ разбираетъ, какъ только я вспомню, что она, глупенькая, перестала плакать да и говоритъ: — «Да»... Однако, клянусь чѣмъ хотите, ушиблась она здорово; шишка-та на лбу вскочила съ доброе куриное яйцо. Крику-то, крику-то было!.. Вдругъ мужъ говоритъ: — «Ты теперь ничкомъ падаешь, а выростешь — станешь больше падать навзничъ. Такъ, вѣдь, Джуджу?» — а она перестала плакать да и говоритъ: — «Да».

Джульетта. Перестань, кормилица, прошу тебя.

Кормилица. Кончила, кончила, синьора! Будьте покойны... Да не обойдетъ тебя Создатель своими радостями... Мало-ли дѣтей я выкормила, но куколки лучше тебя не было ни одной. Дожить-бы мнѣ только до твоей свадьбы; больше мнѣ ничего не нужно.

С-а Капулетти. Вотъ о свадьбѣ-то я и хотѣла говорить. Скажи мнѣ, Джульетта, есть у тебя желаніе выйти замужъ?

Джульетта. О такой чести я до сихъ поръ даже и не думала.

Кормилица. «О такой чести!»... Каково? А? Не будь я сама твоею единственною кормилицею, право, я бы сказала, что ты всосала мудрость съ молокомъ.

С-а Капулетти. Совѣтую тебѣ объ этомъ подумать. Даже здѣсь, въ Веронѣ, къ тому-же въ высшемъ кругу многія твои ровесницы, инныя даже моложе тебя, а уже матери. Если не ошибаюсь, я сама сдѣлалась матерью ранѣе того возраста, котораго достигла ты, а ты, дорогая моя, даже еще не замужемъ... Ну, въ двухъ словахъ: — знатный Парисъ просить твоей руки.

Кормилица. Вотъ это, милочка моя, такъ мужчина... Еще такого мужчины не сыщешь, хоть обойди весь міръ... Другаго такого даже изъ воска не вылѣпишь.

С-а Капулетти. Среди всего цвѣтника веронской молодежи лучшій цвѣтокъ — онъ.

Кормилица. Цвѣтокъ, истинный цвѣтокъ!

С-а Капулетти. Что ты на это скажешь? Можешь ты полюбить его? Сегодня вечеромъ у насъ пиръ. Вглядись хорошенько въ Париса, въ его черты, отмѣченныя печатью красоты. Вглядись, сколько гармоніи въ этихъ чертахъ, какъ онѣ соотвѣтствуютъ одна другой, и если тебѣ въ этой великолѣпной страницѣ что нибудь покажется неяснымъ, ищи объясненія въ его краснорѣчивыхъ глазахъ. Этой драгоцѣнной книги любви, чтобы достигнуть полного совершенства не достаетъ только достойнаго футляра. Хорошая рыба живетъ только въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, и внѣшняя красота становится еще цѣннѣе, когда она идетъ объ руку съ красотой душевною. Какъ-бы драгоцѣнна ни была книга, ея золотое содержаніе получаетъ двойную стоимость, если и застежки у нея золотыя. Итакъ, выйдя за него замужъ, ты приобрѣтешь все, что имѣетъ онъ, не утративъ ничего изъ того что имѣешь сама.

Кормилица. Ей-то утратить? — Нѣтъ, жены отъ мужей бываютъ не съ убылью, а съ прибылью.

С-а Капулетти. Скажи, можешь-ли ты отвѣчать на любовь Париса?

Джульетта. Посмотрю, можетъ-ли зрѣніе пробудить любовь; но во всякомъ случаѣ дальше тѣхъ поощреній, которыя мнѣ дозволяетъ ваше желаніе, я не пойду (*Входитъ слуга*).

Слуга. Синьора, гости начинаютъ собираться. Ужинъ готовъ. Освѣдомляются, гдѣ синьорина... въ кухнѣ-же проклинаютъ кормилицу. Прикажете подавать ужинъ? — все готово. Умоляю васъ, синьора, приходите скорѣе.

С-а Капулетти. Хорошо, сейчасъ (*Слуга уходитъ*). Идемъ, Джульетта, твой отецъ насъ ждетъ.

Кормилица. Ступай, моя радость. Да пошлетъ тебѣ Богъ, въ добавокъ къ блаженнымъ днямъ, столько-же блаженныхъ ночей (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Улица.

Въ сопровожденіи слугъ, несущихъ факелы, входятъ одѣтый пилигримомъ Ромео, Меркуціо, Бенволио и еще человекъ пять или шесть замаскированныхъ молодыхъ людей.

Ромео. Слѣдуетъ-ли при входѣ произнестъ какую-нибудь оправдывающую насъ рѣчь или можно войти безъ всякихъ извиненій?

Бенволио. Многословныя рѣчи вышли теперь изъ употребленія; онѣ такъ-же устарѣли, какъ грубо раскрашенные купидоны, съ завязанными шарфомъ глазами, съ колчанами, полными стрѣлъ, своимъ безобразнымъ видомъ заставляющіе молодыхъ женщинъ убѣгать отъ нихъ, какъ отъ пугаль. Не нужно никакихъ прологовъ, за отсутствіемъ подсказчика, произносимыхъ по запискамъ и возвѣщающихъ о нашемъ прибытіи. Пусть насъ принимаютъ за кого угодно. Мы потанцуемъ, а затѣмъ удалимся.

Ромео. Дайте мнѣ факель. Я мраченъ, поэтому хочу свѣтить другимъ.

Меркуціо. Нѣтъ, добрѣйшій мой Ромео, мы хотимъ, чтобы и ты потанцовалъ.

Ромео. Ну, этого отъ меня не ждите! Всѣ вы въ бальныхъ башмакахъ съ тонкими подошвами; вамъ легко, а у меня на душѣ свинецъ, едва позволяющій мнѣ передвигаться съ мѣста на мѣсто.

Меркуціо. Все оттого, что ты влюбленъ. Возьми у купидона на прокатъ его крылья, и ты полетишь еще легче нашего.

Ромео. Нѣтъ, стрѣлы купидона изранили меня такъ тяжело, что мнѣ не вспорхнуть даже и при помощи легкихъ его крыльевъ. Я окованъ и въ такомъ видѣ не въ силахъ вознестись надъ своею скорбью. Я склоняюсь ницъ подъ тяжестью давящей меня любви.

Меркуціо. Встрепенись, и ты самъ одолѣешь такого нѣжнаго ребенка, какъ купидонъ.

Ромео. Это купидонъ-то нѣжный ребенокъ? Нѣтъ, онъ грубъ, свирѣпъ и могучъ. Онъ, словно терновникъ, царапаетъ и колетъ.

Меркуціо. Если любовь обходится съ тобою грубо, и ты будь съ нею грубъ. Если она царапается, и ты царапай ее своими шипами... Она укротится разомъ (*Слугамъ*). Подайте мнѣ черное лицо, чтобы надѣть его на бѣлое (*Надѣваетъ маску*). Если чей-нибудь любопытный взглядъ заподозритъ мое безобразіе, мнѣ, съ этимъ лицомъ на лицѣ, такое любопытство не страшно; не мнѣ самому придется краснѣть за свое безобразіе, а только моимъ густымъ бровямъ.

Бенволио. Пора; постучимся и войдемъ, а только войдемъ, сейчасъ-же заставимъ работать ноги.

Ромео. Дайте мнѣ свѣтильникъ. Пусть тѣ, у кого легко на сердцѣ, скользятъ ногами по тростниковымъ циновкамъ, а я, ограничиваясь степенною ролью, буду свѣтить и смотрѣть. Моя грусть явилась-бы чернымъ пятномъ среди общаго веселья. Мнѣ-же не до веселья; я совсѣмъ разбитъ.

Меркуціо. Э, ночью всѣ кошки сѣры, какъ выразилось одно должностное лицо. А если ты въ самомъ дѣлѣ обратился въ разбитую клячу, мы, — извини за

выраженіе, — все-таки вытащимъ тебя изъ тины или изъ любви, въ которой ты увязъ по уши. Идемте, мы только даромъ сжигаемъ здѣсь дневной свѣтъ.

Ромео. Что-то не понимаю.

Меркуціо. Этимъ, синьоръ, я желаю сказать, что долѣе терять время такъ-же бесполезно, какъ зажигать свѣтильники при дневномъ свѣтѣ. Отдай справедливость нашему доброму намѣренію; въ немъ впятеро больше смысла, чѣмъ у всѣхъ насъ пятерыхъ въ головѣ.

Ромео. Мы на этотъ пиръ отправляемся съ умными намѣреніями, а все-таки, отправляясь туда, поступаемъ глупо.

Меркуціо. Можно спросить, почему?

Ромео. Я видѣлъ сонъ.

Меркуціо. И я видѣлъ.

Ромео. Что-же ты видѣлъ?

Меркуціо. А то, что рассказывающіе свои сны часто лгутъ.

Ромео. Лжетъ только тотъ, кто отрицаетъ дѣйствительность видѣннаго.

Меркуціо. Эхъ, милый другъ! вижу я, что тебя посѣтила царица Мебъ. Она повивальная бабка фей. Вся-то она не больше маленькаго агатоваго камня на указательномъ пальцѣ судьи. Колесницу ея везутъ два крошечныхъ атома, и она безпрепятственно разгуливаетъ по ногамъ спящихъ. Спицы этой колесницы сдѣланы изъ длинныхъ ножекъ пауковъ-косцовъ, верхъ изъ крыла кузнечика, возжи изъ тончайшей паутины, а сбруя соткана изъ луннаго свѣта; кнутовищемъ служить косточка сверчка, а самымъ кнутикомъ полоска тончайшей плевы. Возницей у нея крошечный сѣрый комаръ не болѣе крошечнаго круглago червя, вынимаемаго иголкой изъ-подъ ногтя лѣнливой служанки. Кузовъ изъ пустой орѣховой скорлупы обточенъ замѣчательной столярныхъ дѣлъ мастерицей — бѣлкой или старымъ червемъ, съ незапамятныхъ временъ исполняющими у фей должность каретниковъ. Въ такой колесницѣ разѣзжаетъ она каждую ночь. Проѣдетъ она по мозгу влюбленнаго, и ему снится любовь; проѣдетъ по колѣнямъ придворнаго и ему снится, будто онъ отвѣшиваетъ поклоны; дотронется до пальцевъ законника, и ему снятся незаконные доходы; проѣдетъ по губамъ молодой женщины, и ей снятся поцѣлуи. Женщинъ сердитая Мебъ часто награждаетъ прыщами и нарывами за то, что онѣ подкрашиваютъ губы разными снадобьями и отъ этого у нихъ не свѣжо дыханіе. Иногда она галопомъ промчится по носу искателя должностей, и онъ нюхомъ чуетъ доходное мѣсто, а иной разъ она щетинкой, вырванной изъ хвоста поросенка, пощекочетъ въ ноздрѣ спящаго аббата, и ему снится двойной десятинный сборъ. Промчится она по шеѣ солдата, и ему грезится, будто онъ перерѣзываетъ непріятельское горло, снятся приступы, засады, исполинскіе клинки и кубки, впятеро объемистѣе обыкновенныхъ, слышится барабанный бой. Солдатъ вздрагиваетъ и просыпается. Въ испугѣ онъ прочитываетъ одну молитву-другую и засыпаетъ снова. Та-же самая Мебъ заплетаетъ по ночамъ лошадямъ гривы, а такъ-же и людямъ перепутываетъ волосы, намазывая ихъ какою-то скверною клейкою жидкостью, такъ-что

расчесать ихъ становится не только невозможно, но и опасно. Эта-же вѣдьма давить дѣвушекъ, когда онѣ спятъ на спинѣ, и первая научаетъ ихъ чувствовать на себѣ постороннюю тяжесть; тѣмъ она подготавливаетъ ихъ къ исполненію настоящаго назначенія женщины. Она-же...

Ромео. Перестань, Меркуціо! Довольно! Ты говоришь вздоръ.

Меркуціо. Нѣтъ, не вздоръ. Я говорю о снахъ, объ этихъ чадахъ празднаго мозга, которыя въ сущности ничто иное, какъ нелѣпая игра воображенія; эта игра настолько-же лишена какого-нибудь прочнаго основанія, какъ и воздухъ, и она настолько-же измѣнчива, какъ вѣтеръ, то ласково, какъ теперъ, вѣющій съ юга, то вдругъ оборачивающійся лицомъ къ увлаженному росой югу и, разсвирѣпѣвъ, начинающій дуть съ неистовою злобой.

Бенволио. Вѣтеръ, о которомъ ты говоришь, кажется, уноситъ у васъ изъ головы всѣ наши планы. Ужинъ, вѣроятно, теперь уже окончился, и мы, пожалуй, явимся слишкомъ поздно.

Ромео. А я, напротивъ, боюсь, не слишкомъ-ли рано. Мою душу гнететъ предчувствіе, что нѣчто недоброе, еще таящееся въ нѣдрахъ моей звѣзды, приступитъ къ своимъ всеокрушающимъ дѣяніямъ; оно поведетъ за собою страшную развязку, жертвой которой сдѣлается жизнь, бьющаяся у меня въ груди, и приведетъ меня къ преждевременной смерти. Но пусть тотъ кормчій, который управляетъ моею судьбою, направитъ мой парусъ! Идемте, веселые друзья!

Бенволио. Бейте въ барабаны (*Всѣ уходятъ.*)

СЦЕНА V.

Зала въ домѣ Капулетти.

Музыканты ожидаютъ. Входитъ нѣсколько слугъ.

1-й слуга. Гдѣ Сотейникъ? Что-же онъ не помогаетъ убирать? Должно-быть, облизываетъ тарелки. Онъ только это и знаетъ.

2-й слуга. Когда всѣ чистыя должности поручены одному или двоимъ, а они не успѣваютъ вымыть рукъ, дѣло всегда выйдетъ очень грязное.

1-й слуга. Прочь табуреты. Уберите буфетъ и смотрите за серебряною посудой (*Одному изъ слугъ*). Припрячь мнѣ кусокъ марципана да впусти Сусанну и Нэлли. Эй, Антоніо Сотейникъ!

3-й слуга. Что нужно?

1-й слуга. Тебя ждуть, спрашиваютъ, зовутъ, ищутъ повсюду, а тебя нигдѣ нѣтъ.

3-й слуга. Не могу-же я быть и здѣсь, и тамъ, и всюду. Ну, ребята, живѣе за дѣло. Кто останется послѣднимъ, тому все, что осталось (*Уходятъ въ глубину. Появляются оба Капулетти, гости и маски.*)

Мл. Капулетти. Добро пожаловать, господа! Дамы, не страдающія мозолями на ногахъ, желаютъ съ вами потанцовать. Кто-же изъ васъ, дорогія гостыи, откажется отъ танцевъ? Если-же которая-нибудь станетъ жеманиться и отказываться, я приму присягу, что у нея болятъ мозоли. Этимъ я затрогиваю васъ за больное мѣсто? Не такъ-ли? (*Входятъ другіе замаскированные гостыи*). Добро пожаловать, господа! Было время, когда и я, прикрывъ лицо маской, нашептывалъ любовныя рѣчи на ухо красивымъ дамамъ и дѣвицамъ. Дамамъ и дѣвицамъ нравились мои рѣчи. Но время это, увы, прошло, прошло! прошло!.. Добро пожаловать, синьоры. Эй! музыканты, играйте... Балъ начинается... Очистите мѣсто для танцевъ!.. Синьорины, выступайте впередъ (*Музыка играетъ. Начинаются танцы. Младшій Капулетти обращается къ слугамъ*). Побольше огня! Убратъ столы совсѣмъ, да потушить каминъ; здѣсь становится слишкомъ жарко. (*Увидавъ старшаго Капулетти*.) А, дорогой дядюшка, наконецъ-то! Я уже терялъ надежду увидеть васъ сегодня. Но радость видѣть васъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она неожиданнѣе. Сядьте, любезный дядюшка, такъ-какъ время, когда мы оба танцовали, къ сожалѣнію, миновало. А сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами были въ послѣдній разъ подъ масками?

Ст. Капулетти. Лѣтъ тридцать будетъ. Да, клянусь Пресвятой Дѣвой, не менѣе.

Мл. Капулетти. Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы такъ давно. Гораздо меньше. Мы, вѣдь, въ послѣдній разъ танцовали на свадьбѣ Люченціо, а это какъ разъ въ Духовъ день; съ тѣхъ поръ прошло не болѣе двадцати пяти лѣтъ... Мы оба были въ маскахъ.

Ст. Капулетти. Нѣтъ, больше. Его сыну уже полныхъ тридцать лѣтъ.

Мл. Капулетти. Какъ вы можете это говорить? Его сынъ еще два года тому назадъ былъ несовершеннолѣтнимъ.

Ромео (*Одному изъ слугъ*). Кто эта синьорина, осчастливливающая вотъ того молодого человѣка, идя съ нимъ подъ руку?

Слуга. Не знаю, синьоръ.

Ромео (*Глядя на Джульетту*). Какъ хороша! Она своимъ присутствіемъ заставляетъ огни горѣть свѣтлѣе! На фонѣ черной ночи она является безцѣнною жемчужиной въ ухѣ эѳіопа. Такая красота слишкомъ цѣнна, чтобы обладать ею; она слишкомъ дорога для земли. Она, когда сравнишь ее съ другими красивыми женщинами, кажется бѣлоснѣжною голубкой среди воронъ. Когда она окончитъ танецъ, выслѣжу, гдѣ ея мѣсто, подойду, и моя осчастливленная рука коснется ея руки... Сердце мое, любило-ли ты до сегодняшняго дня? Зрѣніе мое, поклянись, что нѣтъ! До нынѣшняго вечера я не видывалъ настоящей красоты.

Тибальдо. Я узнаю его по голосу; онъ непременно Монтекки. Пажъ, принеси мнѣ шпагу. Какъ! Этотъ наглець дерзнулъ подъ прикрытіемъ безобразной маски явиться сюда, чтобы своимъ присутствіемъ издѣваться надъ

нашимъ пиромъ и позорить его. Клянусь честью нашего рода, что убить этого дерзкаго мальчишку не было-бы грѣхомъ.

Мл. Капулетти. Что съ тобою, племянникъ? Ты рвешь и мечешь... Изъ-за чего?

Тибальдо. Дядя, здѣсь одинъ изъ нашихъ враговъ — Монтеки. Этотъ наглець осмѣлился явиться сюда, чтобы дразнить насъ и надругаться надъ нашимъ пиромъ.

Мл. Капулетти. Это, кажется, юный Ромео?

Тибальдо. Да, гнусный Ромео.

Мл. Капулетти. Угомонись, любезный племянникъ; оставь его въ покоѣ. Онъ ведетъ себя вполнѣ прилично, какъ настоящій дворянинъ. Говоря по правдѣ, Верона гордится имъ, считая его благовоспитаннымъ и во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ юношей. Я за всѣ сокровища этого города не согласился-бы, чтобы его хоть чѣмъ-нибудь обидѣли у меня въ домѣ. Поэтому, вооружись терпѣніемъ и не обращай на него вниманія. Я такъ хочу, и если мое желаніе имѣетъ для тебя цѣну, перестань хмуриться. Во время пира это неприлично.

Тибальдо. Все прилично, когда въ числѣ гостей есть негодяй. Я этого не стерплю.

Мл. Капулетти. Однако, вынужденъ будешь стерпѣть, задорный мальчуганъ! Пусть его остается; я такъ рѣшилъ. Вѣдь хозяинъ дома не ты, а я. Ты не стерпишь этого? Полно! Иди ты — прости Господи! — намѣренъ всполошить моихъ гостей, поднять сумятицу, разыгрывая изъ себя первое лицо въ домѣ?

Тибальдо. Однако, дядя, это позоръ!

Мл. Капулетти. Полно, полно! — Ты наглый мальчишка... Тебѣ такая выходка обошлась-бы очень дорого. Я знаю, что говорю. Вздумалъ, — чортъ возьми! — бѣсить меня! Нашель-же минуточку... Ты нахаль! хоть, ради стыда, угомонись, или... (*Слугамъ*). Поболѣе огней! (*Тибальдо*)... или я съумѣю заставить тебя угомониться. (*Гостямъ*). Ну, веселѣй, веселѣй, друзья мои!

Тибальдо. Я дрожу всѣмъ тѣломъ отъ упорной борьбы между вынужденнымъ терпѣніемъ и кипящею во мнѣ яростью. Уйду пока; но сладость вторженія сюда скоро обратится для него въ горькую желчь.

Ромео (*Джувлеттъ*). Если я своею недостойною рукою осквернилъ святыню, я готовъ наложить на себя сладкую епитимью; позвольте моимъ губамъ, — двумъ краснѣющимъ пиллигримамъ, — загладить грубость прикосновенія нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Джувлетта. Напрасно добрый пиллигримъ такъ сурово относится къ своей рукѣ. Она выказала только похвальную набожность. И у святыхъ есть руки, къ которымъ прикасаются пиллигримы, и это прикосновеніе равносильно святому поцѣлуу паломника.

Ромео. Но у праведницъ есть губы и у пиллигримовъ тоже.

Джувлетта. Да, пиллигримъ; но эти губы предназначены для молитвъ.

Ромео. Если такъ, безцѣнная праведница, позволь и губамъ сдѣлать то же, что сдѣлала рука. Онѣ молятъ тебя; внемли-же ихъ мольбѣ; иначе ихъ вѣра превратится въ отчаяніе.

Джульетта. Праведницы остаются неподвижны даже и тогда, когда къ нимъ взываютъ не напрасно.

Ромео. Пусть-же праведница останется неподвижной, пока я не буду вполне убѣждать, что мольбы мои дѣйствительно услышаны. (*Цѣлуетъ ее въ губы*). Теперь уста праведницы стерли съ моихъ губъ ихъ прегрѣшеніе.

Джульетта. А мои уста сохранили для себя прегрѣшеніе пиллигрима.

Ромео. Мое прегрѣшеніе праведница сохранила для себя?... О, какъ сладокъ этотъ грѣхъ! Я умоляю праведницу вернуть мнѣ его снова. (*Цѣлуетъ ее вторично*).

Джульетта. Пиллигримъ цѣлуетъ, какъ по книгѣ (*Входитъ кормилица*).

Кормилица. Синьорина, тебя на пару словъ зоветъ твоя матушка. (*Джульетта направляется къ синьору Капулетти*).

Ромео. А кто ея мать?

Кормилица. Кто-же этого не знаетъ? — Ее мать — хозяйка этого дома, предобрая, преумная и предобродѣтельная женщина. Ея дочь, съ которою вы разговаривали, выкормила я. Скажу вамъ только одно: — счастливъ будетъ тотъ, кому достанется такое сокровище (*Кормилица отходитъ въ сторону*).

Ромео. Она изъ рода Капулетовъ! Дорого-же мнѣ это обойдется. Моя жизнь въ залогъ у врага.

Бенволио. Пора уходить; пиръ окончился.

Ромео. Къ сожалѣнію, кажется, именно такъ... (*Про себя*) и въ ту минуту, когда внутреннее мое смятеніе дошло до крайнихъ предѣловъ.

Мл. Капулетти. Нѣтъ, дорогие гости, не удаляйтесь такъ рано. Для васъ еще готовится легкая и довольно простенькая закуска... Вы все-таки стоите на своемъ? Если такъ, благодарю васъ всѣхъ за посѣщеніе... Всѣхъ, всѣхъ благодарю за посѣщеніе. Покойной ночи. Эй, факеловъ сюда побольше! Я, я отправляюсь въ постель. (*Увидавъ старшаго Капулетти*). Прощайте, дядя. Часъ уже не ранній; усталъ я и иду отдохнуть. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Джульетты и кормилицы*).

Джульетта. Посмотри сюда, кормилица: кто этотъ молодой синьоръ?

Кормилица. Сынъ и наслѣдникъ старика Тиберіо.

Джульетта. А этотъ, что выходитъ теперь?

Кормилица. Если не ошибаюсь, это молодой Петручіо.

Джульетта. А вотъ этотъ, что отказался танцовать?

Кормилица. Не знаю.

Джульетта. Поди, спроси, кто онъ. (*Кормилица уходитъ*). Если онъ женатъ, могила будетъ моимъ брачнымъ ложемъ.

Кормилица возвращается.

Кормилица. Его зовутъ Ромео; онъ единственный сынъ Монтекки нашего закоснѣлаго врага.

Джульетта. Единственная моя любовь истекаетъ изъ единственной моей ненависти. Не зная, кто онъ, я увидала его слишкомъ рано, но узнала это уже слишкомъ поздно. Печальная выпала мнѣ доля: — я обречена любить ненавидимаго врага.

Кормилица. Что ты? Что ты говоришь?

Джульетта. Отрывокъ откуда-то. Мнѣ его прочиталъ танцовавшій со мною кавалеръ. *(За сценой кто-то зоветъ Джульетту).*

Кормилица. Сейчасъ, сейчасъ!.. Всѣ гости уже разошлись по домамъ; пойдемъ и мы. *(Уходятъ. Появляется хоръ).*

Хоръ. Прежняя любовь лежитъ на смертномъ одрѣ; вмѣсто нея новая страсть воцарилась въ сердцѣ юноши. Та, изъ-за которой влюбленный юноша стоналъ и готовъ былъ умереть, при сравненіи съ Джульеттой, перестала быть въ его глазахъ красавицей. Теперь Ромео любимъ тою, въ которую влюбился самъ; оба они очарованы взаимными взглядами. Ему во что-бы то ни стало необходимо излить свои горести передъ мнимою своею непріятельницею, а она, уклоняясь отъ его признаній, еще вѣрнѣе ловить его на опасную удочку любви. Она считаетъ его своимъ врагомъ, а Ромео не безъ труда находитъ случай излить передъ нею потокъ тѣхъ переполненныхъ страстью рѣчей, которыя свойственны всѣмъ влюбленнымъ, потому что Джульетта, — хотя и она влюблена не менѣе, чѣмъ онъ, — всячески уклоняется отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ. Однако, страсть, время и случай дадутъ имъ познать неизмѣримое блаженство и неизмѣримыя страданія. *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Улица, примыкающая къ саду Капулетти.

Входитъ Ромео.

Ромео. Могу-ли я не стремиться сюда, когда вся душа моя здѣсь? Вернись вспять, унылая земля, и сама отыскивай свое сердце. *(Влѣзаетъ на ограду и соскакиваетъ въ садъ. Входятъ Бенволио и Меркуціо).*

Бенволио. Ромео, другъ Ромео. Эй! гдѣ ты?

Меркуціо. Повѣрь, что онъ умнѣ насъ съ тобою: клянусь жизнью, онъ, должно быть, вернулся домой и теперь лежать уже въ постели.

Бенволио. Однако, я видѣлъ, какъ онъ побѣжалъ сюда и, взобравшись на ограду, соскочилъ въ садъ. Добрый Меркуціо, оклики его.

Меркуціо. Мало того, что окликну, стану даже его заклинать. Эй, слушай, причудливый безумецъ Ромео, пылающій страстью влюбленный, отзовись!

Дай о себѣ знать хоть однимъ вздохомъ, произнеси хоть одинъ стишокъ, и я буду удовлетворенъ. Да, только вздохни, произнеси такіе стишки: — «Огонь любви горитъ въ крови, скажи хоть одно ласковое слово по адресу кумушки моей — Афродиты или ругни хорошенько ходящаго съ завязанными глазами сына ея и наслѣдника, плутишку Купидона, который, несмотря на слѣпоту, такъ вѣрно попалъ въ цѣль, когда король Кофетуа увидалъ дочь нищаго и влюбился въ нее». Ни отвѣта, ни привѣта; ни слуха, ни духа! Умеръ онъ, что-ли? Теперь примусь за заклинанія. Откликнись, Ромео! Заклинаю тебя сверкающими глазами Розалины, ея высокимъ лбомъ, ея румяными губками, ея маленькою ножкою, стройными икрами, дрожащими ляжками и смежными съ ними помѣстьями, явись въ собственномъ своемъ видѣ или хоть откликнись.

Бенволіо. Онъ непременно разсердится, если услышитъ.

Меркуціо. За что тутъ сердиться. Другое дѣло, если бы я своими заклинаніями вызвалъ какого-нибудь другого духа, заставилъ его осѣдлатъ Розалину и до тѣхъ поръ ѣздить на ней, пока она сама его не сброситъ; тутъ дѣйствительно было-бы за что разсердиться. Теперешнее мое заклинаніе честно и благородно и, прибѣгая къ имени его возлюбленной, я только стараюсь вызвать его самага.

Бенволіо. Онъ, должно быть, затѣмъ спрятался въ чащѣ деревьевъ, чтобы ночь соотвѣтствовала его собственному настроенію духа. Любовь его слѣпа и къ ней всего болѣе идетъ мракъ.

Меркуціо. Если любовь слѣпа, ей никогда не попасть въ цѣль. Онъ, вѣроятно, сидитъ теперь подъ чашковымъ деревомъ и мечтаетъ, чтобы его возлюбленная явилась передъ нимъ въ видѣ плода этого дерева, какъ его шутя и смѣясь называютъ молодыя дѣвушки, когда онъ однѣ. Желалъ-бы, отъ души желалъ-бы, чтобы она была такимъ плодомъ, а ты — ну, хоть бы дулей. Покойной ночи, Ромео. Я ухожу къ себѣ на складную кровать. Ночевать на воздухъ? — нѣтъ, слуга покорный; слишкомъ холодно и сыро... Идемъ, Бенволіо.

Бенволіо. Идемъ. Напрасно было бы его искать, когда онъ самъ отъ насъ прячется. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Садъ Капулетти.

Входитъ Ромео.

Ромео. Пусть надъ сердечными ранами подшучиваетъ тотъ, кто никогда самъ ихъ не испыталъ. (*Въ окнѣ наверху показывается Джульетта*). Что за чудный свѣтъ засіялъ въ томъ окнѣ? Оно востокъ, а Джульетта солнце. О, восходи, чудное солнце! Затми своимъ сіяніемъ завистливую луну, которая уже

и теперь блѣднѣетъ отъ злости, что ты — только одна изъ ея нимфъ, — затмѣваетъ красотою самую богиню. Сбрось съ себя печальный и блѣдный нарядъ ея дѣвственныхъ прислужницъ; щеголять въ немъ могутъ только глупыя дѣвушки!.. О, сбрось, сбрось-же его!.. Вотъ она — владычица моей души, моя любовь! Если-бы она это знала! Она говоритъ хоть и безъ словъ; что-жъ изъ этого? — вмѣсто нея самой, говорятъ ея глаза, я найду отвѣтъ на ея рѣчи!.. Нѣтъ, я слишкомъ самонадѣянъ, воображая, будто она своими чудными глазами говоритъ со мною: двѣ лучезарнѣйшія звѣзды, занятыя чѣмъ-то другимъ, упросили эти глаза посіять на небѣ до ихъ возвращенія, или, можетъ-быть, сами звѣзды вселились въ ея глазныя впадины? Яркій румянецъ ея ланить заставляетъ блѣднѣть самыя звѣзды, какъ блѣднѣетъ свѣтильникъ, когда сіяетъ солнце. Если-бы ея глазамъ отвести мѣсто на небесахъ, они разлили-бы такіе громадныя потоки свѣта, что запѣли-бы птицы, вообразивъ, будто ночь уже миновала... Вотъ она склонилась щекою къ рукѣ... О, зачѣмъ я не перчатка на этой рукѣ; ея щека прислонилась бы тогда ко мнѣ!

Джульетта. Горе мнѣ, горе!

Ромео. Она что-то сказала... О, свѣтлый ангель, говори еще!.. Ты среди мрака ночи явилась надъ моею головою въ такомъ небесномъ сіяніи, что тебя можно принять за крылатого вѣстника, когда онъ, опережая лѣнивыя облака, мчится въ прозрачномъ воздухѣ и заставляетъ очарованныхъ смертныхъ откидываться назадъ, чтобы съ восторгомъ наглядѣться на это лучезарное видѣніе!

Джульетта. О, Ромео, Ромео! зачѣмъ ты Ромео?.. Отрекись отъ отца, отрекись отъ своего имени! Если-же ты этого не хочешь, поклянись любить меня, и я болѣе не буду Джульеттой Капулетти.

Ромео (*про себя*). Ждать-ли мнѣ того, что она скажетъ еще, или заговорить съ нею сейчасъ-же?

Джульетта. Одно только имя Монтекки заставляетъ меня видѣть въ тебѣ врага... Важно не то, что ты Монтекки, а то, *что* ты самъ по себѣ... Что такое Монтекки? — отвлеченное понятіе: это не нога, не рука, не палецъ и не какая-нибудь другая часть, принадлежащая къ тѣлу человѣка... о если-бы ты нашель другое имя!.. Но что такое имя? — одна кличка. Если-бы мы стали называть розу не розой, а дали-бы ей другое названіе, развѣ она перестала-бы благоухать такъ-же сладко?.. Такъ и Ромео. Переставъ носить имя Монтекки, развѣ Ромео утратилъ-бы хоть одно изъ присущихъ ему совершенствъ?.. О, Ромео, отрекись отъ своего имени, не составляющаго части тебя самага, и бери меня; всю, всю!

Ромео (*выступивъ впередъ*). Я ловлю тебя на словѣ. Скажи только, что ты любишь меня, и я приму новое крещеніе, отнынѣ болѣе не буду Ромео!

Джульетта. Кто ты такой? Что за человѣкъ? Зачѣмъ, прячась въ ночной темнотѣ, подслушиваешь мои тайны?

Ромео. Не смѣю назвать себя по имени и сказать, кто я... О, праведница, мое имя стало мнѣ ненавистнымъ, потому что оно враждебно тебѣ. Если-бы оно было написано, я разорвалъ-бы его.

Джульетта. Твой языкъ не произнесъ еще и сотни словъ, какъ я по звуку голоса уже догадалась, что ты Ромео и при томъ Монтекки.

Ромео. Красавица, я не Монтекки и не Ромео, если тебѣ не нравится одно изъ этихъ именъ.

Джульетта. Говори, какъ ты попалъ сюда и зачѣмъ? Ограда вокругъ сада высокая, и пробраться черезъ нее не легко. Если кто-нибудь изъ моихъ родственниковъ увидитъ тебя здѣсь, тебѣ — въ виду того, *кто* ты — угрожаетъ смерть.

Ромео. На легкихъ крыльяхъ любви перебрался я черезъ ограду. Каменные преграды не могутъ остановить отваги любви; тѣмъ менѣе могъ-бы остановить меня кто-бы то ни было изъ твоихъ родственниковъ.

Джульетта. Они убьютъ тебя, если застанутъ тебя здѣсь.

Ромео. А если-бы и такъ? Твои глаза опаснѣе для меня, чѣмъ цѣлые десятки ихъ мечей. Только брось на меня ласковый взглядъ, и вся злоба ихъ мнѣ не страшна.

Джульетта. За весь мiръ не согласилась бы я, чтобы тебя застали здѣсь.

Ромео. Крылья ночи укрываютъ меня отъ ихъ глазъ. Впрочемъ, если ты любишь меня, пусть застаютъ меня здѣсь. Пусть ихъ ненависть заставитъ меня покончить расчеты съ жизнью, а это будетъ мнѣ легче, чѣмъ умереть, получивъ отъ тебя отказъ во взаимной любви.

Джульетта. Какой-же путеводитель проведетъ тебя сюда?

Ромео. Дорогу къ тебѣ помогла мнѣ найти любовь. Одна она ссудила мнѣ свое зрѣніе. Хотя я и не кормчій, но если бы ты пребывала на самыхъ неприступныхъ берегахъ, омываемыхъ самымъ далекимъ океаномъ, я за такимъ сокровищемъ все-таки не колеблясь отправился бы въ дальнее плаваніе.

Джульетта. Ты видишь, что маской въ эти минуты служить мнѣ ночной мракъ; не будь ея, краска дѣвичьяго стыда залила-бы мое лицо, еслибы кто-нибудь слышалъ, что я говорила себѣ въ эту ночь. Ахъ, какъ хотѣлось-бы мнѣ остаться въ предѣлахъ приличія; какъ хотѣлось-бы, о, какъ сильно-бы хотѣлось имѣть возможность отпереться отъ того, что я говорила... Но прочь свѣтскія условія!.. Скажи, любишь-ли ты меня на самомъ дѣдѣ? Я заранѣе знаю, что ты отвѣтишь «да», и я повѣрю тебѣ на слово. Знаю я также, что всѣ любовныя клятвы лживы, что надъ ними смѣется самъ Юпитеръ. Поэтому не клянись, а если ты, хорошій мой Ромео, дѣйствительно меня любишь, скажи прямо и честно, что любишь... Если-же ты найдешь, что я слишкомъ скоро побѣждена тобою, я нахмурюсь, притворюсь неумолимой и буду говорить «нѣтъ», чтобы ты усерднѣе ухаживалъ за мною, — и тогда ничто на свѣтѣ не заставитъ меня уступить твоимъ мольбамъ. На самомъ дѣлѣ, безцѣнный мой Монтекки, я слишкомъ сильно увлеклась тобою, потому ты можешь считать меня легкомысленною, но повѣрь, мой благородный Ромео, я докажу тебѣ, что умѣю быть вѣрнѣе въ любви, чѣмъ тѣ, которыя скрываютъ свою любовь. Даже я была бы сдержаннѣе, если-бы ты самъ не захватилъ меня врасплохъ и безъ моего

вѣдома не подслушалъ страстнаго признанія въ моей любви... Прости же меня и не ставь мнѣ въ вину то, что открыла тебѣ темная ночь.

Ромео. Синьора, клянусь благодатными лучами луны, серебрящей вершины этихъ деревьевъ.

Джульетта. Нѣтъ, не клянись луной, непостоянною луною, каждый мѣсяць измѣняющей свой обликъ. Или твоя любовь, быть можетъ, такъ-же измѣнчива, какъ она?

Ромео. Чѣмъ-же мнѣ поклясться?

Джульетта. Не клянись совсѣмъ, или если ты ужь непременно такъ хочешь, поклянись собою, чуднымъ кумиромъ моей души, и я тебѣ повѣрю.

Ромео. Если это сердце, любовь моя...

Джульетта (*перебивая*). Не клянись! Хотя ты моя радость, но меня не радуетъ наше сближеніе; слишкомъ оно неожиданно, слишкомъ необдуманно, слишкомъ внезапно; оно слишкомъ похоже на молнію; вспыхнетъ она и исчезнетъ ранѣе, чѣмъ успѣешь сказать — «она сверкнула». Покойной ночи, милый! Можетъ-быть, эта распуколка любви, созрѣвая подъ жаркимъ дыханіемъ лѣта, превратится къ будущему нашему свиданію въ роскошный цвѣтокъ. Покойной ночи, дорогой, покойной ночи! Пусть тихое блаженство, переполняющее мою душу, перельется и въ твою грудь.

Ромео. Неужто, ненаглядная, ты уйдешь, оставивъ меня такъ мало удовлетвореннымъ?

Джульетта. Какого-же удовлетворенія можешь ты ожидать сегодня?

Ромео. Обмѣна твоихъ клятвъ въ любви и вѣрности на мои.

Джульетта. Я отдала тебѣ свою любовь ранѣе, чѣмъ ты объ этомъ попросилъ, но я все-таки была бы рада, если бы могла снова располагать ею.

Ромео. Не думаешь-ли ты отнять ее у меня? За что, дорогая?

Джульетта. Чтобы, сдѣлавшись свободной, отдать ее тебѣ вторично... но я замѣчаю, что продолжаю желать того, что уже имѣю. Мое влеченіе къ тебѣ такъ-же безпредѣльно, какъ море, и такъ-же, какъ оно, глубока моя любовь. Чѣмъ болѣе я отдаю ея тебѣ, тѣмъ болѣе остается ея у меня самой. Влеченіе мое къ тебѣ, какъ и любовь — безконечны. (*За сценой кормилица зоветъ Джульетту*). Въ домѣ я слышу движеніе; прощай, мой безмѣрно любимый, Ромео. Иду, добрая моя кормилица. — Милый Монтекки, будь мнѣ вѣренъ. Подожди меня немного; я вернусь опять. (*Скрывается*).

Ромео. О, блаженная, блаженная ночь!.. Но такъ какъ теперь ночь, я начинаю бояться, не сонъ-ля это? Все это слишкомъ прекрасно и едва-ли можетъ быть дѣйствительностью.

Джульетта снова появляется на верху у окна.

Джульетта. Еще два три слова, Ромео, и тогда прощай на самомъ дѣлѣ. Если твои намѣренія въ любви честны; если ты имѣешь въ виду жениться на мнѣ, напиши мнѣ это завтра съ тѣмъ посланнымъ, котораго я найду случай къ

тебѣ отправить. Сообщи мнѣ, когда и гдѣ можетъ совершиться обрядъ. Тогда все, что я имѣю, я положу къ твоимъ ногамъ и послѣдую за тобою хоть на край свѣта.

Кормилица (*За сценой*). Синьорина!

Джульетта. Иду, иду!.. Но если ты задумалъ недоброе, умоляю тебя...

Кормилица (*За сценой*). Синьорина!

Джульетта. Сейчасъ приду... прекрати свои искательства и предоставь меня безутѣшному горю... И такъ, я завтра пришло.

Ромео. Клянусь спасеніемъ души...

Джульетта. Тысячу разъ доброй ночи (*Скрывается*).

Ромео. Ночь въ тысячу разъ станетъ хуже и темнѣе, когда ты перестанешь озарять ее своимъ свѣтомъ (*Удаляясь медленными шагами*). Любовь летитъ къ любви такъ-же стремительно, какъ школьникъ бѣжитъ отъ книги, но отъ нея плетется такъ-же уныло, какъ ребенокъ, идуцій въ школу.

Джульетта (*появившись снова*). Тсъ, Ромео, тсъ! Зачѣмъ мнѣ не дано голоса соколичьяго, чтобы заманивать обратно моего благороднаго сокола; голосъ находящихся въ неволѣ хрипитъ и не можетъ звучать громко. Будь иначе, я потрясла бы своими возгласами пещеру, гдѣ покоится эхо, и оно скоро, скоро-бы охрипло еще болѣе, чѣмъ я теперь, отъ безконечнаго повторенія за мною имени Ромео.

Ромео (*возвращаясь*). Это моя душа зоветъ меня по имени. Какъ нѣжно и серебристо звучитъ въ ночной тиши голосъ любимаго существа; онъ словно музыка ласкаетъ слухъ.

Джульетта. Ромео!

Ромео. Радость моя!

Джульетта. Въ какомъ часу прислать завтра къ тебѣ?

Ромео. Часовъ въ девять!

Джульетта. Хорошо. Этотъ промежутокъ времени по кажется мнѣ цѣлымъ двадцатилѣтіемъ. — Никакъ не могу вспомнить, зачѣмъ я позвала тебя.

Ромео. Позволь мнѣ побыть здѣсь, пока ты не вспомнишь.

Джульетта. Тогда я нарочно забуду, чтобы ты оставался здѣсь вѣчно. Только буду помнить, что твое присутствіе для меня блаженство.

Ромео. А я все буду оставаться и мѣшать тебѣ вспоминать, забывая самъ, что жилище мое не здѣсь.

Джульетта. Уже совсѣмъ свѣтаетъ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы тебя здѣсь не было, но чтобы ты уходилъ отъ меня какъ прирученная птичка отъ шалуньи, держащей ее на привязи: — отпустить эта шалунья шелковинку, но едва птичка успѣетъ отлетѣть на нѣсколько шаговъ, какъ ее уже тянутъ обратно, до того любовно-ревниво относится хозяйка къ свободѣ своей живой игрушки.

Ромео. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть твоею птичкой.

Джульетта. И мнѣ-бы хотѣлось того-же, но я замучала-бы тебя до смерти своими ласками. Покойной ночи, покойной ночи. Разставаться хоть и горько,

но продлить мигъ разставанія такъ сладко, что я готова до завтра повторять — покойной ночи (*Скрывается*).

Ромео. Пусть сладкій сонъ смежить тебѣ вѣки, а безмятежный покой вселится въ твою душу. Зачѣмъ я не сонъ, не покой, зачѣмъ не могу воспользоваться такимъ сладостнымъ мѣстомъ отдохновенія. Отсюда я отправлюсь въ келью моего духовнаго отца, расскажу ему о своемъ счастьи и попрошу его помочь намъ (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Келья Лоренцо.

Входитъ Лоренцо; въ рукахъ у него корзинка.

Лоренцо. Сѣроглазое утро улыбається, глядя на угрюмую ночь, и испещряетъ на востокѣ облака полосами свѣта, и пятна мрака, шатаясь, словно пьяницы, сворачиваютъ съ пути свѣта, чтобы очистить дорогу огненнымъ колесамъ Титана. Ранѣе, чѣмъ солнце своими жгучими глазами успѣетъ оживить день и на половину высушить ночную росу, я долженъ наполнить эту сплетенную изъ ивовыхъ побѣговъ кѣтку ядовитыми травами и цвѣтами, отличающимися благотворными соками. Земля мать природы, но она-же и ея могила. Да, могила и чрево! — и сколько разнородныхъ дѣтищъ, порожденныхъ этимъ чревомъ, сосутъ его неистощимую грудь. Иные болѣе богато одарены всякими свойствами, другіе менѣе, но у cadaго есть свое и всѣ они различны. О, какое безконечное количество могучей благодати таится въ растеніяхъ, травахъ, въ камняхъ и въ особыхъ свойствахъ, присущихъ каждому изъ нихъ. Все живущее на землѣ, даже самое ничтожное, самое гнусное, непременно приноситъ ей какую-нибудь пользу; точно такъ-же и самое благотворное, если примѣнять его не такъ, какъ слѣдуетъ, или злоупотреблять имъ, становится вреднымъ. Даже сама добродѣтель, если ее употреблять во зло, становится порокомъ, межъ тѣмъ какъ порокъ, если его направить, какъ слѣдуетъ, можетъ быть облагороженъ и обращенъ въ полезнаго дѣятеля. Вотъ подъ кожицей этого безсильнаго цвѣтка разомъ таятся и ядъ, и цѣлебное средство. Если только понюхать цвѣтокъ, запахъ его не только подѣйствуетъ на обоняніе, но оживитъ всего человѣка; если отвѣдать его вкусъ, онъ прекращаетъ біеніе сердца, и остальные чувства отъ него замираютъ. Какъ въ человѣкѣ, такъ и въ травахъ постоянно враждуютъ между собою два такихъ могучихъ противника, какъ добро и злая воля. Если преобладающимъ окажется зло, развѣдающій недугъ скоро сокрушитъ все существо. (*Входитъ Ромео*).

Ромео. Добраго утра, отецъ мой.

Лоренцо. Благослови тебя Господь. Почему ласковый твой языкъ привѣтствуетъ меня такъ рано? Юный мой сынъ, то, что ты такъ рано разстался съ постелью, доказываетъ какое-нибудь разстройство въ твоихъ мысляхъ или въ

твоимъ душевномъ настроеніи. Забота сторожить глазами стариковъ, а туда, гдѣ поселилась забота, сонъ не заглядываетъ никогда. Но на ложѣ, гдѣ покоятся члены здоровой юности, не обремененной заботами, золотой сонъ низлетаетъ очень охотно, поэтому твой ранній приходъ убѣждаетъ меня, что какая-нибудь тревога заставила тебя подняться такъ рано, а если не такъ, я не ошибусь, предположивъ, что нашъ Ромео совсѣмъ не ложился сегодня спать.

Ромео. Послѣднее совершенно вѣрно; а испыталъ лучшее наслажденіе, чѣмъ сонъ.

Лоренцо. Прости ему, Господи, его согрѣшеніе! Ты провелъ ночь съ Розалиной.

Ромео. Ошиблись, духовный мой отецъ: — не съ Розалиной. Я даже забылъ это имя и всѣ огорченія, сопряженные съ нимъ.

Лоренцо. Прекрасно, мой сынъ. Однако, гдѣ-же ты былъ?

Ромео. Этого вопроса повторять васъ я не заставляю, и сейчасъ-же расскажу все. Я пировалъ въ домѣ нашего врага и тамъ встрѣтилъ несравненную красавицу, нанесшую мнѣ сильную рану въ сердце, а я, въ свою очередь, нанесъ и ей точно такую-же рану. Исцѣлить обоихъ можетъ только ваша помощь и ваши духовныя средства. Вы, святой отецъ, видите, что въ душѣ моей нѣтъ ненависти, такъ-какъ я хлопочу не за одного себя, но и за ранившаго меня врага.

Лоренцо. Говори яснѣе, сынъ мой, и перестань прибѣгать къ изворотамъ рѣчи. Если загадочна исповѣдь, то и отпущеніе грѣховъ загадочно.

Ромео. Я скажу вамъ все прямо. Душа моя пылаетъ любовью къ красавицѣ-дочери богатаго Капулетти. Она любитъ меня такъ-же, какъ и я ее. Между нами все уже рѣшено и должно быть окончательно скрѣплено вами посредствомъ вѣнчанія. Гдѣ, когда и какъ мы встрѣтились, какъ обмѣнялись клятвами въ вѣчной любви, я расскажу послѣ, а теперь, молю, обвѣнчайте насъ сегодня-же.

Лоренцо. Святой угодникъ Франческо, что-же это за перемѣна! Неужто Розалина, которую ты любилъ такъ страстно, уже забыта? Видно, люди молодые любятъ не сердцемъ, а глазами. Джезу-Марія! Сколько соленой воды протекло по твоимъ щекамъ изъ-за Розалины. Сколько соленой воды понапрасну потрачено на приправу любви, которая даже и не отвѣдала этой приправы. Солнце еще не успѣло разсѣять тумана, вызваннаго твоими вздохами, и твои прежніе стоны до сихъ поръ еще звучатъ въ моихъ старыхъ ушахъ. Я на твоей щекѣ вижу еще вытертый слѣдъ отъ прежней слезы. Давно-ли, если ты былъ самимъ собою, а твое горе настоящимъ горемъ, и ты самъ, и твое горе — оба вы всецѣло принадлежали Розалинѣ. Неужто въ тебѣ произошла такая внезапная перемѣна? Какъ-же не падать женщинѣ, когда и мужчины такъ неустойчивы?

Ромео. Не самъ-ли ты нерѣдко журилъ меня за то, что я любилъ Розалину.

Лоренцо. Журилъ не за любовь, духовный сынъ мой, а за сумасбродство.

Ромео. Совѣтовалъ вырвать изъ сердца любовь съ корнемъ.

Лоренцо. Но не для того, чтобы тотчас-же посадить въ немъ другую.

Ромео. Прошу васъ, перестаньте меня журить. Та, которую я люблю теперь, отвѣчаетъ мнѣ ласками на ласки, любовью на любовь; отъ прежней я никакъ не могъ этого добиться.

Лоренцо. Она догадывалась, что ты читаешь на память не зная даже складовъ. Но такъ и быть, юный вертопрахъ, идемъ со мною; въ одномъ отношеніи я согласенъ тебѣ помочь. Этотъ брачный союзъ, быть можетъ, помирить вашихъ, отцовъ и превратитъ ихъ ненависть въ искреннюю любовь.

Ромео. Идемте скорѣе! Еслибы вы знали, какъ велико мое нетерпѣніе.

Лоренцо. Тише ѣдешь, дальше будешь. Кто торопится не въ мѣру, тотъ часто спотыкается (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Улица.

(*Входятъ Бенволио и Меркуціо.*)

Меркуціо. Какому чорту извѣстно, гдѣ можетъ пропадать этотъ сумасбродъ Ромео? Ты говоришь, что онъ всю ночь такъ и не возвращался домой?

Бенволио. По крайней мѣрѣ къ отцу не возвращался; я видѣлъ его слугу.

Меркуціо. Скверно! Если эта блѣдная и жестокосердая негодница Розалина не перестанетъ мучить его, онъ сойдетъ съ ума.

Бенволио. Нашего друга Ромео въ домѣ отца ожидаетъ письмо отъ Тибальдо, родственника старика Капулетти.

Меркуціо. Готовъ побожиться, что это вызовъ.

Бенволио. Ромео съумѣетъ на него отвѣтить.

Меркуціо. Всякій, умѣющій писать, съумѣетъ отвѣтить на письмо.

Бенволио. Не письмомъ, а дѣломъ. Двоюродный мой братъ покажетъ, какъ бываетъ отваженъ, когда его раззадорятъ.

Меркуціо. Увы! бѣдный Ромео и такъ едва живъ. Его насквозь пронзили черные глаза бѣлолицей негодницы, онъ раненъ въ ухо любовной пѣсенкой, а въ самую средину сердца стрѣлою шалуна мальчишки съ завязанными глазами. Гдѣ ему въ такомъ видѣ тягаться съ Тибальдо.

Бенволио. Почему-же нѣтъ? Что такое Тибальдо?

Меркуціо. Тибальдо будетъ поважнѣе самого царя котовъ Тибольта и Тиберта. Онъ не только ловкій церемоніймейстеръ, но и храбрый боецъ. Онъ дерется, словно по нотамъ какъ ты по нотамъ распѣваешь пѣсни, соблюдая и мѣру, и правила, и выдержку. Выдержитъ онъ паузу, затѣмъ: — разъ, два, а при словѣ «три» клинокъ уже сидитъ въ груди противника. Онъ великій мастеръ попадать даже въ шелковую пуговку и великій знатокъ всѣхъ правилъ

поединковъ и всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ поводовъ къ таковымъ. Онъ безукоризненно изучитъ всѣ эти безсмертные: — *passado, punto reverse* и *hay*.

Бенволио. Это что еще значить?

Меркуціо. Хоть бы язва моровая напала на всѣхъ этихъ новомодныхъ сюсюкающихъ, шепелявящихъ ломакъ, вводящихъ новую манеру выразаться, пересыпая рѣчь безчисленными восклицательными знаками! Только и слышно: — «О, Боже, какой восхитительный клинокъ! Какой великолѣпно статный мужчина! Какая изумительная потаскушка!» О, прахъ моего уважаемаго дѣда, скажи, не досадно-ли, что мы должны выносить жужжаніе надоѣдливой иностранной мушкары, всѣхъ этихъ продавщиковъ нарядовъ, преслѣдующихъ насъ своими «*pardonnez moi*» и доведшихъ новый покрой штатовъ до такого безобразія, что въ нихъ нельзя даже удобно сидѣть на нашихъ старинныхъ скамьяхъ? Чтобы чортъ побралъ всѣ ихъ «*bon jour*» и «*bon soir*» (Появляется Ромео.)

Бенволио. Смотри, вотъ онъ идетъ. Онъ — Ромео.

Меркуціо. Онъ совсѣмъ сталъ похожъ на вяленую селедку безъ икры и безъ молокъ. О, мясо, мясо, зачѣмъ ты превратилось въ рыбу!.. Онъ уже не человѣкъ, а поэтическія изліянія Петрарки, съ тою только разницею, что, въ сравненіи съ его возлюбленной, Лаура была только судомойкой, хотя ее и воспѣлъ поэтъ, далеко превосходящій въ дарованіи его самого; — Дидона неряхой, Клеопатра цыганкой, Елена шлюхой, Геро потаскушкой, а Тизба хоть и славилась своими сѣрыми глазами, но въ нихъ не было блеска. Синьоръ Ромео, *bon jour*! Вотъ французскій привѣтъ твоимъ французскимъ штанамъ. Хорошую-же штуку сыгралъ ты съ нами вчера ночью.

Ромео. Здравствуйте оба. Какую-же штуку сыгралъ я съ вами?

Меркуціо. Какъ будто не понимаешь. Удралъ ты отъ насъ, удралъ, удралъ.

Ромео. Прости, добрый Меркуціо. У меня было очень важное дѣло. Случай вышелъ такой, что заставилъ невольно забыть о всякой вѣжливости.

Меркуціо. Это все равно, что сказать: — вышелъ такой случай, что невольно пришлось сгибать подколки.

Ромео. Для поклона.

Меркуціо. Ну, да, какъ разъ для этого.

Ромео. Я истолковалъ твои слова какъ нельзя болѣе прилично.

Меркуціо. О, я и самъ — цвѣтъ приличія.

Ромео. Можетъ быть, его роза?

Меркуціо. Именно.

Ромео. У меня на танцевальныхъ башмакахъ тоже, если не розы, то розетки изъ лентъ.

Меркуціо. Остроумно. Носись съ этою острою, пока не износятся твои башмаки. Когда единственная ихъ подошва протрется, останется одна твоя острога, слѣдовательно тоже единственная.

Ромео. Единственная только потому, что она одна.

Меркуціо. Выручай, милый Бенволіо. Мой умъ не въ силахъ выдерживать борьбу съ его остроуміемъ.

Ромео. Ударь его хлыстомъ и пришпорь, да пришпорь и ударь, или я объявлю, что оставилъ тебя за флагомъ.

Меркуціо. Если ты вызываешь меня на состязаніе въ скачкѣ гуськомъ, я пропалъ, такъ-какъ въ одномъ твоёмъ умѣ болѣе гусиной дичи, чѣмъ было-бы достаточно на цѣлыхъ пять умовъ такихъ, какъ мой. Развѣ ты считаешь меня гусемъ?

Ромео. Да, гусемъ; никогда ничѣмъ инымъ и не считалъ.

Меркуціо. Если ты осмѣлишься это повторить, я ущипну тебя за ухо.

Ромео. Добрый гусь не щиплется.

Меркуціо. Твои кисло-сладкія остроты слишкомъ острая приправа; отъ нихъ щипеть языкъ.

Ромео. А развѣ кисло-сладкія яблоки плохая начинка для хорошаго гуся?

Меркуціо. Твое натянутое остроуміе растяжимо, какъ лайка; каждый дюймъ ея можно вытянуть въ цѣлый локоть.

Ромео. Я до тѣхъ поръ буду тянуть ее и поперекъ, и вдоль, пока ты не окажешься гусемъ вдоль и поперекъ.

Меркуціо. Ну, не лучше-ли шутить такъ, чѣмъ стонать отъ любви? Теперь ты опять общителенъ, опять сталъ самимъ собою, прежнимъ Ромео, такимъ, какимъ тебя создали природа и воспитаніе. Повѣрь мнѣ, — ноющая любовь ничто иное, какъ взрослый остолопъ, высунувъ языкъ, мечущійся изъ стороны въ сторону, не зная, куда ему сунуть свою дурацкую игрушку.

Бенволіо. Будетъ, будетъ!

Меркуціо. Зачѣмъ прерываешь ты мою присказку?

Бенволіо. Изъ боязни, что она зайдетъ слишкомъ далеко.

Меркуціо. Ошибаешься! приказы у меня короткія и зайти слишкомъ далеко онѣ не могутъ. Содержаніе послѣдней исчерпано, и я умолкаю.

Ромео. И прекрасно. *(Входятъ Кормилица и Пьетро).*

Меркуціо. Парусъ, парусъ, парусъ!

Бенволіо. Ихъ цѣлыхъ два: штаны и юбка.

Кормилица. Пьетро.

Пьетро. Что прикажете?

Кормилица. Дай мнѣ опухало.

Меркуціо. Давай скорѣе, добрѣйшій Пьетро; оно во всякомъ случаѣ окажется красивѣе ея лица.

Кормилица. Съ добрымъ утромъ, синьоры.

Меркуціо. Съ добрымъ вечеромъ, прелестная синьора.

Кормилица. Развѣ теперь уже вечеръ.

Меркуціо. Конечно, не утро, когда тѣнь отъ наглаго перста солнечныхъ часовъ стоитъ уже на двѣнадцати.

Кормилица. Какъ вамъ не стыдно!.. что вы за человѣкъ послѣ этого?

Ромео. Милѣйшая женщина, это мужчина, сотворенный богомъ самому-же себѣ на вредъ.

Кормилица. Вотъ это, честное слово, отвѣтъ такъ отвѣтъ. Самому-же себѣ на вредъ, сказалъ онъ... Однако, синьоры, не скажетъ-ли мнѣ кто-нибудь изъ васъ, гдѣ я могу найти юнаго Ромео?

Ромео. Я могу; но долженъ вамъ замѣтить, что юный Ромео съ той минуты, какъ вы о немъ спросили, станетъ на одну минуту старше, когда вы его найдете. За неимѣніемъ худшаго, я самый юный изъ всѣхъ носящихъ это имя.

Кормилица. Тѣмъ лучше.

Меркуціо. Тѣмъ лучше, что нѣтъ худшаго. Замѣчаніе вѣрное, полное глубокаго смысла.

Кормилица. Если вы, синьоръ, дѣйствительно, Ромео, мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ наединѣ.

Бенволіо. Она, должно-быть, пришла его звать опять куда-нибудь на ужинъ.

Меркуціо. Нѣтъ, она сводня, сводня, чѣмъ угодно поручусь, что сводня. Ату, ату!

Ромео. Какого звѣря ты поднялъ?

Меркуціо. Во всякомъ случаѣ не зайца... или, пожалуй, если хочешь и зайца, только стараго, успѣвшаго въ видѣ начинки зачерствѣть и засохнуть, прежде чѣмъ его доѣли до конца (*Поетъ*).

Если заяцъ свѣжъ, хоть сѣдъ,
Онъ въ пирогъ годится;
Если-жь старъ, засохъ, то имъ
Можно подавиться.

Придешь ты домой, Ромео? Мы отправляемся обѣдать къ твоему отцу.

Ромео. Я вернусь за вами слѣдомъ.

Меркуціо. Прощайте, античная синьора (*Поетъ*).

Синьора, синьора, прощайте.

(*Меркуціо и Бенволіо уходятъ*)

Кормилица. Счастливаго пути. Скажите, синьоръ, что это за безпутный человѣкъ? у него что ни слово, то либо двусмыслица, либо прямо скверность

Ромео. Этотъ человѣкъ, кормилица, любитъ говорить, а также слушать себя одного; онъ въ одну минуту наговоритъ болѣе, чѣмъ переслушаетъ въ цѣлый мѣсяць.

Кормилица. Если онъ вздумаетъ отзываться обо мнѣ дурно для говорить что-нибудь такое на мой счетъ, я дамъ ему себя знать... расправлюсь съ нимъ лично... Съ такимъ-то не справится? Да я справлюсь даже съ двадцатью такими нахалами; а не справлюсь, такъ найду людей, которые проучатъ его, негоднаго сорванца. Я не какая-нибудь потаскушка ему досталась и не головорѣзь какой-нибудь, какъ онъ. (*Обращается къ Пьетро*). А и ты тоже хорошъ молодець! стоишь тутъ-же и позволяешь этому сорванцу издѣваться надо мною, какъ ему угодно, пользоваться моею беззащитностью.

Пьетро. Я-же не видалъ, чтобы онъ пользовался вашею беззащитностью, иначе ручаюсь, я тотчасъ-же обнажилъ бы мечъ... Я обнажу его еще скорѣе, чѣмъ всякій другой, если дѣло дойдетъ до хорошей схватки и если право на моей сторонѣ.

Кормилица. Я, какъ передъ Господомъ, такъ взбѣшена, что всѣ мои члены дрожатъ, словно въ лихорадкѣ. Молокосось! Неучь!.. Синьоръ, мнѣ надо сказать вамъ пару словъ. Какъ я уже докладывала, моя синьорина послала меня разыскать васъ; что она поручила сказать, это я пока оставляю при себѣ, а прежде скажу вамъ отъ себя: — если вы намѣрены ее одурачить или, какъ говорится, завести ее въ рай дураковъ, это съ вашей стороны, какъ говорится, будетъ очень скверный поступокъ, потому что синьорина такъ еще молода! Поэтому, если вы относительно ея окажетесь двуличнымъ человѣкомъ, это съ вашей стороны будетъ весьма скверно относительно благородной дѣвицы и даже очень непохвально.

Ромео. Кланяйся отъ меня твоей прелестной синьоринѣ и скажи ей отъ меня...

Кормилица. Скажу, какъ передъ Богомъ, скажу! Ахъ, доброй души человѣкъ, какъ вы ее этимъ обрадуете!

Ромео. Что-же ты ей скажешь? Вѣдь, ты ничего еще отъ меня не слыхала.

Кормилица. Какъ, ничего не слыхала? Вы велѣли поклониться ей отъ васъ... Кланяетесь, значить просите, а чего-же можетъ просить у дѣвушки истинно благородный человѣкъ, какъ не руки ея?

Ромео. Скажи ей, чтобы она сегодня послѣ обѣда нашла средство отпроситься на исповѣдь и пришла въ келью Фра-Лоренцо. Старикъ исповѣдуетъ ее и повѣнчаетъ со мною. Вотъ тебѣ за труды.

Кормилица. Ни-ни-ни, синьоръ! Ни за что не возьму... Даже самой бездѣлицы.

Ромео. Полно, я хочу, чтобы ты взяла *(Даетъ ей денегъ)*.

Кормилица. Такъ вскорѣ послѣ обѣда, синьоръ? Ручаюсь, что она тамъ будетъ.

Ромео. А ты, добрая кормилица, подожди немного за оградой аббатства. Мой слуга принесетъ тебѣ веревочную лѣстницу; она въ таинственномъ мракѣ ночи поможетъ мнѣ достигнуть вершины блаженства. До свиданія. Будь намъ вѣрна, и я награжу тебя за труды. Прощай-же; кланяйся отъ меня синьоринѣ.

Кормилица. Счастливо оставаться и да хранить васъ Господь... Однако, вотъ что, синьоръ.

Ромео. Что такое, добрая кормилица?

Кормилица. Какъ-бы не проболтался вашъ слуга? Вы, конечно, знаете поговорку, что изъ двухъ лицъ сохранить тайну съ умѣетъ лишь одно.

Ромео. Будь покойна. Слуга мой — человѣкъ испытанный, онъ надеженъ, какъ сталь.

Кормилица. Очень хорошо, синьоръ. Другого такого милаго существа на свѣтѣ нѣтъ... Ахъ, Господи Боже мой! Когда она только-что начинала лепетать...

Ну, да нѣтъ!.. Въ городѣ есть знатный синьоръ, нѣкто Парись; вотъ ему очень-бы хотѣлось отвѣдать этого лакомага кусочка; но она-то, — добрая душа, — готова скорѣе смотрѣть на жабу, на самую скверную жабу, чѣмъ на него. Иногда, чтобы подразнить ее, я начинаю говорить, будто Парись самый подходящий для нея мужъ... Посмотрѣли-бы вы, что съ нею тогда дѣлается! — поблѣднѣетъ она, словно самое бѣлое полотно... Скажите, розмаринъ и Ромео начинаются съ одной и той-же буквы? Такъ вѣдь.

Ромео. Такъ. Оба слова начинаются съ буквы Р. Къ чему, однако, такой вопросъ.

Кормилица. Какой вы проказникъ! Да, вѣдь, это было-бы собачьей кличкой. Эръ собачья буква; она напоминаетъ рычаніе. Навѣрно ваше имя начинается съ какой-нибудь другой. Услыхали-бы вы, какія хорошія слова она говоритъ про розмаринъ и про васъ, какъ-бы возрадовалось тогда ваше сердце.

Ромео. Кланяйся-же синьоринѣ (*Уходитъ*).

Кормилица. Тысячу разъ передамъ поклонъ. Пьетро!

Пьетро. Что еще?

Кормилица. Впередъ и живо! (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Садъ Капулетти.

Входитъ Джульетта.

Джульетта. Когда я послала кормилицу, часы били девять, а она обѣщала вернуться черезъ полчаса. Что, если ей не удалось отыскать его? Нѣтъ, нѣтъ не можетъ этого быть. Ноги у нея уже слабы. Исполнителямъ любовныхъ порученій слѣдуетъ быть настолько-же подвижными, какъ мысль, и въ десятеро проворнѣе солнечныхъ лучей, разсѣивающихъ мракъ на вершинахъ окутанныхъ туманомъ горъ. Потому-то колесницу любви влекутъ быстрокрылые голуби, а Купидонъ на своихъ крылышкахъ летаетъ быстрѣе вѣтра... Солнце теперь уже достигло высшей точки своего дневного пути, а съ девяти до двѣнадцати прошло цѣлыхъ безконечно длинныхъ три часа, а ея все еще нѣтъ. Если-бы у нея въ сердцѣ была любовь, а въ жилахъ текла молодая кровь, она летала-бы съ быстротою пушечнаго ядра, уже давно передала-бы порученіе моему возлюбленному и принесла его отвѣтъ. Но старыхъ людей можно принять за полумертвыхъ, до того они медленны, вялы, неповоротливы и, словно свинецъ, тяжелы въ своихъ движеніяхъ. (*Входятъ кормилица и Пьетро*). Ну, слава Богу, вотъ, наконецъ, и она!.. Милая, добрая кормилица, говори, какія вѣсти?.. Отошли слугу.

Кормилица. Пьетро, подожди у воротъ (*Пьетро уходитъ*).

Джульетта. Хорошая кормилица, что ты смотришь так угрюмо. Ради Бога, если ты принесла дурные вести, выскажи их прямо; если они хорошие, не обращай их сладкой музыкой таким кислым выражением лица.

Кормилица. Устала я. Дай хоть перевести дух. Фу, как ноют мои старые кости!.. И набѣгалась-же я.

Джульетта. Желала-бы я, чтобы твои старые кости были теперь у меня, мои молодые у тебя. Но прошу тебя, милая, милая кормилица, говори!

Кормилица. Господи, что за спѣхъ! Развѣ уже нельзя потерпѣть минуты? не видишь, развѣ, что я отъ одышки не въ силахъ вымолвить ни слова?

Джульетта. Однако, одышка не помѣшала тебѣ заявить, что ты отъ нея не въ силахъ вымолвить ни слова. Твое заявленіе, вѣроятно, длиннѣе самого отвѣта. Скажи только одно: — хорошие ты принесла вести или дурные? Тогда, согласно обстоятельствамъ, я буду знать, радоваться-ли мнѣ или горевать?

Кормилица. Ну, слушай. Глупѣе выбрать, чѣмъ ты, — невозможно. Ты совсѣмъ не знаешь толку въ мужчинахъ!.. Ну, куда годится твой Ромео? Положимъ, онъ красивѣе другихъ, но нога у него... не могу ничего сказать про нее дурного... А что до руки его, до ступни, до стана, то, — хотя о нихъ и не стоитъ говорить, — они все-таки стоятъ внѣ сравненія. Положимъ, цвѣтомъ любезности назвать его нельзя, но я готова поручиться, что онъ кротокъ, какъ агнецъ... Ты-же, непутевая, иди своею дорогою и служи Господу, какъ умѣешь... Что у насъ было сегодня за обѣдомъ?

Джульетта. Ахъ, не о томъ я спрашиваю! Все это знала я и ранѣе. Что говорить онъ о нашей свадьбѣ? — вотъ что я хочу знать.

Кормилица. Господи, какъ разболѣлась у меня голова! Я не знаю даже, моя-ли голова у меня на плечахъ? Въ ней все такъ трещитъ, словно она хочетъ треснуть на двадцать кусковъ... А спина-то, спина!.. И у тебя хватило жестокосердечія помыкать мною такимъ образомъ! Ты заставила меня до полусмерти мыкаться и туда, и сюда,

Джульетта. Мнѣ очень, очень жаль, добрая, добрая кормилица, что ты нездорова, но что-же говорилъ тотъ, кого я люблю?

Кормилица. Твой возлюбленный отвѣчаетъ, какъ пристойно воспитанному человѣку, но и не только, какъ воспитанному, но и порядочному, любезному, въ высшей степени честному. Гдѣ твоя мать?

Джульетта. Гдѣ моя мать? Зачѣмъ она тебѣ нужна? Ты говоришь, что онъ честный человѣкъ, а между тѣмъ спрашиваешь, гдѣ мать? Какая-же связь между твоими словами.

Кормилица. Ахъ, Господи! дорогая синьорина, какая ты горячая. Развѣ ты горячностью думаешь успокоить ломъ въ моихъ костяхъ? Отнынѣ свои порученія исполняй сама,

Джульетта. Не сердись! Скажи, что отвѣтилъ Ромео?

Кормилица. Приказано тебѣ сегодня-же и поскорѣе идти къ монаху.

Джульетта. Сейчас-же?

Кормилица. Отпросись и бѣги въ келью къ францисканцу Фра-Лоренцо. Тамъ ждетъ тебя мужъ, чтобы сдѣлать тебя своею женою. А, вотъ, предательница, — похотливая кровь бросилась тебѣ въ лицо! Скоро это самое лицо отъ другихъ неожиданностей сдѣлается совсѣмъ багровымъ. Отправляйся-же въ церковь, а мнѣ предстоитъ другое дѣло: — добыть веревочную лѣстницу, по которой твой возлюбленный могъ-бы взобраться въ гнѣздо своей пташки, когда начнетъ темнѣть... Я пойду пообѣдаю, а ты отправляйся въ келью.

Джульетта. Какое счастье! Честная моя кормилица, до свиданья. (*Объ уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Келья.

Входятъ Лоренцо и Ромео.

Лоренцо. Да примутъ съ ласковой улыбкой твое рѣшеніе небеса и не воздадутъ тебѣ за него горемъ.

Ромео. Аминь, аминь! Но пусть явятся всѣ огорченія въ мірѣ, они не послужатъ препятствіемъ къ достиженію того счастья, которое меня ожидаетъ. Скрѣпи только наши обѣты своими священными благословеніями, и пусть тогда всеокрушающая смерть дѣлаетъ что хочетъ. Съ меня достаточно и одной возможности назвать Джульетту своею.

Лоренцо. Такіе не въ мѣру пылкіе восторги кончаются такъ-же не въ мѣру порывисто и умираютъ въ самомъ разгарѣ, вспыхнувъ, словно порохъ, какъ только прикоснется къ нему огонь. Сладчайшій медъ и тотъ становится приторнымъ именно потому, что онъ слишкомъ сладокъ: его вкусъ уничтожаетъ желаніе его поѣсть. Люби умѣренно, тогда любить ты будешь долго. Слишкомъ большая торопливость не лучше чрезмѣрной медленности; та и другая постоянно приходятъ къ цѣли слишкомъ поздно (*Появляется Джульетта*). Вотъ идетъ синьорина. Она своею легкою поступью никогда не притопчетъ вѣковѣчныхъ плитъ. Влюбленные могутъ сѣсть верхомъ на бѣлыя паутины, носящіяся въ чудномъ лѣтнемъ воздухѣ, и не упасть, до того легковѣсно все суетное.

Джульетта. Съ добрымъ вечеромъ, духовный мой отецъ.

Лоренцо. Дочь моя, Ромео отблагодаритъ тебя за насъ обоихъ.

Джульетта. Я шлю ему такой-же привѣтъ, иначе ему не за что было бы меня благодарить.

Ромео. О, несравненная Джульетта, если твоя радость достигаетъ такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ и моя, ты сумѣешь выразить ее краснорѣчивѣе, чѣмъ я. И такъ улади воздухъ своимъ дыханіемъ, и пусть небесная музыка твоихъ рѣчей передастъ все блаженство, весь восторгъ этой встрѣчи.

Джульетта. Чувство богаче одарено содержаніемъ, чѣмъ словами; оно гордится своею сущностью, а не украшеніями. Тѣ, кто имѣетъ возможность перечистить свое имущество, на самомъ дѣлѣ бѣдняки; но моя искренняя любовь достигла такихъ необъятныхъ размѣровъ, что я не въ состояніи сосчитать и половины своихъ сокровищъ.

Лоренцо. Идите за мною; все будетъ окончено очень скоро. Хотя вамъ это, быть можетъ, и несовсѣмъ пріятно, но я не оставляю васъ наединѣ, пока святая церковь не сольетъ васъ во едино. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Площадь.

Входятъ Меркуціо, Бенволио, пажъ и слуга.

Бенволио. Прошу тебя, дорогой Меркуціо, уйдемъ отсюда. День жаркій; Капулетти снуютъ по улицамъ, а если они встрѣтятъ насъ, намъ не миновать вооруженной стычки. Въ такіе знойные дни, и безъ того кипучая кровь становится какою-то бѣшенною.

Меркуціо. Ты похожъ на одного изъ тѣхъ гулякъ, которые, войдя въ таверну, тотчасъ-же кладутъ на столъ шпагу и говорятъ: — «Дай Богъ, чтобы ты мнѣ сегодня не понадобилась». А допьютъ они вторую бутылку, — сами лѣзутъ въ драку съ хозяиномъ безъ всякой необходимости.

Бенволио. Кто? Я похожъ на такого гуляку?

Меркуціо. Знаю, знаю! Голова у тебя такая-же горячая, какъ у всякаго другаго итальянца; ты не только легко воспламеняешься, когда тебя раздражать, но и самъ раздражаешь себя, чтобы воспламениться.

Бенволио. Какъ-же такъ?

Меркуціо. А вотъ какъ. Сойдись двое такихъ, какъ ты, скоро не осталось-бы ни одного: одинъ закололъ-бы другаго. Ты готовъ затѣять ссору съ любимымъ человѣкомъ изъ-за того, что у него въ бородѣ однимъ волоскомъ болѣе или менѣе, чѣмъ у тебя. Ты готовъ затѣять ссору изъ-за того, что другой грызетъ орѣхи на томъ единственномъ основаніи, что у тебя глаза цвѣта орѣха. Какой-же глазъ, кромѣ именно такого глаза, выищеть въ этомъ поводъ къ ссорѣ. Въ твоей головѣ постоянно сидитъ зародышъ ссоры, какъ будущій ципленокъ въ яйцѣ, хотя голову эту такъ сильно колотили при каждой стычкѣ, что обратили ее въ пустую яичную скурлупу. Не ты-ли затѣялъ ссору съ прохожимъ изъ-за того, что онъ кашлянулъ на улицѣ и тѣмъ разбудилъ твою собаку, спавшую вытянувшись на солнцѣ. Развѣ ты не сцѣпился съ портнымъ изъ-за того, что онъ ранѣ Пасхи обновилъ новую куртку? а съ другимъ изъ-за того, что у его новыхъ башмаковъ оказались старыя завязки? И ты-то читаешь мнѣ наставленія, желая воздержатъ меня отъ ссоръ.

Бенволио. Если-бы я былъ настолько-же склоненъ къ ссорамъ, какъ ты, я просто продалъ-бы въ вѣчное владѣніе свою жизнь каждому, кто поручился-бы, что я просуществую еще часъ съ четвертью.

Меркуціо. Это просто было-бы черезъ чуръ просто.

Бенволио. Клянусь головой, сюда идутъ Капулетти.

Меркуціо. Клянусь пяткой, мнѣ до этого никакого нѣтъ дѣла.

Входятъ Тибальдо и другіе.

Тибальдо. Не отставайте отъ меня; я съ ними заговорю. Добраго вечера, синьоры; мнѣ нужно сказать словечко одному изъ васъ.

Меркуціо. Только одно словечко на двоихъ? Прибавьте къ нему что-нибудь еще, чтобы вышли и слово, и ударъ.

Тибальдо. Я не уклонюсь отъ ссоры, если вы подадите мнѣ поводъ.

Меркуціо. А вамъ самимъ нельзя его найти безъ того, чтобы я вамъ его подалъ?

Тибальдо. Меркуціо, ты въ полныхъ ладахъ съ Ромео?

Меркуціо. Въ ладахъ? Развѣ мы музыканты? но если ты считаешь насъ за музыкантовъ, не ожидай услышать отъ насъ ничего, кромѣ разлада. (*Хватается за эфесъ шпаги*). Вотъ мой смычокъ! Ты отъ него запляшешь и при томъ, чортъ побери, на новый ладъ!

Бенволио. Мы разговариваемъ здѣсь въ публичномъ мѣстѣ, на глазахъ у всѣхъ. Иди отыщемъ болѣе уединенное мѣсто, или будемъ хладнокровно обсуждать поводы къ неудовольствію, или, наконецъ, разойдемтесь совсѣмъ. На насъ смотрятъ.

Меркуціо. На то имъ и даны глаза, чтобы смотрѣть; пусть себѣ глазѣютъ на насъ. Я ни для чьего удовольствія не тронусь съ мѣста.

Тибальдо. И оставайтесь. (*Вдали появляется Ромео*). Вотъ онъ, мой человѣкъ-то.

Меркуціо. Пусть меня повѣсятъ, если онъ когда-нибудь носилъ вашу ливрею, синьоръ! Вызовите его на поединокъ, и онъ окажется къ вашимъ услугамъ. Только въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть вашимъ «человѣкомъ».

Тибальдо. Ромео, любовь, которую, я къ тебѣ питаю, не находитъ иныхъ выраженій, кромѣ словъ: — ты подлецъ!

Ромео. Тибальдо, я имѣю причины любить тебя, и онѣ настолько важны, что я ради нихъ извиняю ту ненависть, которая выразилась въ твоемъ привѣтствіи. Я не подлецъ; а затѣмъ прощай. Я вижу, ты совсѣмъ меня не знаешь.

Тибальдо. Мальчишка, твои слова не загладят обиды, нанесенной мнѣ тобою. Становись-же противъ меня и обнажай шпагу!

Ромео. Я утверждаю, что никакой обиды тебѣ не наносилъ, а такъ-же и то, что готовъ любить тебя искренно. Тебѣ это непонятно, но ты когда-нибудь

поймешь, почему я это говорю. И такъ, удовлетворишь этимъ, любезный Капулетти теперь мнѣ это имя такъ-же дорого, какъ мое собственное.

Меркуціо. О, холодная, гнусная, постыдная покорность! Но добрая стычка смоешь все! (*Обнажая шпагу*). Тибальдо, сокрушитель крысъ, не угодно-ли помѣриться со мною оружіемъ?

Тибальдо. Чего ты отъ меня хочешь?

Меркуціо. Добрѣйшій царь кошекъ, ничего кромѣ одной изъ девяти твоихъ жизней, которую я и возьму! Да, это удовольствіе я себѣ доставлю! а затѣмъ, смотря по твоему дальнѣйшему обращенію со мною, справлюсь и съ остальными восемью. Вытаскивай-же за уши мечъ изъ ноженъ, иначе, если ты не успѣешь сдѣлать этого во время, я отрублю тебѣ голову вотъ этимъ лезвіемъ.

Тибальдо. Къ твоимъ услугамъ (*Обнажаетъ шпагу*).

Ромео. Добрый мой Меркуціо, перестань. Вложи снова мечъ въ ножны.

Меркуціо. Ну, синьоръ, выпадайте! (*Сражаются*).

Ромео. Бенволіо, обнажи шпагу и выбей оружіе у нихъ изъ рукъ. Стыдитесь, синьоры! Прекратите это безобразіе... Слушайте, Тибальдо, Меркуціо, герцогъ подъ страхомъ смертной казни запретилъ вооруженныя стычки на улицахъ Вероны... Перестаньте, Тибальдо, перестань, Меркуціо. (*Тибальдо вмѣстѣ съ своими сторонниками убѣгаетъ*).

Меркуціо. Я раненъ... Проклятіе обѣимъ враждующимъ семьямъ! Для меня, кажется, все кончено... Тотъ убѣжалъ... Неужто ему ничего не досталось (*Шатается*).

Ромео. (*Поддерживая Меркуціо*). Ты раненъ?

Меркуціо. Да, да... получилъ царапину... да, чортъ возьми, царапину, но этого достаточно... Гдѣ мой пажъ? — Эй, мальчуганъ, бѣги за врачомъ. (*Пажъ уходитъ*).

Ромео. Мужайся, Меркуціо, рана едва-ли опасна.

Меркуціо. Она, конечно, не такъ глубока, какъ колодезь, и не такъ широка, какъ церковныя ворота, но съ меня и ея достаточно. Дѣло свое она сдѣлаетъ. Загляни ко мнѣ завтра, и ты увидишь, что я буду лежать неподвижно, какъ колода. Ручаюсь, что я болѣе не жилецъ на свѣтѣ. Проклятіе обѣимъ семьямъ!.. Какая-то собака, крыса, мышь, кошка оцарапала человѣка, и онъ долженъ умереть!.. а онъ, самохваль, мошенникъ, подлець, дерется словно по ариѳметикѣ... За коимъ дьяволомъ сунулся ты между нами? Онъ ранилъ меня изъ-подъ твоей руки.

Ромео. Мнѣ казалось, что такъ слѣдовало поступить.

Меркуціо. Бенволіо, проводи меня въ какое-нибудь жилище, или я здѣсь-же лишусь созданія. Будьте прокляты, обѣ семьи! Вы приготовили изъ меня кушанье для червей. Для меня теперь все кончено, а изъ-за чего? изъ-за вась, изъ-за вашей вражды! (*Бенволіо уводитъ его*).

Ромео. Этотъ благородный человѣкъ, близкій родственникъ герцогу и мой ближайшій другъ, изъ-за меня получилъ смертельную рану, а я опозоренъ словами Тибальдо, съ которымъ мы породнились часъ тому назадъ. О,

несравненная моя Джульетта! твоя красота заставила меня оженоподобиться и размягчила мое стальное мужество.

Бенволио возвращается.

Бенволио. О, Ромео, Ромео, благородный Меркуцио скончался. Его доблестной душѣ пришлось безвременно разстаться съ земною юдолюю, и она уже парить надъ облаками.

Ромео. Я предчувствую, что черное горе этого дня роковою тяжестью ляжетъ и на грядущіе. Съ него только начались бѣдствія; окончаніе-же ихъ еще впереди. *(Тибальдо возвращается).*

Бенволио. Смотри, бѣшенный Тибальдо опять идетъ сюда.

Ромео. Онъ живъ и торжествуетъ, а Меркуцио убитъ! Прочь отъ меня, мягкосердечная осторожность; огнеокая ярость, будь теперь ты моею руководительницею!.. Эй, Тибальдо, возьми назадъ слово «подлецъ», которымъ ты обозвалъ меня недавно! Душа Меркуцио еще не высоко вознеслась надъ нами; она ждетъ твоей души, чтобы вмѣстѣ отправиться въ дальнѣйшій путь.

Тибальдо. Нѣтъ, негодный мальчишка, дружившій съ нимъ здѣсь, отправляйся вмѣстѣ съ нимъ и на тотъ свѣтъ.

Ромео. Вопросъ этотъ рѣшить моя шпата. *(Сражаются; Тибальдо падаетъ).*

Бенволио. Ромео, бѣги, бѣги скорѣе. Весь городъ всполошился... Сюда идетъ народъ; онъ увидитъ убитаго Тибальдо... Не то тебя схватятъ, и герцогъ произнесетъ тебѣ смертный приговоръ... Бѣги-же, бѣги скорѣе!

Ромео. Я жалкая игрушка въ рукахъ судьбы!

Бенволио. Что-же ты медлишь? *(Ромео удаляется).*

Вбѣгаютъ горожане и проч..

1-й Горожанинъ. Куда бѣжалъ убійца Меркуцио? Куда бѣжалъ изступленный убійца Тибальдо?

Бенволио. Вотъ онъ лежитъ передъ тобою.

1-й Горожанинъ. А вы, синьоръ, идите за мною. Повинуйтесь! — я приказываю вамъ это именемъ герцога.

Входитъ Герцогъ со свитою, за нимъ Монтекки и Капулетти съ женами и другіе.

Герцогъ. Гдѣ гнусные зачинщики этой стычки?

Бенволио. Высокочитимый герцогъ, я могу передать вамъ всѣ несчастныя подробности этой прискорбной ссоры. Вотъ лежитъ трупъ человѣка, котораго оскорбленный имъ Ромео убилъ за то, что тотъ въ свою очередь убилъ вашего родственника и его друга — храбраго и великодушнаго Меркуцио.

С-а Капулетти. Какъ, мой племянникъ, сынъ моего роднаго брата, Тибальдо убитъ? Свѣтлѣйшій герцогъ, племянникъ убитъ! Мужъ, что это

такое? Пролита кровь моего дорогого племянника! Свѣтлѣйшій герцогъ, если вы человекъ справедливый, заставьте за родную намъ кровь и Монтекки поплатиться своею кровью! О дорогой, дорогой Тибальдо!

Герцогъ. Скажи, Бенволио, кто затѣялъ кровавую ссору?

Бенволио. Лежащій здѣсь Тибальдо, убитый рукою Ромео. Ромео говорилъ съ нимъ миролюбиво, убѣждалъ его одуматься, доказывая, какъ ничтожень поводъ къ ссорѣ, упоминалъ даже о неудовольствіи, которое вызоветъ въ вашей свѣтлости новое кровопролитіе. Все это онъ говорилъ вѣжливо, не горячась, съ хладнокровнымъ взглядомъ, даже съ любезными поклонами, но все-таки не могъ обуздать бѣшеный нравъ Тибальдо, постоянно остававшагося глухимъ къ совѣтамъ мира и, не смотря на увѣщанія, вонзившаго острый клинокъ въ грудь храбраго и честнаго Меркуціо. Меркуціо былъ тоже пылокъ. Во время отчаяннаго поединка, горя воинственною отвагою, онъ одною рукою отталкивалъ отъ себя смерть, а другою наталкивалъ ее на противника. Тибальдо съ замѣчательною ловкостью платилъ ему тѣмъ-же. Тщетно кричалъ Ромео: — «Друзья, остановитесь! разойдитеесь, друзья!» — Въ ту самую минуту, когда онъ бросился было разнимать сражающихся, беспощадный Тибальдо нанесъ предательскій и смертельный ударъ неустрашимому Меркуціо. Тогда Тибальдо обратился было въ бѣгство, но потомъ вернулся опять и попался на глаза Ромео, пылавшему жаждой мести. Клинки сверкнули, какъ молніи, и ранѣ, чѣмъ я успѣлъ добѣжать до противниковъ, бой былъ оконченъ: Тибальдо убитъ. Увидавъ, что противникъ падаетъ, Ромео убѣждалъ. Пусть смерть поразитъ Бенволио на мѣстѣ, если онъ сказалъ хоть одно слово неправды.

С-а Капулетти. Онъ родственникъ Монтекки; привязанность къ роднымъ заставляетъ его давать ложныя показанія. Онъ лжетъ! Ихъ стоворилось человекъ двадцать, и они всѣ накинудись на одного, чтобы его убить. Я требую правосудія, и ты, государь, долженъ мнѣ его оказать. Ромео убилъ Тибальдо, поэтому и онъ долженъ умереть.

Герцогъ. Ромео убилъ его, но имъ убить былъ Меркуціо, Кто-же заплатитъ теперь за драгоцѣнную кровь послѣдняго.

Монтекки. Конечно, герцогъ, не Ромео. Меркуціо былъ ему другомъ. Онъ только убилъ убійцу, но то-же самое сдѣлало-бы и правосудіе.

Герцогъ. Тѣмъ не менѣе, мы немедленно изгоняемъ его изъ нашихъ владѣній. Гнусныя дѣянія вашей вражды не пощадили и меня; пролита была близкая мнѣ кровь, но за это на васъ обрушится такая жестокая кара, что вы горько пожалѣете о причиненномъ мнѣ страданіи. Отнынѣ я буду глухъ ко всѣмъ просьбамъ и оправданіямъ. Никакія слезы, никакія мольбы не смягчатъ меня, поэтому нечего къ нимъ и прибѣгать. Пусть Ромео скорѣе удалится изъ нашихъ владѣній, иначе тотъ часъ, когда онъ будетъ схваченъ, окажется его послѣднимъ часомъ. Унесите отсюда трупъ и ждите дальнѣйшихъ моихъ приказаній. Снисхожденіе къ убійствамъ только наталкиваетъ убійцъ на новыя преступленія. *(Всѣ уходятъ).*

СЦЕНА II.

Комната у Капулетти.

Входитъ Джульетта.

Джульетта. О вы, огненогіе кони, мчитесь скорѣ къ чертогу Феба. Такой возница, какъ Фаэтонъ, сталь-бы стегать васъ такъ, что вы быстро домчались бы до заката, и ночь наступила-бы сейчасъ-же. Ты, ночь, покровительница любви, задерни скорѣ свои темныя завѣсы. Пусть глаза соглядатаевъ сомкнутся и тѣмъ дадутъ моему Ромео возможность незамѣтно пробраться въ мои объятія, ни въ комъ не возбуждая подозрѣній. Любовники видятъ другъ друга и при сіяніи собственной своей красоты; если любовь слѣпа, — ночь идетъ къ ней болѣе всего. Приходи-же скорѣ, скромная ночь, облеченная въ черныя и степенныя одежды почтенной женщины, и научи меня, какъ выиграть ставку въ игрѣ, гдѣ борются между собою два дѣвственныя сердца. При помощи своего чернаго покрывала, скрой отъ всѣхъ глазъ мои стыдливо краснѣющія щеки, пока робкая любовь, сдѣлавшись смѣлѣе, не останется побѣдительницею надъ дѣвичьимъ цѣломудріемъ. Приди, красавица ночь, съ своимъ темнымъ челомъ, и приведи ко мнѣ моего Ромео; когда-же онъ умретъ, искроши его трупъ на тысячи лучезарныхъ звѣздъ; отъ его останковъ небо станетъ такимъ лучезарнымъ, что въ него влюбится весь міръ и перестанетъ обращать вниманіе на пышное свѣтило дня... Я приобрѣла право на любовь, но еще не воспользовалась имъ; я продала себя, но еще не получила условной платы. День этотъ такъ длиненъ и сученъ, какъ ночь передъ празднествомъ, нетерпѣливо ожидаемымъ рѣзвою дѣвочкою, для которой приготовлены новыя наряды и которой страстно хочется щегольнуть ими. Вотъ идетъ кормилица. Она является съ свѣжими новостями, и каждый, кто произнесетъ при мнѣ имя Ромео, будетъ обладать въ моихъ глазахъ небеснымъ краснорѣчіемъ (*Входитъ кормилица съ веревочною лѣстницею*). Говори, кормилица, что новаго... Что это у тебя? — веревки... Ихъ прислалъ сюда Ромео?

Кормилица. Разумѣется, веревки (*Бросаетъ ихъ на полъ*).

Джульетта. Что съ тобою? Что новаго? Зачѣмъ ломаешь руки?

Кормилица. О, Господи милосердный! Онъ умеръ! умеръ! умеръ! Погибли мы, синьорина, всѣ погибли! Что за ужасный день! Конецъ ему, да, онъ убить, умеръ!

Джульетта. Могло-ли небо поступить такъ жестоко?

Кормилица. Не оно могло, а Ромео! О, Ромео, Ромео, кто могъ-бы это подумать? Ахъ, Ромео!

Джульетта. Что-же ты за дьяволь такой, когда тебѣ доставляетъ наслажденіе мучить меня? Отъ подобной пытки заревѣли-бы сами грѣшники въ аду. Неужто Ромео убійца самого себя? Скажи только «да», и въ этихъ двухъ

буквахъ окажется болѣе яда, чѣмъ въ жалящемъ на смерть взглядѣ Василиска. Меня не станетъ въ одинъ мигъ, какъ только услышу я ужасное это слово! Оно докажетъ, что тѣ глаза, о которыхъ я спрашиваю, дѣйствительно закрыты навсегда. Если Ромео убить, отвѣтъ «да»; если-же нѣтъ, отвѣтъ «нѣтъ». Одно изъ этихъ двухъ короткихъ словъ рѣшитъ, жить мнѣ или не жить!

Кормилица. Я видѣла убитаго, видѣла своими глазами. У него, божусь Богомъ, въ мужественной груди страшная рана. Онъ теперь трупъ, одинъ только жалкій трупъ, весь залитый теперь уже запекшеюся кровью! Со мною сдѣлалось даже дурно, когда я это увидала!

Джульетта. О, разорвись, бѣдное мое обездоленное сердце, лишенное единственнаго своего сокровища, разорвись разомъ! Въ темницу, глаза! Никогда болѣе не глядите на свободу! Несчастливая Джульетта, ты жалкій прахъ! Обратись въ прахъ и пусть тебя похоронятъ въ одной могилѣ съ Ромео!

Кормилица. О Тибальдо, Тибальдо, лучший изъ моихъ друзей! О Тибальдо, вѣжливый, ласковый, истинный, высоко честный синьоръ, могла-ли я когда-нибудь подумать, что мнѣ придется увидать тебя мертвымъ?

Джульетта. Что-же это за буря, разомъ несущаяся въ двухъ противоположныхъ сторонъ? Убить-ли Ромео? Умеръ-ли Тибальдо? Кто-же умеръ, дорогой-ли мой братъ или несравненно болѣе дорогой мужъ? Греми-же, грозная труба страшнаго суда! Зачѣмъ болѣе существовать міру, когда не стало ни Ромео, ни Тибальдо?

Кормилица. Убить одинъ Тибальдо, а Ромео изгнанъ изъ Вероны въ наказаніе за то, что убилъ Тибальдо.

Джульетта. Создатель мой! Рука Ромео пролила кровь Тибальдо!

Кормилица. Увы, да! Пролила, пролила, пролила.

Джульетта. Змѣиное сердце таилось подъ цвѣтущею наружностью! Скрывался-ли когда драконъ въ такой прелестной пещерѣ? Красавецъ тиранъ! ангело-подобный демонъ! Воронъ въ перьяхъ голубки! агнецъ, свирѣпый, какъ волкъ! гнусное существо, прикрытое божественною внѣшностью! Ты какъ противоположенъ тому, чѣмъ кажешься: — окаянный праведникъ и доблестный злодѣй! О природа! зачѣмъ-же существуетъ адъ, когда душу демона вселили въ земной рай несравненной красоты. Удостоивалась-ли когда-либо книга, полная гнуснѣйшаго содержанія, такого великолѣпнаго переплета? Какъ можетъ въ такомъ пышномъ дворцѣ проживать обманъ?

Кормилица. Въ мужчинахъ нѣтъ ни правды, ни вѣрности, ни честности. Всѣ они притворщики, клятвопреступники, измѣнники, лицемеры! Эй, слуга, подай мнѣ глотокъ водки. Всѣ эти печали, огорченія, несчастія состарятъ меня! Пусть на голову Ромео падетъ позоръ!

Джульетта. Нѣтъ, пусть твой языкъ покроется нарывами за такое пожеланіе! Голова Ромео создана не для позора. Позоръ сторѣль-бы отъ стыда, если-бы очутился на такой головѣ. Она престоль, на которомъ должна-бы возсѣдать вѣнчанная честь, единственная владычица всей вселенной. О, какимъ ты оказалась извергомъ, когда позволяла себѣ поносить его!

Кормилица. Ужъ не станешь-ли ты восхвалять убійцу двоюроднаго брата?

Джульетта. Не хулить-же мнѣ того, кто мнѣ мужъ. О, бѣдный властелинъ мой, гдѣ-же тотъ языкъ, который захочетъ воздавать должную хвалу твоему имени, когда, черезъ три часа послѣ свадьбы, жена твоя позорила его? Но зачѣмъ ты, злой, нехорошій, убилъ двоюроднаго моего брата? а затѣмъ, что иначе злой этотъ братъ убилъ-бы моего мужа. Прочь, глупыя слезы! Вернитесь къ своему природному источнику. Ваши капли — дань скорби, а вы по ошибкѣ встрѣчаете ими радость. Мой мужъ, котораго убилъ-бы Тибальдо живъ; умеръ Тибальдо, порывавшійся убить моего Ромео! Въдѣ это радость; о чемъ-же я плачу? Но сказаны были слова, которыя нанесли мнѣ болѣе тяжелый ударъ, чѣмъ смерть Тибальдо: хотѣлось-бы мнѣ забыть ихъ, но они такъ-же сильно тяготятъ мою память, какъ непрощаемый грѣхъ душу грѣшника. «Убить одинъ Тибальдо, а Ромео изгнанъ!..» Вотъ одно это слово «изгнанъ», да, одно это слово убило для меня десять тысячъ Тибальдо. Смерть Тибальдо была-бы достаточнымъ горемъ и въ томъ случаѣ, если-бы несчастье ограничилось только этимъ. Или, если горе одно не приходится, любить ходить попарно, въ сопровожденіи другихъ бѣдъ, зачѣмъ, узнавъ о смерти Тибальдо, я не услышала, что умеръ или отецъ, или умерла мать, или даже оба разомъ? — все это вызвало-бы только обычную скорбь. Но прибавить къ известію о смерти Тибальда: — «Ромео изгнанъ» — это тоже, что сказать: — «и отецъ, и мать, и Тибальдо, и Ромео, и Джульетта всѣ убиты, всѣ умерли». «Ромео изгнанъ!» — нѣтъ ни конца, ни границъ, ни мѣры, ни предѣла горю, вызванному этимъ убійственнымъ словомъ; не найдется словъ, чтобы выразить это страшное горе! Кормилица, гдѣ отецъ съ матерью?

Кормилица. Рыдаютъ и плачутъ надъ трупомъ Тибальдо. Хочешь пойти къ нимъ? Я провожу тебя.

Джульетта. Омываютъ его рану своими слезами? Пусть-же льются ихъ слезы, а я приберегу свои, чтобы оплакивать изгнаніе Ромео. Прибери эти веревки. Бѣдныя веревки обманулись въ надеждахъ, такъ-же какъ и я: — Ромео изгнанъ. Вы должны были служить ему большою дорогой къ моему ложу, но я, — дѣвушка, — такъ и умру дѣвушкой—вдовою. Прощайте ненужныя веревки. Пойдемъ, кормилица, проводи меня до брачной моей постели, дѣвственность моя достанется не Ромео, а смерти.

Кормилица. Ступай къ себѣ въ спальню, а я, чтобы утѣшить тебя, разыщу Ромео. Я подозреваю, гдѣ онъ. Слышишь? — твой Ромео будетъ здѣсь сегодня. Бѣгу къ нему; онъ навѣрное въ кельѣ Фра-Лоренцо.

Джульетта, О, разыщи его, и отдай вотъ это кольцо моему вѣрному рыцарю. Скажи, чтобы онъ пришелъ со мною проститься (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Келья Лоренцо.

Входитъ Лоренцо и Ромео.

Лоренцо. Иди сюда, Ромео... Выходи, выходи, нечего трусить; огорченіе влюбилось въ тебя, и ты повѣнчанъ съ несчастіемъ.

Ромео. Какія вѣсти, отецъ? Къ чему приговорилъ меня герцогъ? Какое еще новое, невѣдомое горе требуетъ доступа ко мнѣ?

Лоренцо. Ты, мой сынъ, давно знакомъ съ этимъ непріятнымъ обществомъ. Я узналъ приговоръ герцога.

Ромео. Посмотримъ, насколько онъ легче страшнаго суда.

Лоренцо. Приговоръ довольно милостивъ. Смертная казнь замѣнена изгнаніемъ.

Ромео. Изгнаніемъ? Будь милосердъ, скажи, что я приговоренъ къ смерти! Смерть менѣ, о, несравненно менѣ страшна, чѣмъ изгнаніе. О, не повторяй, что я изгнанъ!

Лоренцо. Ты изгнанъ только отсюда, изъ Вероны. Смирись; Божій міръ обширенъ.

Ромео. Въ стѣнѣ Вероны міръ для меня не существуетъ. Въ страны, кромѣ нея — чистилище, пытка, даже самъ адъ. Изгнанный отсюда, я буду изгнанъ изъ всего міра, а изгнаніе изъ міра, не одно-ли то-же, что смерть? Изгнаніе — та-же смерть только подъ другимъ названіемъ. Называя смерть изгнаніемъ, ты отсѣкаешь мнѣ голову золотымъ топоромъ и съ улыбкою смотришь на ударъ, приносящій мнѣ смерть.

Лоренцо. Какой смертный грѣхъ! Какая черная неблагодарность! Твой проступокъ наказуется у насъ смертною казнью, но нашъ милосердый герцогъ изъ участія къ тебѣ смягчаетъ законъ и слово смерть замѣняетъ словомъ изгнаніе. Это великая милость, но ты не замѣчаешь ея.

Ромео. Это не милость, а пытка. Рай только тамъ, гдѣ живетъ Джульетта. Каждая собака, кошка, маленькій мышонокъ, каждая самая ничтожная тварь можетъ ее видѣть, Ромео не можетъ, никогда въ жизни не можетъ. Каждая муха, носящаяся надъ падалью, счастливѣе меня; ея права шире моихъ, положеніе завиднѣе. Такая муха имѣетъ возможность прикасаться къ несравненной бѣлоснѣжной рукѣ Джульетты; она можетъ въ сладкомъ упоеніи лнуть къ ея губамъ, тогда какъ прикосновеніе поцѣлуя къ этимъ губамъ непорочная дѣвушка считаетъ грѣхомъ, и онъ, какъ у весталки, вызываетъ у нея краску стыда. Но Ромео изгнанникъ, ему болѣе не суждено упиваться этимъ блаженствомъ! Оеъ лишень блаженства, которымъ можетъ пользоваться даже муха. Джульетта свободна, а я изгнанникъ!.. Ты говоришь будто изгнаніе не тоже, что смерть? Развѣ у тебя не было ни безпощаднаго яда, ни отточеннаго ножа, ни другого орудія, могущаго нанести мгновенную смерть, когда ты убиваешь меня смертоноснымъ словомъ «изгнаніе?» О, монахъ, то, только однимъ несчастнымъ, терзаемымъ въ аду невыносимыми мученіями, знакомо это страшное слово!

Лоренцо. Ахъ, ты слабодушный, помѣшавшійся на любви ребенокъ, дай мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Ромео. Знаю, ты опять заговоришь объ изгнаніи.

Лоренцо. Я хочу дать тебѣ оплотъ противъ такъ сильно пугающаго тебя слова. Благоразуміе, — этотъ врачующій бальзамъ, — поможетъ тебѣ терпѣливо переносить тоску изгнанія.

Ромео. Твое благоразуміе ни къ чему не поведетъ изгнанника! Оно лишь тогда оказалось бы умѣстнымъ, когда было-бы возможно или Джульетту перенести въ другую страну, или измѣнить приговоръ герцога. Поэтому зывать къ нему бесполезно; повторяю, это ни къ чему не поведетъ.

Лоренцо. Я вижу, что помѣшанные не умѣютъ слушать.

Ромео. Какъ-же стали-бы слушать они, когда здравомыслящіе люди смотрятъ, но ничего не видятъ?

Лоренцо. Дай мнѣ поспорить съ тобою на этотъ счетъ.

Ромео. Какъ можешь ты судить о томъ, чего ты никогда не чувствовалъ, не испыталъ? Если-бы ты былъ такъ-же молодъ, какъ я, такъ-же пылко любилъ Джульетту и черезъ часъ послѣ обряда вѣнчанія, убивъ Тибальдо, оказался изгнанникомъ, тогда ты въ состояніи былъ-бы не разсуждать, а рвать на себѣ волосы, грянуться на землю, какъ теперь я, словно заранѣе давая снять съ себя мѣрку для невырытой еще могилы (*Стукъ въ дверь*).

Лоренцо. Кто-то стучится. Встань, дорогой Ромео; спрячься.

Ромео. Прятаться я не стану, если, впрочемъ, отъ стоновъ моей измученной души не образуется вокругъ меня густой и непроницаемой тучи, дѣлающей меня незримымъ для чужихъ глазъ (*Снова стукъ*).

Лоренцо. Слышишь, какъ настойчиво стучатся?.. Кто тамъ?.. Вставай-же, Ромео, спрячься; иначе тебя схватятъ (*Опять стукъ*). Сейчасъ, сейчасъ... Ступай въ мою рабочую келью... Ну, теперь на волю Божию (*Стучатся*). Кто-бы могъ стучаться такъ упорно?.. Иду, иду!.. Кто стучится и что кому нужно?

Кормилица (*За дверью*). Отоприте, это я, а зачѣмъ? — узнаете послѣ. Я пришла отъ имени Джульетты.

Лоренцо. Въ такомъ случаѣ, войди (*Входитъ кормилица*).

Кормилица. Святой отецъ, скажите, гдѣ мужъ моей синьорины, гдѣ Ромео?

Лоренцо. Вотъ онъ валяется на полу, опьянѣвъ отъ собственныхъ слезъ.

Кормилица. Вотъ и моя синьорина такъ-же. Точь въ точь такъ.

Лоренцо. И совпаденіе горькое, и положеніе въ самомъ дѣлѣ тяжелое.

Кормилица. И она такъ-же; лежитъ, а сама все всхлипываетъ и плачетъ; плачетъ и всхлипываетъ. Вставайте, синьоръ, вставайте; будьте мужчиной. Ради Джульетты, да, ради нея встаньте и стойте на ногахъ. Къ чему предаваться такому мрачному отчаянію?

Ромео. Кормилица!

Кормилица. Ахъ, синьоръ, синьоръ! Смертью кончается все на свѣтѣ.

Ромео. Ты говорила о Джульеттѣ? Что она? Называетъ меня убійцей. закоснѣлымъ извергомъ за то, что я младенчество нашего счастья обагрилъ родственною ей кровью? Гдѣ она и что подѣлываетъ? Что говорить моя тайная жена о нашей сокрушенной любви?

Кормилица. Ничего не говорить, синьоръ, а только плачетъ и плачетъ. То упадетъ на постель, то вскочитъ опять. Вскрикнетъ: — «Тибальдо!» а затѣмъ: — «Ромео!» и снова какъ пласть упадетъ на подушки.

Ромео. Это имя, словно смертельный выстрѣлъ, убиваетъ ее, какъ убила ея двоюроднаго брата проклятая рука носящаго это имя. О, повѣдай мнѣ, святой отецъ, повѣдай, въ какой гнуснѣйшей части тѣла живетъ это отвратительное имя? Скажи мнѣ это, чтобы я могъ уничтожить его ненавистный притонъ! *(Обнажаетъ мечъ).*

Лоренцо. Воздержи свою отчаянную руку. Мужчина-ли ты? По своимъ слезамъ ты какъ будто женщина, а по поступкамъ какъ-будто неразумное, чудовищное животное. Ты изумляешь меня... Клянусь моимъ священнымъ орденомъ, я считалъ тебя человѣкомъ сильнѣе закаленнымъ противъ несчастья. Неужто, убивъ уже Тибальдо, ты еще хочешь убить и себя и, удовлетворивъ на себѣ дикую злобу, нанести смертельный ударъ женщинѣ, живущей только тобою? Зачѣмъ оскорбляешь ты и жизнь, и небо, и землю, когда и жизнь, и небо, и земля всѣ трое разомъ встрѣчаются въ тебѣ, а ихъ ты стремишься лишиться разомъ? Полно! Полно! Ты позорнымъ малодушіемъ позоришь свою красоту, свою молодость, свой разумъ, богато надѣленный всѣми дарами, ты, словно ростовщикъ, не умѣешь пользоваться ни однимъ изъ этихъ даровъ, какъ-бы слѣдовало твоей красотѣ, молодости и разуму. Твоя красивая наружность — красота восточной женщины, лишенной всякаго мужества, всякой силы, облыжно принявъ на себя только видъ мужчины и мужской доблести. Твоя нѣжная любовь, въ которой ты клялся такъ сильно, одно вѣроломство; оно сведетъ въ могилу ту, которую ты клялся любить. Твой разумъ, — а онъ лучшее украшеніе любви и красоты, — является въ тебѣ только заблудшимъ сокрушителемъ той и другой. Онъ неумѣстно вспыхиваетъ в тебѣ, словно порохъ въ пороховницѣ неопытнаго солдата, и вмѣсто того, чтобы служить тебѣ защитой, только наноситъ тебѣ увѣчья. Воспрянь духомъ, будь мужчиной. Помни, что Джульетта, за которую ты такъ еще недавно готовъ былъ отдать жизнь, еще жива. Даже и тутъ, какъ во всемъ, тебѣ выпала счастливая доля. Тибальдо могъ-бы тебя убить, а убилъ его ты. Законъ, грозившій тебѣ смертью, отправляетъ тебя только въ изгнаніе. Развѣ все это не счастье? Нѣтъ, цѣлый дождь благополучія сваливается тебѣ на голову, а ты, какъ негодная дѣвчонка, брезгливо отворачиваешься и отъ счастья, и отъ любви. Есть-ли тутъ изъ-за чего впадать въ отчаяніе и желать наложить на себя руки? Ободришь! Какъ было условлено, ступай въ спальню къ своей возлюбленной, утѣшь огорченную жену. Однако, не оставайся у нея слишкомъ долго; уйди ранѣе, чѣмъ смѣнять часовыхъ, иначе тебѣ нельзя будетъ пробраться въ Мантую, гдѣ ты долженъ пребывать до тѣхъ поръ, пока не явится возможности

огласить вашъ бракъ, или, примиривъ между собою вашихъ родныхъ, или испросивъ прощеніе у герцога. Радость при возвращеніи будетъ въ двадцать разъ сильнѣе того горя, которое ты испытываешь теперь, при удаленіи отсюда... Ты-же, кормилица, ступай впередъ, передай своей синьорѣ мой привѣтъ и скажи, чтобы она постаралась скорѣе уложить въ постель весь домъ. Горе тяжкой утраты поможетъ ей въ этомъ, а Ромео явятся вслѣдъ за тобою.

Кормилица. Кажется, всю ночь простояла-бы здѣсь и слушала его разумныя рѣчи; сколько въ нихъ поучительнаго!.. И такъ, синьоръ, я скажу Джульеттѣ, что вы придете.

Ромео. Да, и скажи моей возлюбленной, чтобы приготовилась меня побранить.

Кормилица. Вотъ кольцо. Она приказала передать его вамъ. Приходите-же скорѣе. Становится поздно (*Уходитъ*).

Ромео. Какъ оживила меня эта бездѣлушка.

Лоренцо. Ступай. Счастливой ночи. Не забывай только, — отъ этого зависитъ вся дальнѣйшая твоя судьба, — что ты непременно долженъ удалиться изъ Вероны еще до окончанія ночи; если-же тебя застанетъ разсвѣтъ, необходимо будетъ перерядиться. Оставайся въ Мантуѣ. Я съумѣю разыскать твоего слугу, и онъ отъ времени до времени будетъ извѣщать тебя о всемъ томъ радостномъ, что произойдетъ для тебя здѣсь. Дай мнѣ руку. Часъ уже не ранній. Прощай; счастливой ночи.

Ромео. Не ожидай меня такое блаженство, выше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ, мнѣ было-бы очень горько разстаться съ тобою такъ скоро. Прощай (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната у Капулетти.

Входятъ Капулетти, синьора Капулетти и Парисъ.

Капулетти. Обстоятельства сложились такъ печально, что мы не успѣли предупредить дочь. Видите-ли, она такъ-же горячо любила своего двоюроднаго брата Тибальдо, какъ и я... Впрочемъ, мы всѣ затѣмъ и родимся, чтобы когда-нибудь умереть. Теперь уже очень поздно и она сегодня болѣе не выйдетъ изъ своей комнаты. Да и я самъ уже давно лежалъ-бы въ постели, если бы не такое пріятное общество, какъ ваше.

Парисъ. Въ такіе печальные дни не до сватовства. Покойной ночи, синьора; передайте вашей дочери мой поклонъ.

С-а Капулетти. Непременно передамъ, а завтра утромъ узнаю ея отвѣтъ. Сегодня она такъ огорчена, что тревожить ея я не стану.

Капулетти. И такъ, графъ Парисъ, я могу смѣло обѣщать вамъ любовь моей дочери. Я думаю, что она ни въ чемъ не выйдетъ у меня изъ повиновенія.

Мало! — я въ этомъ убѣжденъ. Жена, повидайся съ нею ранѣе, чѣмъ ляжешь въ постель. Сообщи ей о любви къ ней графа Париса и, — главное, — не забудь сказать, что въ будущую среду... Или, нѣтъ, стой! — Какой у насъ сегодня день?

Парисъ. Понедѣльникъ, синьоръ.

Капулетти. Понедѣльникъ? Ай, ай! Въ среду будетъ слишкомъ скоро. Отложимъ до четверга... И такъ, скажи ей, что въ четвергъ она будетъ обвѣнчана съ благороднымъ графомъ Парисомъ... Будете-ли вы готовы къ этому дню... или, быть можетъ, вамъ не нравится такая поспѣшность. Никакихъ большихъ пиршествъ не будетъ. Я приглашу двоихъ или троихъ друзей — вотъ и все. Задавать пиры такъ скоро послѣ смерти Тибальдо неприлично. Могутъ подумать, будто мы слишкомъ равнодушно относимся къ смерти такого близкаго родственника. Поэтому человекъ шесть не болѣе и то самыхъ близкихъ. Что-же вы мнѣ отвѣтите на счетъ четверга?

Парисъ. Одно, синьоръ: — желалъ-бы я, чтобы завтра былъ не вторникъ, а четвергъ.

Капулетти. Прекрасно. Теперь ступайте домой... И такъ, рѣшено: — въ четвергъ... Ты, жена, передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, повидайся съ Джульеттой; предупреди ее, что она помолвлена, и день свадьбы уже назначенъ. До свиданія, графъ... Эй, посвѣтитъ мнѣ въ мою комнату! Мы такъ засидѣлись, что можно сказать, теперь не поздно, а рано. Покойной ночи (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Стеклянная галерея передъ спальней Джульетты.

Входятъ Ромео и Джульетта.

Джульетта. Неужели ты уже уходишь? До наступленія утра еще далеко: то соловей встревожилъ твой пугливый слухъ, а не жаворонокъ. Онъ каждую ночь распѣваетъ тамъ, на гранатовомъ деревѣ... Повѣрь мнѣ, ненаглядный, то поетъ соловей.

Ромео. Нѣтъ, не соловей поетъ, а жаворонокъ, предвѣстникъ утра. О, любовь моя, смотри, какъ ревнивые лучи свѣта окаймляютъ на востокѣ разбѣгающіяся облака! Свѣтила ночи — звѣзды уже догорѣли, и улыбающійся день уже поднимается на ципочки на окутанныхъ туманомъ вершинахъ горъ. Мнѣ пора уходить или готовиться къ смерти, если я останусь здѣсь долѣе.

Джульетта. Свѣтъ, который ты видишь тамъ на востокѣ, не дневной свѣтъ; я это знаю. То какой-нибудь метеоръ, посланный солнцемъ, чтобы онъ, какъ факелоносецъ, освѣщаль тебѣ путь въ Мантую. Поэтому побудь здѣсь еще; нѣтъ необходимости уходить такъ рано.

Ромео. Хорошо, я останусь. Пусть меня схватятъ, казнятъ; я останусь доволенъ, если ты этого желаешь. Сѣроватый свѣтъ, смѣняющій темноту ночи,

еще не взгляды раннего утра, а только бледный отблеск чела Цинтии, и то не жаворонок так звонко заливается в поднебесье, высоко-высоко над нашими головами. Я скорее готов послушаться желанья остаться здесь, чем разсудка, советующаго уходить. Пусть приходит смерть! Я встречу ее с радостью, если того желает Джульетта. Что-же, довольна ты, моя радость? Будем продолжать разговор; до рассвета еще далеко.

Джульетта. Нѣтъ, это утро! Уходи, бѣги, бѣги отсюда! То поет жаворонок. Находятъ, что онъ поетъ прелестно; неправда! — голосъ у него фальшивый, рѣзкій; онъ деретъ уши. Такъ-же неправда, будто его пѣніе сладко и полно гармоніи: оно только нарушаетъ нашу сладкую гармонію и ускоряетъ минуту горькой разлуки. Говорятъ, будто жаворонокъ и жаба помѣнялись глазами; желала-бы я, чтобы. они такъ-же помѣнялись и голосами, потому что его голосъ спугнулъ наше блаженство, вырвалъ тебя изъ моихъ объятій и, своимъ пронзительнымъ крикомъ, напоминая, что близится утро, заставляетъ тебя уходить отъ меня. А теперь уходи; пора. Становится всѣ свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Ромео. Да, на дворѣ становится все свѣтлѣе, а у насъ на душѣ все мрачнѣй и мрачнѣй (*Появляется кормилица*).

Кормилица. Синьора.

Джульетта. Что тебѣ нужно, кормилица?

Кормилица. Твоя матушка идетъ сюда. Уже свѣтаетъ. Будь осторожна, наблюдай за собою (*Уходитъ*).

Джульетта (*Отворяя окно*). День вторгается въ окно, а жизнь моя въ него улетаешь.

Ромео. Прощай, прощай, еще одинъ поцѣлуй, и я спущусь по лѣстницѣ (*Цѣлуются; Ромео начинаетъ спускаться по веревочной лѣстницѣ*).

Джульетта. (*У окна*). Вотъ ты и удаляешься... Сердце мое, властелинъ, мужъ, другъ мой, я каждый день, каждый часъ дня должна имѣть о тебѣ извѣстія, потому, что въ каждой минутѣ можетъ оказаться много, много дней. Если держаться такого счета, я буду уже очень стара, когда снова увижу моего Ромео.

Ромео (*За окномъ*). Прощай. Я не пропущу ни одного удобнаго случая, безъ того, чтобы не прислать тебѣ своего привѣта.

Джульетта. Какъ думаешь, мой Ромео, свидимся мы когда-нибудь?

Ромео. Я въ этомъ не сомнѣваюсь. При свиданіи мы расскажемъ другъ другу всѣ страданія, пережитыя во время разлуки.

Джульетта. О Боже!.. Какое тяжелое предчувствіе томить мнѣ душу! Теперь, когда ты спускаешься по лѣстницѣ все ниже и ниже, мнѣ мерещится, будто тебя мертвого опускаютъ въ могилу. Или зрѣніе обманываетъ меня, или ты на самомъ дѣлѣ очень блѣденъ.

Ромео. Такою-же, радость моя, кажешься мнѣ и ты. Томимая жаждой тоска пьетъ нашу кровь. Прощай, прощай! (*Исчезаетъ совѣсть*).

Джульетта. Судьба, судьба, говорятъ, что ты измѣнчива. Если ты измѣнчива, что-жъ дѣлать тебѣ съ тѣмъ, кто славится своимъ постоянствомъ?

Если ты въ самомъ дѣлѣ измѣнчива, не удерживай его долго вдали отъ меня, а скорѣе верни мнѣ его снова.

С-а Капулетти (*За сценой*). Проснулась ты, Джульетта?

Джульетта. Кто это зоветъ меня? Неужто мать? Что это она встала такъ рано? Или, можетъ быть, совсѣмъ еще не ложилась? Тутъ вѣрно кроется что нибудь особенное (*Входитъ синьора Капулетти*).

С-а Капулетти. Какъ ты себя чувствуешь, дитя мое?

Джульетта. Нездоровится.

С-а Капулетти. Все продолжаешь оплакивать смерть двоюроднаго брата? Неужто ты надѣешься слезами вернуть его изъ могилы? Никакія слезы не могутъ заставить его ожить. Перестань-же плакать. Умѣренная скорбь доказываетъ искреннюю привязанность, но чрезмѣрное отчаяніе — только признакъ неблагоразумія.

Джульетта. Дайте мнѣ еще поплакать; потеря такъ чувствительна.

С-а Капулетти. Она чувствительна только одной тебѣ, а не другу, котораго ты лишилась.

Джульетта. Я такъ живо чувствую потерю этого друга, что, кажется, никогда не перестану плакать.

С-а Капулетти. Я подозрѣваю, что тебя не столько огорчаетъ смерть Тибальдо, сколько мысль, что убившій его злодѣй еще живъ.

Джульетта. Какой злодѣй, синьора?

С-а Капулетти. Ненавистный Ромео.

Джульетта. Между злодѣемъ и имъ разстояніе слишкомъ велико. Да простить его Богъ такъ-же, какъ отъ всей души прощаю его я. А между тѣмъ онъ заставляетъ скорбѣть мое сердце сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой на свѣтѣ.

С-а Капулетти. Все потому, что убійца, нанесшій Тибальдо предательскій ударъ, еще живъ.

Джульетта. Да, синьора, потому, что онъ слишкомъ далеко. Какъ-бы желала я, чтобы право отомстить Ромео за смерть Тибальдо предоставлено было мнѣ одной.

С-а Капулетти. Успокойся, не плачь!.. Не бойся, мы отомстимъ. Я пошлю къ одному человѣку въ Мантую, гдѣ теперь находится этотъ изгнанный мерзавецъ, и тотъ угоститъ убійцу такимъ напиткомъ, что негодяй живо отправится туда-же, гдѣ теперь Тибальдо. Тогда, надѣюсь, ты утѣшишься.

Джульетта. Утѣшусь я только тогда, когда увижу его — мертвымъ, а до тѣхъ поръ сердце мое будетъ оставаться мертвымъ, истерзаннымъ потерю дорогого человѣка. Синьора, если можно отыскать человѣка, согласнаго отравить Ромео, я доставила бы такой ядъ, что убійца Тибальдо тутъ-же уснулъ-бы съ миромъ. Мнѣ невыносимо тяжело слышать его имя и не имѣть возможности перенестись къ нему, чтобы отомстить ему за привязанность, которую я питала къ другу и къ брату моему Тибальдо!

С-а Капулетти. Ты добудь средство, а я отыщу человѣка. Теперь, дитя мое, приготовься услышать радостную вѣсть.

Джульетта. Радостная вѣсть всегда пріятна, но когда человѣкъ въ горѣ, она становится пріятнѣе вдвое. Говорите-же, синьора, прошу васъ.

С-а Капулетти. Сейчасъ, сейчасъ. У тебя, дитя, очень заботливый отецъ. Чтобы развлечь тебя въ печали, онъ придумалъ устроить такой торжественный праздникъ, какого ты и во снѣ не видала, да и мнѣ такого не снилось.

Джульетта. Въ добрый часъ. Что-же это за праздникъ?

С-а Капулетти. Слушай, дитя мое. Въ слѣдующій четвергъ въ храмъ Св. Петра состоится твое бракосочетаніе съ изящнымъ, любезнымъ и благороднымъ графомъ Парисомъ. Онъ сдѣлаетъ тебя счастливою женою.

Джульетта. Клянусь храмомъ Св. Петра, да и самимъ Св. Петромъ, что счастливою женой никто сдѣлать меня не можетъ. Меня удивляетъ, куда такъ торопится графъ? Будущій мой мужъ даже не попытался чѣмъ-нибудь заслужить мою любовь, а день свадьбы уже назначенъ. Прошу васъ, синьора, скажите моему отцу и повелителю, что я не хочу еще выходить замужъ, а если-бы и рѣшилась, то скорѣе вышла-бы за ненавистнаго мнѣ, какъ вамъ извѣстно, Ромео, чѣмъ за Париса. Извѣстіе это, если и не радостное, то вполнѣ неожиданное.

С-а Капулетти. Вотъ идетъ отецъ. Скажи это ему сама и увидишь, какъ приметъ онъ твой отвѣтъ (*Входитъ Капулетти и кормилица*).

Капулетти. Когда закатывается солнце, изъ земли всегда выступаетъ роса. Вотъ закатилась жизнь сына моего брата и вызвала цѣлые потоки слезъ. Ну, что, моя дѣвочка, или, скорѣе, моя водосточная труба, все еще разливаешься? Своею маленькою особою ты напоминаешь разомъ и ладью, и море, и вѣтеръ, потому что глаза твоя, въ такомъ изобиліи проливающіе слезы, можно назвать моремъ; твое шаткое тѣло — ладьею, колеблемою волнами соленой влаги, а твои глубокіе вздохи — буйнымъ вѣтромъ, который, состязаясь съ слезами, какъ онѣ состязаются съ нимъ, непременно разобьютъ утлую твою ладью, если не наступитъ нежданное затишье. Жена, передала ты ей наше рѣшеніе?

С-а Капулетти. Передала, но благодарности отъ нея не жди. Она, глупенькая, говоритъ, что скорѣе готова повѣнчаться со смертию, чѣмъ съ Парисомъ.

Капулетти. Постой, постой, жена!.. Ничего ровно не понимаю. Говоритъ, что скорѣе повѣнчается со смертию... и намъ отказываетъ въ благодарности?.. Развѣ она не гордится, не считаетъ себя не въ мѣру осчастливленною, что мы ей, нисколько не заслуживающей подобной чести, выбрали такого завиднаго жениха?

Джульетта. За ваши заботы обо мнѣ, я вамъ благодарна, но нисколько не горжусь вашимъ выборомъ. Любить того, кто мнѣ противенъ, я не могу, но не могу не быть благодарной даже за причиненныя мнѣ страданія, доказывающія только вашу любовь ко мнѣ.

Капулетти. Что-же это за нелѣпая логика? — разомъ и благодарна, и не благодарна? — горжусь и благодарю, а затѣмъ — и не горжусь, и не благодарю? Слушай ты, мелюзга! — благодарна ты или неблагодарна, гордишься или нѣтъ,

мнѣ все равно. Однако, во всякомъ случаѣ будь готова въ храмѣ Св. Петра и непремѣнно въ четвергъ повѣнчаться съ графомъ Парисомъ. Иначе я притащу тебя туда на арканѣ. Слышишь, страдающая дѣвичьею немощью тварь, дрянь, блѣднолицая шлюха.

С-а Капулетти. Перестань, перестань! Съ ума ты сошелъ?

Джульетта. Добрый мой отецъ, на колѣняхъ молю тебя дозволи выказать нѣсколько словъ и выслушай ихъ терпѣливо.

Капулетти. Повѣситъ-бы тебя, шлюху, непослушную негодяйку! Я вотъ-что говорю тебѣ: — или отправляйся въ четвергъ вѣнчаться въ церковь, или никогда послѣ этого не смѣй смотрѣть мнѣ въ глаза. Не говори ни слова, не отвѣчай, не возражай. У меня руки чешутся. Жена, будемъ благодарить Бога, что онъ наградилъ насъ только однимъ такимъ исчадіемъ. Теперь я вяжу, что и одного-то его слишкомъ много и что оно ничто иное, какъ наказаніе свыше. Чортъ-бы побралъ ее, негодяйку.

Кормилица. Съ нами крестная сила! Полноте, синьоръ, полноте обижать дочь.

Капулетти. А почему-бы и нѣтъ, госпожа премудрость? Прикуси языкъ, премудрая осторожность; избавь насъ отъ своей дурацкой болтовни.

Кормилица. Вѣдь я не что-нибудь глупое, а правду говорю.

Капулетти. Замолчи ты, ради Бога.

Кормилица. Развѣ нельзя и слова сказать?

Капулетти. Говорятъ тебѣ, молчи, вздорная болтунья! Расточай свое краснорѣчіе передъ такими-же рыночными кумушками, какъ ты сама, а здѣсь мы въ немъ не нуждаемся.

С-а Капулетти. Ты уже слишкомъ горячишься,

Капулетти. Чортъ васъ всѣхъ возьми, вы хоть кого доведете до бѣшенства. Что-бы я ни дѣлалъ, днемъ-ли, ночью-ли, среди-ли занятій или среди развлеченій, въ уединеніи-ли, или въ веселомъ обществѣ, единственною моею заботою было пристроить дочь достойнымъ образомъ, а теперь, когда найденъ человѣкъ высокаго происхожденія, съ знатнымъ родствомъ, владѣющій богатѣйшими помѣстьями, весь, — какъ говорятся, — нашпигованный всякими добродѣтелями, словомъ, такой человѣкъ, какого лучше и желать нельзя, она, глупая плакса, ноющая кукла, когда судьба относится къ ней такъ благосклонно, смѣетъ говорить: — «Я не хочу замужъ, не могу любить, я слишкомъ молода; молю васъ, простите, но не могу!.. Не хочу замужъ, простите, но не хочу!» А! если ты не согласишься повѣнчаться съ Парисомъ, увидишь, какъ я обойдусь съ тобою и прощу-ли я тебя? Не выйдешь замужъ, шляйся гдѣ хочешь, но у меня въ домѣ жить ты не будешь. Подумай объ этомъ, подумай хорошенько! Я не шучу. До четверга недалеко; вотъ ты посовѣтовавшись съ сердцемъ, и поразмысли. Если ты мнѣ дочь, я выдамъ тебя за избраннаго мною для тебя жениха; если нѣтъ — ступай побираться, околѣвай съ голода, издыхай на улицѣ, мнѣ будетъ все равно. Клянусь, что въ случаѣ твоего послушанія, я перестану считать тебя своею дочерью и не окажу

тебѣ ни малѣйшей помощи. Помни это, одумайся и знай, что я своего рѣшенія не измѣню. Даю въ этомъ клятвенное обѣщаніе.

(Уходитъ).

Джульетта. Неужто въ небесахъ, видящихъ, какъ я страдаю, нѣтъ ко мнѣ состраданія? О, безцѣнная матушка, не отталкивайте меня отъ себя! Отложите свадьбу на мѣсяць или хоть на недѣлю. Если-же вы не можете этого сдѣлать, приготовьте мнѣ брачное ложе въ томъ склепѣ, гдѣ теперь покоится Тибальдо.

С-а Капулетти. Не обращай ко мнѣ, потому что я не отвѣчу тебѣ ни слова. Поступай, какъ знаешь; мой разговоръ съ тобою оконченъ *(Уходитъ)*.

Джульетта. Боже мой!.. Кормилица, научи меня, какъ отвратить эту бѣду? Мужъ мой здѣсь, на землѣ; обѣты мои на небесахъ. Какъ могутъ эти обѣты вернуться снова на землю, если мужъ не возвратитъ мнѣ ихъ обратно съ небесъ? Посовѣтуй, научи, что мнѣ дѣлать? За что небо, милосердное небо подвергаетъ этимъ страшнымъ испытаніямъ такое безпомощное созданіе, какъ я. Что-же ты молчишь? Неужто у тебя не найдется ни одного слова утѣшенія? Кормилица, помоги-же мнѣ добрымъ совѣтомъ!

Кормилица. Слушай; вотъ, что я тебѣ скажу. Ромео изгнанъ, и хоть возстанъ весь міръ, бѣды этой не исправишь. Ромео никогда не дерзнетъ заявить свои права на тебя, а если-бы онъ и дерзнулъ, то не открыто, а украдкой. Затѣмъ, если дѣло уже находится въ такомъ положеніи, какъ теперь, лучше всего тебѣ повѣнчаться съ графомъ. Мужчина онъ прекрасный. Рядомъ съ нимъ твой Ромео дрянъ. Даже и у орла нѣтъ такихъ зеленыхъ, быстрыхъ и блестящихъ глазъ, какъ у него. Будь проклята моя душа, если я не отъ всей души даю тебѣ совѣтъ вступить въ новый бракъ; новый-то много лучше перваго. А если и не лучше, то первый мужъ для тебя умеръ или все равно что умеръ, а потому, — разъ ты жива, — онъ для тебя не существуетъ.

Джульетта. И ты говоришь отъ души?

Кормилица. Отъ всего сердца, радость моя. Накажи меня Господь, если я кривлю душою.

Джульетта. Довольно!

Кормилица. Чего?

Джульетта. Ты утѣшила меня, какъ нельзя лучше. Ступай къ моимъ роднымъ и скажи имъ, что я иду къ отцу Лоренцо исповѣдаться въ грѣхѣ непослушанія.

Кормилица. Сейчасъ побѣгу... Лучшаго нельзя было и придумать. Давно-бы такъ *(Уходитъ)*.

Джульетта. О проклятая старая дура! О злобный демонъ!.. Что грѣшнѣе съ ея стороны: — желаніе-ли заставить меня измѣнить даннымъ обѣтамъ или унижить въ моихъ глазахъ моего властелина тѣмъ-же языкомъ, которымъ она столько тысячъ разъ прославляла его? Отправлюсь къ Фра-Лоренцо. Посмотримъ, какое средство посовѣтуетъ мнѣ онъ. Если и его совѣтъ окажется неподходящимъ, я въ самой себѣ найду силу умереть *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I.

Келья Лоренцо.

Входятъ Лоренцо и Парисъ.

Лоренцо. Вы говорите въ четвергъ, синьоръ? Времени остается немного.

Парисъ. Такъ желаетъ будущій мой тесть, и не мнѣ стараться замедлять его торопливость.

Лоренцо. Вы также говорите, что не знаете, какъ на это дѣло смотреть невѣста... Все идетъ не прямымъ путемъ, а это мнѣ не по вкусу.

Парисъ. Она черезъ чуръ горько оплакиваетъ смерть Тибальдо, поэтому я и не имѣлъ случая говорить съ ней о любви. Богиня любви никогда не улыбается тамъ, гдѣ проливаются слезы. Отецъ находить для нея опаснымъ такое неумѣренное горе и, какъ человѣкъ благоразумный, желаетъ, чтобы свадьба состоялась какъ можно скорѣе, надѣясь, что этимъ онъ остановитъ обильные потоки ея слезъ. Горе, усиливается одиночествомъ, въ обществѣ другихъ утратить свою силу. Теперь вамъ извѣстна причина такой поспѣшности.

Лоренцо (*Про себя*). А мнѣ извѣстны такія причины, по которымъ свадьбу слѣдовало-бы отложить навсегда (*Громко*). Вотъ, синьоръ, молодая синьорина какъ разъ идетъ въ мою келью (*Входитъ Джульетта*).

Парисъ. Я очень счастливъ, что случай доставилъ тебѣ возможность увидаться съ вами, прелестная синьорина и моя невѣста.

Джульетта. Невѣстой вашей я сдѣлаюсь только тогда, когда буду имѣть возможность выйти замужъ.

Парисъ. Однако, безцѣнная Джульетта, свадьба должна состояться въ четвергъ.

Джульетта. Будетъ то, что быть должно.

Лоренцо. Совершенно вѣрно.

Парисъ. Вы исповѣдаться пришли къ Фра-Лоренцо?

Джульетта. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мнѣ придется исповѣдываться передъ вами.

Парисъ. Не скройте-же отъ него, что любите меня.

Джульетта. Вамъ я признаюсь, что люблю...

Парисъ. Понимаю и убѣжденъ, что вы такъ-же откровенно покаетесь въ этомъ и ему.

Джульетта. Если я и покаюсь въ чемъ, то, конечно, не въ вашемъ присутствіи.

Парисъ. Бѣдная огорченная душа. Какъ измѣнили тебя слезы.

Джульетта. Слезы не могли многого отнять у моего лица, такъ какъ оно и безъ нихъ было достаточно дурно.

Парись. Этимъ отзываетъ ты обижаешь себя.

Джульетта. Гдѣ правда, тамъ синьоръ, нѣтъ обиды. То, что я сказала, было сказано мною себѣ въ лицо.

Парись. Твоя красота принадлежитъ мнѣ; ты на нее клеветалъ, и я за нее вступаю.

Джульетта. Кому она принадлежитъ, не знаю... Можетъ быть, и вамъ, но у меня ея нѣтъ. Святой отецъ, есть у васъ время теперь, или мнѣ лучше придти передъ вечерней?

Лоренцо. Нѣтъ, огорченное дитя мое, я совершенно свободенъ. Синьоръ, намъ необходимо остаться наединѣ.

Парись. Стану-ли я мѣшать благочестивому дѣлу? Избави Богъ. Въ четвергъ я разбужу тебя рано, а до тѣхъ поръ прощай. Прими отъ меня этотъ безгрѣшный поцѣлуй (*Цѣлуетъ ее и уходитъ*).

Джульетта. Запри дверь, и затѣмъ вернись и поплачь со мною. Нѣтъ ни надежды, ни исхода, ни спасенія,

Лоренцо. Бѣдная Джульетта! Горе твое мнѣ уже извѣстно, однако, я ничего не могу придумать, чѣмъ-бы помочь тебѣ, я знаю, что ты въ четвергъ безъ всякихъ отлагательствъ должна повѣнчаться съ графомъ.

Джульетта. Святой отецъ, нечего объ этомъ говорить, если у тебя нѣтъ средства предотвратить несчастіе. Если-же, несмотря на всю свою мудрость, такого средства ты найти не можешь, одобри, по крайней мѣрѣ, найди благоразумнымъ то, что придумала я сама, и я разомъ покончу съ собою вотъ этимъ ножомъ. Мое сердце съ сердцемъ Ромео соединилъ самъ Богъ, а наши руки — ты, и прежде, чѣмъ эта рука, соединенная тобою съ рукою Ромео, скрѣпить другое условіе, прежде, чѣмъ вѣрное мое сердце, отрекшись отъ прежнихъ своихъ обѣтовъ, сдѣлается вѣроломнымъ, она-же разомъ покончитъ и съ сердцемъ, и со мною. Ты уже давно живешь на свѣтѣ, такъ почерпни теперь изъ своего многолѣтняго опыта какой-нибудь разумный совѣтъ, иначе, — смотри! — вотъ это кровавое оружіе явится посредникомъ между мною и моимъ отчаяніемъ; оно, за неимѣніемъ другого исхода, сдѣлаетъ то, чего не могли предотвратить ни твои познанія, ни твоя долголѣтняя опытность. Отвѣчай-же безъ замедленія; если у тебя нѣтъ средства спасти меня, я хочу умереть какъ можно скорѣе.

Лоренцо. Дочь моя, постой! У меня въ головѣ созрѣваетъ планъ, положимъ, такой-же отчаянный, какъ и то положеніе, изъ котораго мы желаемъ выйти. Если дѣйствительно скорѣе, чѣмъ выйти за графа, ты согласна умереть, можно прибѣгнуть къ этому средству; тогда, ради спасенія твоей чести, подобіе смерти, конечно, тебя не устраситъ. Если у тебя хватитъ рѣшимости, средство это готово.

Джульетта. О, лишь-бы избѣжать необходимости выйти за Париса, вели мнѣ броситься вотъ съ той высокой башни, я брошусь сейчасъ-же. Скажи,

чтобы я пошла на дорогу, гдѣ свирѣпствуютъ разбойники, я пойду туда, не колеблясь, пошли меня въ гнѣздо ехиднѣ, пойду и туда! Заклучи меня въ берлогу рычащихъ медвѣдей, запири ночью въ костникъ, зарой подъ груды смердящихъ пожелтѣвшихъ череповъ и костей, стучащихъ одни о другіе; прикажи вырыть могилу и вмѣстѣ съ покойникомъ засыпать землею и меня; я соглашусь даже на это. Все это вещи, отъ которыхъ при одномъ напоминаніи становится дыбомъ волосъ, но я, — чтобы только остаться незапятнанною женою того, кого люблю, — пойду на все безъ страха, безъ колебаній.

Лоренцо. Если такъ, ступай домой, притворись веселой и изъяви согласіе выйти за Париса. Завтра среда. Къ вечеру постарайся остаться одна, такъ, чтобы кормилица не спала у тебя въ комнатѣ. Когда ляжешь въ постель, выпей то, что заключается въ этой стеклянкѣ. Не пугайся, если всю тебя охватитъ леденящій холодъ, если жилы твои, лишившись природной своей способности, перестанутъ биться. Тебя охватитъ мертвый сонъ. Ни теплота, ни дыханіе, ни біеніе сердца — ничто не будетъ свидѣтельствовать о томъ, что ты еще жива. Румяный цвѣтъ твоихъ щекъ и губъ исчезнетъ и приметъ землистый оттѣнокъ. Глаза твои окажутся тусклыми, вѣки сомкнутыми, точно ихъ погасила и смежила смерть. Каждая часть твоего тѣла, лишившись обычной своей гибкости, заоченѣетъ, похолодѣетъ, и ты будешь совсѣмъ, какъ мертвая. Въ этомъ состояніи, во всемъ подобная трупу, ты пробудешь ровно сорокъ два часа, а затѣмъ пробудишься какъ-бы отъ сладкаго сна. Когда поутру женихъ явится тебя будить, ты окажешься мертвой. Тогда тебя, по обычаю нашей страны, одѣнутъ въ лучшіе твои наряды и въ открытомъ гробѣ отнесутъ въ старинный склепъ, гдѣ покоится вся родня Капулетти. Тѣмъ временемъ, ранѣе чѣмъ ты успѣешь проснуться, я письменно сообщу обо всемъ Ромео, и онъ тотчасъ-же поспѣшитъ сюда. Оба мы, и онъ, и я, станемъ ждать твоего пробужденія, а когда ты проснешься, онъ въ ту-же ночь увезетъ тебя въ Мантую. И такъ, если никакая женская причуда, никакой малодушный страхъ не удержатъ тебя, ты выйдешь изъ мучительнаго положенія, грозящаго тебѣ пооромъ.

Джульетта. Давай, давай скорѣе! Не говори о страхѣ.

Лоренцо. Бери. Ступай домой и будь тверда въ своемъ рѣшеніи, а я сейчасъ-же отправлю одного изъ нашихъ монаховъ въ Мантую. Онъ передастъ письмо твоему Ромео.

Джульетта. О, любовь, дай мнѣ силу! Эти силы поведутъ къ спасенію. Прощай пока, дорогой отецъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната у Капулетти.

Входятъ Капулетти, Синьора Капулетти, Кормилица и слуги.

Капулетти. Пригласи всѣхъ, кто поименованъ въ этомъ списокѣ (*Слуга уходитъ*). А ты добудь мнѣ двадцать человѣкъ искуснѣйшихъ поваровъ.

2-й слуга. Будутъ, синьоръ, одни хорошіе, такъ какъ я посмотрю, облизываютъ-ли они себѣ пальцы.

Капулетти. Развѣ это послужитъ доказательствомъ искусства?

2-й слуга. А то, развѣ, нѣтъ? Плохой тотъ поваръ, кто не умѣетъ облизывать собственныхъ пальцевъ. Поэтому тѣхъ, кто не облизываетъ себѣ пальцевъ, я и звать не стану.

Капулетти. Ну, ступай (*2-й слуга уходитъ*). Готовящее ея торжество застало насъ врасплохъ; многое еще неготово... А гдѣ-же дочь? Пошла къ Фра-Лоренцо?

Кормилица. Пошла, синьоръ.

Капулетти. Прекрасно. Можетъ-быть, его совѣты подѣйствуютъ на нее благотворно. Упрямая, своевольная она у меня дѣвчонка! (*Входитъ Джульетта*).

Кормилица. Смотрите, съ какимъ веселымъ лицомъ вернулась она послѣ исповѣди.

Капулетти. Ну, упрямая голова, гдѣ побывала?

Джульетта. Тамъ, гдѣ научили меня раскаянію въ томъ, что я дерзнула противиться вашимъ приказаніямъ. Почтенный Фра-Лоренцо убѣдилъ меня, что я обязана упасть передъ вами на колѣни и просить прощенія (*Падая на колѣни*). Умоляю васъ, простите меня. Отнынѣ я никогда болѣе не выйду изъ вашего повиновенія!

Капулетти. Послать за графомъ! Ты сама объявишь ему о своемъ согласіи; я хочу затянуть этотъ узелъ не позже завтрашняго утра.

Джульетта. Я встрѣтила молодого графа въ кельѣ Фра-Лоренцо, и, насколько позволяла скромность, дала ему понять, что люблю его.

Капулетти. Очень радъ. Это хорошо. Встань. Теперь все въ порядкѣ, какъ быть должно. Мнѣ надо повидаться съ графомъ. Приказалъ, вѣдь, чтобы сходили за нимъ и попросили сюда. А старикъ монахъ дѣйствительно человѣкъ святой; вашъ городъ обязанъ ему многимъ, весьма многимъ.

Джульетта. Кормилица, пойдѣмъ ко мнѣ въ уборную; помоги мнѣ выбрать нарядъ, наиболѣе, по твоему мнѣнію, приличный для завтрашняго дня.

С-а Капулетти. Торжество не завтра, а въ четвергъ, поэтому времени хватить.

Капулетти. Ступай, кормилица, ступай съ нею. Завтра мы отправимся въ церковь (*Джульетта и кормилица уходятъ*).

С-а Капулетти. Хватить-ли времени для приготовленій; недалеко уже до вечера.

Капулетти. Не бойся. Я за всѣмъ присмотрю самъ, и все, повѣрь, жена, пойдетъ отлично. Ступай къ Джульеттѣ, помоги ей выбрать нарядъ. Я нынѣшнюю ночь спать не лягу. Не мѣшай мнѣ; на этотъ разъ я беру на себя обязанность домашней хозяйки. Эй, кто-нибудь!.. Всѣ разбѣжались!.. Пойду самъ къ графу и объявлю ему, что дочь согласна. Съ той минуты, какъ

своенравная дѣвчонка покорилаь моей волѣ, у меня необыкновенно легко на сердцѣ (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Спальня Джульетты.

Входитъ Джульетта и Кормилица.

Джульетта. Да, этотъ нарядъ дѣйствительно будетъ красивѣе... Теперь, милая кормилица, прошу тебя, оставь меня на эту ночь одну. Ты знаешь, — я великая грѣшница, и мнѣ придется много молиться, чтобы загладить свои грѣхи.

Входитъ синьора Капулетти.

С-а Капулетти. О чемъ совѣщаетесь? Могу я вамъ помочь?

Джульетта. Нѣтъ, синьора; все необходимое для завтрашняго торжества уже выбрано. Будьте добры, удержите кормилицу на нынѣшнюю ночь при себѣ. Мнѣ хочется остаться одной. Къ тому-же я понимаю, что и у васъ, и у всѣхъ при такомъ неожиданномъ событіи хлопотъ полны руки.

С-а Капулетти. Покойной ночи, если такъ. Лягъ и усни; тебѣ необходимо отдохнуть (*Уходитъ вмѣстѣ съ кормилицей*).

Джульетта. Прощайте. Одинъ Богъ вѣдаетъ, когда мы увидимся опять. Какой-то неодолимый страхъ разливаетъ холодъ по моимъ жиламъ и леденитъ теплоту жизни. Не вернуть-ли ихъ сюда, чтобы онѣ помогли мнѣ?.. кормилица!.. Но что-же ей дѣлать здѣсь?.. Страшное дѣло я должна совершить наединѣ съ собою... Вотъ стлянка... Что, если средство совсѣмъ не подѣйствуетъ? — Насильно повѣнчаютъ съ графомъ? Нѣтъ, нѣтъ! вотъ что этому помѣшаетъ. Лягу и опорожню стлянку. (*Кладетъ кинжалъ на столъ*). Кто знаетъ? — можетъ быть, монахъ далъ мнѣ ядъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ умертвить меня? Вѣдь и это можетъ случиться... Монахъ этотъ повѣнчалъ меня съ Ромео, а теперь онъ, — чего добраго, — во избѣжаніе огласки и непріятностей, могущихъ постигнуть его за содѣйствіе первому моему браку, только хочетъ совсѣмъ отъ меня избавиться?.. Но нѣтъ, едва-ли это такъ. Онъ слылъ до сихъ поръ такимъ праведнымъ человѣкомъ, и я не хочу останавливаться на такой черной мысли... Однако, что-же будетъ, если я проснусь въ склепѣ ранѣе, чѣмъ Ромео придетъ освободить меня?... Минуту придется пережить ужасную. Не задохнусь-ли я въ этомъ склепѣ, до страстной пасти котораго не можетъ проникнуть ни одна струя свѣжаго воздуха, ранѣе, чѣмъ явится избавитель — Ромео?.. Если-же я останусь жива, — а это весьма правдоподобно, — не поразятъ-ли меня на смерть мракъ и ужасъ, царящіе въ этомъ склепѣ, гдѣ въ теченіе сотенъ лѣтъ почіють кости моихъ предковъ, и гдѣ

въ своемъ саванѣ глѣтъ такъ еще недавно похороненный трупъ Тибальдо. Говорятъ, будто въ извѣстные часы души умершихъ выходятъ изъ могиль... О, Боже, Боже! развѣ невозможно, что меня ранѣ времени разбудятъ или глѣнія, или возгласы, подобныя стомамъ мандрагоры, сводящія съ ума, даже убивающія каждаго, кто ихъ слышитъ... Что, если я проснусь окруженная всѣми этими отвратительными ужасами и въ безуміи начну играть костями моихъ предковъ или сорву саванъ съ недавно умершаго Тибальдо? Что, если я, словно молотомъ, размозжу себѣ голову этими костями?.. Вотъ... вотъ, мнѣ чудится, будто призракъ Тибальдо преслѣдуетъ Ромео и насквозь прокалываетъ ему грудь остриемъ своей шпаги!.. Остановись, Тибальдо, остановись! Ромео! Ромео! Ромео! я выпиваю это ради тебя! (*Выпивъ зелье, бросается на постель*).

СЦЕНА IV.

Комната у Капулетти.

Входятъ синьора Капулетти и Кормилица.

С-а Капулетти. Возьми ключи, кормилица, и принеси еще побольше пряностей.

Кормилица. Въ пирожную требуютъ финиковъ и айвы.

(Входитъ Капулетти).

Капулетти. Ну, живѣй, живѣй! Тормошитесь, хлопчите! Вторые пѣтухи уже пропѣли; колоколъ, призывающій тушить огни, прозвонилъ. Теперь уже навѣрное будетъ часа три. Загляни въ кухню, добрая моя Анджелика; не жалѣй ничего.

Кормилица. Да полно вамъ тормошиться самимъ-то, курошупъ вы этакій! Лягте лучше въ постель, не то, честное слово, вы завтра будете больны, оттого, что не уснули во всю ночь.

Капулетти. Пустяки! Сколько разъ случалось не смыкать глазъ во всю ночь и не по такимъ основательнымъ причинамъ; однако, я никогда отъ этого боленъ не бывалъ.

С-а Капулетти. Мало-ли какъ ты куралесилъ въ молодости; но то было время, а теперь другое. Ты думаешь, что я допущу это и теперь? Ложись спать (*Уходитъ вмѣстѣ съ Кормилицей*).

Капулетти. Все ревность, до сихъ поръ все ревность (*Увидавъ слугъ, несущихъ вертелы, дрова и корзины*). Что ты несешь?

1-й Слуга. Какъ видите, несу въ кухню припасы, а какіе? — и самъ не знаю.

Капулетти. Ну, неси, неси скорѣе! (*Первый слуга уходитъ*). А ты добудь дровъ посуше этихъ. Спроси у Пьетро; онъ тебѣ укажетъ, гдѣ они лежатъ.

2-й слуга. Я самъ не полѣно, синьоръ: сьумѣю отыскать и безъ такого чурбана, какъ Пьетро (*Уходитъ*).

Капулетти. Молодецъ! за словомъ въ карманъ не лѣзеть... Я признаю тебя королемъ чурбановъ... Однако, уже начинается свѣтать. Скоро явится графъ съ музыкантами... я ему говорилъ, чтобы непременно была музыка, а онъ мнѣ обѣщаль, что такъ и будетъ (*За сценой слышны приближающіеся звуки музыкальныхъ инструментовъ*). Онъ уже близко! Кормилица! Жена! Эй, кормилица, живѣй-же! (*Входитъ кормилица*). Ступай, разбуди Джульетту и одѣнь ее поскорѣе... А я пока пойду поболтаю съ Парисомъ. только живѣй, живѣй! Женихъ уже здѣсь... Говорю, ступай скорѣе! (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Спальня Джульетты.

Джульетта лежитъ на постели; входитъ кормилица.

Кормилица. Синьора!.. Джульетта!.. Ты, честное слово, нее еще спишь? Проснись, моя овечка, проснись, милая моя синьорина! Какой стыдъ спать такъ долго... Ахъ, лѣнивица, лѣнивица! Проснись-же, радость моя, проснись! Сегодня, вѣдь, твоя свадьба... Ни слова въ отвѣтъ... Ты на этотъ разъ, кажется, хочешь заблаговременно выспаться за всю будущую недѣлю, такъ-какъ я готова всю жизнь свою прозакладывать, что мужъ тебѣ много спать не дастъ ни въ эту ночь, ни во всѣ слѣдующія... Прости мнѣ, Господи! какъ она сладко спитъ! Жаль будить ей, а все-таки слѣдуетъ... Слушай, синьорина, синьорина, синьорина! Проснись! Графъ застанетъ тебя въ постели и, честное слово, испугаетъ тебя... Думаешь, не будетъ этого? (*Откидываетъ занавѣски*). Спитъ одѣтая! совсѣмъ одѣтая!.. Что-же эхо значить?.. Однако, разбудить необходимо... Синьора! Синьора! О, ужасъ! Помогите! она, умерла! — О, зачѣмъ родилась я на бѣлый свѣтъ! Дайте глотокъ водки!.. Синьоръ, синьора, идите сюда! (*Входитъ синьора Капулетти*).

С-а Капулетти. Что ты такъ кричишь?

Кормилица. О, какой злополучный день!

С-А Капулетти. Что такое? скажи толкомъ.

Кормилица. Смотрите, смотрите! О, злополучный день!

С-а Капулетти. Боже! Великій Боже!.. Дитя мое! жизнь моя, оживи снова! Взгляни на меня! или я тутъ-же умру вмѣстѣ съ тобою! Помогите, помогите! Зовите на помощь! (*Входитъ Капулетти*).

Капулетти. Стыдитесь! Женихъ уже давно здѣсь, а вы все еще не готовы.

Кормилица. Она умерла! Скончалась! О, какой жестокой день!

С-а Капулетти. Да, правда, жестокой! Умерла! Умерла! Умерла!

Капулетти. Что такое? Дайте взглянуть... Она похолодѣла, жилы не бьются, сочлененія окоченѣли. Дыханіе давно уже разсталось съ ея устами. Смерть, смерть загубила ее, какъ жестокой морозъ губятъ полевой цвѣтокъ. Проклятый часъ! несчастный я старикъ!

Кормилица. О, плачевный день!

С-а Капулетти. Какое тяжелое горе!

Капулетти. Смерть, отнявшая ее у меня, чтобы вызвать стоны изъ моей груди, связываетъ мнѣ языкъ и не даетъ говорить.

(Входитъ Лоренцо и Парись съ музыкантами).

Лоренцо. Готова невеста отправиться въ церковь?

Капулетти. Да, готова, чтобы никогда оттуда не вернуться. Да, мой сынъ, въ ночь наканунѣ твоей свадьбы злобный призракъ смерти завладѣлъ ложемъ твоей невесты; вотъ, смотри, лежитъ она, словно цвѣтокъ, подкошенный, растлѣнный этимъ призракомъ! Чудовище это теперь — зять мой и наслѣдникъ! Оно взяло дочь мою себѣ въ жены. Я умру и все оставлю ему, когда жизни нѣтъ — все достанется смерти.

Парись. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я наступленія этого радостнаго утра и дождался вотъ какого зрѣлища!

С-а Капулетти. Несчастный, отвратительный, ненавистный, проклятый день! Никогда время на своемъ безконечномъ пути не встрѣчало такой ужасной минуты. На радость, на утѣшеніе у меня было только одно живое существо, дорогая, бѣдная моя дѣвочка, и вотъ жестокая смерть отняла ее у меня, у моей любви!

Кормилица. О горе! о проклятый, проклятый, трижды проклятый день! О плачевный день! Самый бѣдственный день! Никогда, никогда не видывала я такого ненавистнаго дня! Вотъ такъ день, беспощадный, проклятый! Никогда ни я, ни кто другой не видывалъ такого чернаго, такого отвратительнаго, такого омерзительнаго дня!

Парись. Я обмануть, разведенъ съ женою, осмѣянь, оплеванъ, убитъ! Да, я обмануть тобою, омерзительнѣйшая смерть, совершенно уничтожень тобою, жестокая, неумолимая, опрокинувшая всѣ мои надежды! О, любовь, о жизнь, гдѣ-же вы теперь? Любить умершую все-равно, что не жить!

Капулетти. И я тоже измучень, истерзанъ, проклять, сокрушень, пораженъ на смерть! О, злополучное время! Зачѣмъ явилось ты убить, убить готовившееся торжество?.. О дочь моя, дорогая дочь! — нѣтъ, не дочь, а самая жизнь моя!.. Ты умерла!.. Увы, ты умерла, а вмѣстѣ съ тобою придется похоронить всѣ радости!

Лоренцо. Тише! Стыдитесь! Истинное горе не врачуется отчаяніемъ. Милая эта дѣвушка принадлежала не вамъ однимъ, но и небесамъ. Небо взяло ее теперь всецѣло, и тѣмъ лучше для нея. Ту часть ея, которая принадлежала вамъ, вы не могли уберечь отъ смерти, но небо сохранить лучшую ея часть, чтобы дать ей жизнь вѣчную. Возвеличить ее — было вашею главною заботой; въ этомъ вы видѣли верхъ ея благополучія, а теперь вы скорбите о томъ, что она возвеличена выше облаковъ и достигла небесъ. Видя, *какъ* вы любили дочь, невольно думаешь, что вы любили ее нехорошею любовью... Вы сходите съума

оттого, что хорошо ей. Счастлива не та, которая долго состояла въ супружествѣ, а та, которая умерла юною супругою. И такъ, осушите ваши слезы. Усыпьте красивую покойницу вѣтками розмарина и, согласно обычаю, одѣвъ ее въ самые пышные наряды, отнесите ее въ церковь. Хотя слезы и свойственны природѣ человѣка, но въ разумѣ видѣ ихъ вызываетъ только насмѣшливую улыбку.

Капулетти. Все, что было нами приготовлено для веселаго торжества, мѣняется теперь свое назначеніе; вмѣсто брачнаго пира, оно послужитъ для унылыхъ поминокъ. Звуки музыки, вмѣсто радостнаго, настроятся на печальный ладъ. Вмѣсто веселой свадьбы, на лицо имѣются мрачныя похороны; вмѣстѣ съ этимъ наши торжественныя пѣснопѣнія обратятся въ гимны скорби; наши цвѣты, которыми готовились осыпать новобрачную, послужатъ для иной цѣли: ими осыплютъ покойницу. Все смѣнится совершенно противоположнымъ.

Лорнецо. Вы, синьоръ, отправьтесь къ себѣ; супруга ваша пусть тоже послѣдуетъ за вами. Уйдите и вы, Парисъ. Приготовьтесь всѣ проводить въ могилу этотъ прекрасный трупъ. Небеса, — не знаю, за какія прегрѣшенія, — обрушились на васъ своею карою; не раздражайте-же ихъ еще сильнѣе ропотомъ противъ ихъ святой воли. (*Капулетти, синьора Капулетти, Парисъ и Лорнецо уходятъ*).

1-й музыкантъ. Видно и намъ придется убрать свои дудки и убираться.

Кормилица. Ахъ, честные, добрые друзья мои, уберите ихъ и уходите. Сами видите, какая здѣсь приключилась бѣда. (*Уходитъ*).

1-й музыкантъ. Что и говорить! Такой бѣды ничѣмъ не поправишь.

(*Вбѣгаетъ Пьетро*).

Пьетро. Эй, музыканты, музыканты, скорѣй: — «Веселись, душа, ликуй!» Слышите? — «Веселись душа!» Если вы хотите, чтобъ я живъ остался, сыграйте: — «Веселись душа!»

1-й музыкантъ. Почему-же именно: — «Веселись?»

Пьетро. А потому, что моя душа сама играетъ: — «Сердце ноетъ отъ тоски». О, ради моего утѣшенія, сыграйте какую-нибудь веселую похоронную пѣсню.

2-й музыкантъ. Ну, этого не будетъ. До музыки-ли теперь?

Пьетро. Значитъ, не станете?

Музыканты. Не станемъ.

Пьетро. Такъ дождетесь вы отъ меня...

1-й музыкантъ. Чего?

Пьетро. Конечно, не денегъ, но такой штуки, что вы у меня не только заиграете, но и запляшете, фигляры вы этикіе.

1-й музыкантъ. А ты важная птица, что-ли? Всего-то лакеишка служанки.

Пьетро. Хоть я и лакеишка, а все-таки съумѣю такъ треснуть тебя кинжаломъ по башкѣ, что ты у меня взвоешь. Не стану я терпѣть всякихъ издѣвокъ отъ всякихъ проходимцевъ, а пропишу вамъ на спинѣ такихъ «ре», такихъ «фа», что вы... Понимаете?

1-й музыкантъ. Понимаю. Ты хочешь сдѣлать изъ насъ ноты.

2-й музыкантъ. Спрячь кинжалъ въ ножны и обнажи свое остроуміе.

Пьетро. А, ты этого хочешь? Изволь! Остроты мои будутъ такъ-же колки, какъ стальное остріе моего кинжала. Отвѣчайте-же мнѣ, если вы мужчины:

Если горе тяжкое и муки
Голову и сердце намъ гнетутъ,
Музыки серебряные звуки...

Почему «серебряные», да, почему «музыки звуки серебряные»? Посмотримъ, что ты отвѣтишь, Симонъ Бычачья Жила.

1-й музыкантъ. Должно быть, потому, что серебро издаетъ пріятный звукъ.

Пьетро. Не дурно. А ты, Гуть-Трехструнная-Скрипица, что скажешь?

2-й музыкантъ. Потому, должно быть, что деньги серебряныя, а музыканты играютъ за деньги.

Пьетро. И это недурно. А ты что отвѣтишь, Джемсъ-Скрипичная душка?

3-й музыкантъ. Право; не знаю, что сказать.

Пьетро. Ахъ, прости, что я тебя такъ назваль; а забылъ, что ты пѣвецъ. Я отвѣчу за тебя: — звукъ музыки потому названъ серебрянымъ, что такимъ плохимъ музыкантамъ, какъ вы, рѣдко приходится слышать звонъ золота.

(Поетъ). Музыки серебряные звуки
Намъ бальзамъ цѣленья въ душу льютъ.

(Уходитъ, напѣвая).

1-й музыкантъ. Плугъ, а какой язвительный.

2-й музыкантъ. Не миновать ему висѣлицы. Выйдемъ и подождемъ похороннаго шествія. Насъ потомъ накормятъ обѣдомъ. *(Уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I.

Улица въ Мантуѣ.

Входитъ Ромео.

Ромео. Если вѣрить чарующей правдѣ сновидѣній, сегодняшній сонъ предвѣщаетъ мнѣ много хорошихъ извѣстій. Властительница моей души именно сидитъ на своемъ престолѣ, и я съ самаго утра чувствую, какъ меня охватываетъ такая необъяснимая радость, что я не слышу подъ ногами земли. Мнѣ снилось, что она, моя жена, явилась ко мнѣ и нашла меня мертвымъ.

(Странный сонъ, дающій мертвому возможность мыслить!) Она своими поцѣлуями вдохнула снова жизнь въ мои уста; я ожилъ и сдѣлался властелиномъ міра. О Боже, какъ могуча должна быть въ дѣйствительности сила любви, если самая тѣнь ея такъ богата радостями (*Входитъ Бальдассарэ*). А, вотъ извѣстія изъ Вероны. Что скажешь, Бальдассарэ? Привезь мнѣ письмо отъ Фра-Лоренцо? Что жена? Здоровь-ли отецъ?.. Еще разъ спрашиваю, что моя Джульетта? Не можетъ быть никакой бѣды, если у нея все благополучно.

Бальдассарэ. Если такъ, никакой бѣды и нѣтъ; тѣло ея благополучно покоится въ гробницѣ Капулетти, а бессмертная часть ея витаетъ среди ангеловъ. Я видѣлъ, какъ ее отнесли подъ своды родового склепа, и поспѣшилъ сюда, на почтовыхъ, чтобы сообщить это вамъ. Простите, синьоръ, что я привезъ вамъ такое печальное извѣстіе, но вы сами-же возложили на меня обязанность извѣщать васъ немедленно обо всемъ, что-бы тамъ ни случилось.

Ромео. Неужто все это вѣрно? Если такъ, звѣзды, бросаю вамъ вызовъ!.. Слушай: — ты знаешь, гдѣ я живу. Достань бумаги и чернилъ, да приготовь почтовыхъ лошадей. Я уѣду отсюда сегодня-же вечеромъ.

Бальдассарэ. Синьоръ, умоляю васъ, успокойтесь! Вы такъ страшно блѣдны, взоры ваши блуждаютъ такъ дико, что я боюсь какого-нибудь несчастья.

Ромео. Вздоръ! Тебѣ такъ показалось. Ступай и исполни то, что я приказалъ. А письма отъ Фра-Лоренцо ты не привезъ?

Бальдассарэ. Нѣтъ, синьоръ, не привезъ.

Ромео. Ничего, все-равно... Ступай, позаботься о почтовыхъ лошадяхъ; я скоро вернусь домой (*Бальдассарэ уходитъ*). Сегодня-же ночью, Джульетта, я буду лежать рядомъ съ тобою. Обдумаемъ теперь средство. О, зловредныя мыши, какъ быстро зарождаетесь вы въ головѣ у людей, доведенныхъ до отчаянія! Мнѣ тотчасъ-же припомнилось, что вотъ въ томъ домѣ живетъ торговецъ зеліями; я еще недавно видѣлъ, какъ онъ, мрачно нахмуривъ лобъ, разбиралъ травы, чтобы изготовлять изъ нихъ и цѣлебныя, и смертоносныя зелья. Онъ такъ худъ, что, кажется, горькая бѣдность изсушила его тѣло до самыхъ костей. Въ его жалкой лавченкѣ висятъ черепаха, чучела алигатора и разныхъ странныхъ и безобразныхъ рыбъ. На полкахъ — нищенскій складъ пустыхъ коробокъ, зеленыхъ глиняныхъ горшковъ, стклянокъ, гнилыхъ сѣмянъ, обрывковъ бичевокъ и засохшихъ розовыхъ лепешекъ. Все это далеко не тѣсно разставлено на показъ, при видѣ такой нищеты, я подумалъ: — Если-бы кому-нибудь понадобился ядъ, хотя торговля ядами и запрещена въ Мантуѣ подъ страхомъ смертной казни, въ этой лавченкѣ проживаетъ нищій мерзавецъ, который готовъ продать все, что угодно. Эта мысль ранѣ мелькнула въ головѣ, чѣмъ явилась необходимость въ ядѣ, и вотъ измученный нуждою человѣкъ доставитъ мнѣ что нужно. Его лавченка, помнится, въ томъ домѣ; но сегодня праздникъ, поэтому она заперта. Эй, слушай, торговецъ! (*Торговецъ входитъ*).

Торговецъ. Кто зоветъ такъ громко?

Ромео. Подойди ближе. Я вижу — ты бѣднякъ. Вотъ тебѣ сорокъ червонцевъ, только добудь мнѣ драхму такого яда, который дѣйствовалъ-бы вѣрно, быстро и, разливаясь по жиламъ, причинилъ-бы смерть человѣку, утомленному жизнью; который заставилъ-бы дыханіе этого человѣка такъ-же быстро вырваться изъ его груди, какъ выгоняетъ порохъ ядро изъ грозныхъ нѣдръ пушки.

Торговецъ. Есть у меня такія смертоносныя зелья, но по законамъ Мантуи отпускать ихъ запрещено подѣ страхомъ смертной казни.

Ромео. Ты нагъ и убогъ, а боишься смерти. Твои впалыя щеки изобличаютъ голодъ; нужда и ея гнетъ ясно сказываются въ твоихъ глазахъ; обиды и нищета повисли на твоей спинѣ; міръ тебѣ не другъ, не другъ тебѣ и мірской законъ; нѣтъ такого закона, который помогъ-бы тебѣ разбогатѣть. Чтобы избавиться отъ нищеты, преступи законъ и возьми червонцы.

Торговецъ. Нищета побуждаетъ меня къ этому, а не злая воля.

Ромео. Я обращаюсь къ твоей нищетѣ, а не къ волѣ.

Торговецъ. Растворите это въ какой угодно жидкости и выпейте. Если-бы въ васъ было даже столько силъ, какъ въ двадцати человѣкахъ, мое средство мигомъ отправить васъ на тотъ свѣтъ.

Ромео. Вотъ тебѣ деньги. Онѣ губительнѣе вліяютъ на человѣческую душу, совершаютъ въ гнусномъ этомъ мірѣ болѣе убійствъ, чѣмъ тѣ жалкія снадобья, которыя вамъ запрещено продавать. Не ты мнѣ, а я продалъ тебѣ настоящій ядъ. Прощай; откормись и снова нагуляй себѣ тѣло. Ну, цѣлебное средство, а не ядъ, идемъ со мною къ гробу Джульеты, я приму тебя тамъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Келья Лоренцо.

Входитъ Фра-Джовани.

Джовани. Святой инокъ францисканецъ! Братъ, гдѣ ты. (*Лоренцо входитъ*).

Лоренцо. Это, кажется, голосъ Фра-Джовани... Ты уже вернулся изъ Мантуи? Милости просимъ. Что-же сказалъ Ромео? Если-же отвѣтилъ мнѣ письменно, давай скорѣе письмо.

Джовани. Я отправился отыскивать босоногого брата нашего ордена, который долженъ былъ сопутствовать мнѣ. Назначенный мнѣ въ спутники францисканецъ обходилъ больныхъ; когда мы собрались выйти изъ одного дома, стража, подозрѣвая, что въ домѣ гнѣздится зараза, не пустила насъ, заперла насъ тамъ, такъ-что я даже и не былъ въ Мантуѣ.

Лоренцо. Съ кѣмъ-же отправилъ ты мое письмо къ Ромео?

Джовани. Ни съ кѣмъ. Вотъ оно тебѣ обратно. Всѣ до того боялись заразы, что никто не только не взялся доставить его въ Мантую, но даже передать тебѣ.

Лоренцо. Какая страшная бѣда! Клянусь всѣмъ нашимъ орденомъ, письмо было не пустое, а крайне важное и нужное посланіе. Эта злополучная задержка можетъ повести къ большимъ несчастіямъ. Братъ Джовани, добудь желѣзный ломъ и сейчасъ-же принеси его сюда.

Джовани. Сію минуту принесу (*Уходитъ*).

Лоренцо. Надо теперь идти въ склепъ одному. Черезъ три часа красавица Джульетта проснется и просто проклянетъ меня, что Ромео не былъ извѣщенъ во время. Напишу опять въ Мантую, а Джульетту до прибытія Ромео спрячу у себя въ кельѣ. Бѣдный живой трупъ, лежащій въ гробницѣ мертвеца! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Кладбище; на немъ склепъ Капулетти.

Входитъ Парисъ; за нимъ Пажъ несетъ цвѣты и факель.

Парисъ. Подай мнѣ факель, пажъ, а самъ отойди къ сторонѣ и жди меня. Или нѣтъ! лучше загаси факель; я не хочу, чтобы меня видѣли. Поди подъ тѣ тисовыя деревья, лягъ подъ ними и прильни ухомъ къ землѣ. Заступь могильщика столько разъ копалъ и разрыхлялъ эту землю, что ты, — кто-бы ни переступилъ за ограду кладбища, — непременно услышитъ шаги... Если тебѣ послышится, что кто-нибудь идетъ, свисни, чтобы меня предупредить. Подай мнѣ цвѣты и сдѣлай такъ, какъ я сказалъ. Ступай.

Пажъ. Хотя и страшно одному оставаться ночью на кладбищѣ, но дѣлать нечего, приходится повиноваться.

Парисъ. Нѣжный цвѣтокъ, твое брачное ложе, которому балдахиномъ служатъ только пыльные камни, я осыплю цвѣтами и буду по ночамъ словно росой окроплять ихъ душистою водою или, рыдая, орошать слезами. Каждую ночь, дорогая усопшая, я буду приходить сюда, чтобы забрасывать тебя цвѣтами и плакать.

Вдали видѣнъ факель; слышны шаги и свистъ пажа.

Пажъ даетъ мнѣ знать, что кто-то идетъ. Чья шаги дерзаютъ осквернять священную землю кладбища, бродя по ней во мракѣ ночи, прерывать совершаемый мною печальный обрядъ и принести покойницѣ дань преданной любви?.. Кто-то идетъ съ факеломъ... Ночь, окутай меня на мгновение своимъ покровомъ (*Скрывается. Входятъ Ромео и Бальтазаръ, несущій факель, заступъ и ломъ*)

Ромео. Дай мнѣ ломъ и заступъ... Да, вотъ письмо; пораньше завтра утромъ передай его моему отцу. Дай мнѣ и факель. Затѣмъ, вотъ тебѣ строжайшее мое приказаніе. Если жизнь тебѣ дорога, что бы ты здѣсь ни увидалъ и ни услышалъ, вмѣшиваться не смѣй, а стой спокойно въ сторонѣ.

Войти въ опочивальню смерти я намѣренъ частью для того, чтобы еще разъ увидать лицо моей жены, но, — главное, — затѣмъ, чтобы снять съ ея мертваго пальца драгоцѣнное кольцо, необходимое мнѣ для очень важнаго дѣла. Теперь ступай домой. Но если ты, подозрѣвая недоброе, осмѣлишься опять сюда вернуться, чтобы подсмотрѣть, что я намѣренъ дѣлать далѣе, я разорву, расчленю тебя на части и куски твои разбросаю по этому всепоглощающему кладбищу... Намѣреніе мое такъ-же мрачно, какъ эта ночь; оно такъ-же непреклонно, ужасно и неумолимо, какъ голодный тигръ или разъяренное море.

Бальдассарэ. Ухожу, синьоръ; не буду вамъ мѣшать.

Ромео. Этимъ ты мнѣ докажешь свою преданность. Возьми вотъ это. Желаю тебѣ въ жизни всякихъ благополучій, а затѣмъ, милый мой, прощай.

Бальдассарэ. Что онъ ни говори, а я все-таки спрячусь гдѣ-нибудь здѣсь. У него такіе страшные глаза и его намѣренія мнѣ подозрительны (*Пажъ уходитъ*).

Ромко. Ужасная пасть, утроба смерти, обожравшаяся до отвала всѣмъ, что есть самаго драгоцѣннаго на землѣ, я силою взломаю твои гнилыя челюсти. Онѣ раскроются, (*Начинаетъ взламывать дверь въ склепъ*), но за то я предоставлю тебѣ новую пищу.

Парисъ. Это онъ, тотъ самый надменный изгнанникъ Монтекки, который убилъ двоюроднаго брата моей безцѣнной невѣсты, а это горе, какъ предполагають, свело в могилу такое прелестное созданіе. Явился онъ сюда навѣрное съ гнуснымъ намѣреніемъ надругаться надъ трупами враговъ. Не допущу его до этого (*Выступаетъ впередъ*). Прекрати святотатственное дѣло, гнусный Монтекки. Развѣ мщеніе можетъ идти далѣе смерти? Осужденный на изгнаніе злодѣй, я задержу тебя! Повинуйся и иди за мною: ты долженъ умереть.

Ромео. Дѣйствительно, долженъ: за этимъ я и пришелъ сюда. Милый юноша, иди своею дорогою и не раздражай человѣка, доведеннаго до отчаянія. Уходи и оставь меня одного. Вспомни обо всѣхъ умершихъ за послѣднее время и лежащихъ здѣсь; пусть это послужитъ тебѣ предостереженіемъ. Умоляю тебя, юноша, не доводи меня до ожесточенія, не взваливай еще новаго грѣха на мою душу; именемъ самого неба молю тебя — уйди, и этою мольбою я доказываю, что ты мнѣ дороже меня самого, такъ-какъ пришелъ я сюда, вооружившись только противъ самого-же себя. Не оставайся здѣсь; уйди. Живи, а потомъ рассказывай, что состраданіе обезумѣвшаго человѣка принудило тебя убѣжать.

Парисъ. Я отношусь съ презрѣніемъ къ твоимъ заклинаніямъ и задерживаю тебя, какъ преступника.

Ромео. Ты вызываешь меня на ссору? Хорошо! берегись, мальчишка! (*Дерутся*).

Пажъ Париса. Господи, они дерутся! Побѣгу за стражей... (*Убѣгаетъ*).

Парись. Боже мой! Я ранень на смерть (*Падаеть*). Если въ тебѣ есть хоть искра жалости, открой могилу и положи меня рядомъ съ Джульеттой (*Умираеть*).

Ромео. Изволь, готовь... Дай, однако, прежде разсмотрѣть твое лицо. Родственникъ Меркуціо, благородный графъ Парись! Что говорилъ мнѣ пажъ, когда мы скакали по дорогѣ, между тѣмъ какъ мой удрученный духъ ничего не слушалъ? Бадьдассарэ, кажется, говорилъ, что Парись долженъ былъ жениться на Джульеттѣ. Говорилъ онъ это, или мнѣ только пригрезилось? или, наконецъ, мнѣ подъ вліяніемъ безумія только пригрезилось, будто онъ говорилъ что-то про Джульетту?.. О, дай мнѣ руку, ты, чье имя, какъ и мое, превратности судьбы занесли на свои скрижали. Я перенесу тебя въ склепъ... Нѣтъ, не въ склепъ, а въ лучезарный чертогъ, такъ-какъ красота даже мертвой Джульетты превращаетъ могильный склепъ въ сіяющій огнями и предназначенный для пиршества дворець (*Вноситъ трупъ Париса въ склепъ*). Ты, мертвецъ, похороненный покойникомъ, лежи здѣсь. Иногда люди за минуту передъ смертью бываютъ необыкновенно веселы; наблюдавшіе такое явленіе называютъ его предсмертною молніей. Но, какъ можетъ это быть названо молніей? О, жена моя, о моя любовь! смерть уже впила въ себя сладкій медъ твоего дыханія, но еще не наложила своей печати на твою красоту. Ты еще не побѣждена въ конецъ; румяное пламя жизни еще чудится на твоихъ щекахъ, на губахъ твоихъ, и смерть еще не водрузила здѣсь своего блѣднаго знамени... А ты, Тибальдо, лежащій тутъ-же въ своемъ окровавленномъ саванѣ, скажи, какую еще большую услугу могу я оказать тебѣ, готовясь тою-же рукой, которая надвое твою жизнь разсѣкла, лишитъ жизни и твоего врага? Прости меня, братъ! О, дорогая Джульетта, зачѣмъ ты до сихъ поръ такъ прекрасна? Неужто придется предположить, что безплотный призракъ смерти влюбился въ тебя и что это отвратительное чудовище для того сберегаетъ твою красоту, чтобы здѣсь, во мракѣ, сладострастно воспользоваться тобою?.. Боясь этого, я останусь съ тобою навсегда, никогда не выйду изъ этого чертога темной ночи. Здѣсь, здѣсь останусь я съ тобою и сдѣлаюсь добычею твоихъ прислужниковъ-червей. Здѣсь избираю я мѣсто для своего вѣковѣчнаго успокоенія; здѣсь стряхну съ себя иго враждебныхъ звѣздъ и эту брентную, измученную жизнью оболочку. Глаза мои, взгляните на нее въ послѣдній разъ! Руки мои, сожмите ее въ послѣднемъ объятіи, а вы, уста, служащія дверями для дыханія, скрѣпите безгрѣшнымъ поцѣлуемъ безсрочный договоръ съ безпощадною смертью. Скорѣй ко мнѣ, неумолимый проводникъ! Скорѣе сюда, ненасытный руководитель! Ты, отчаянный кормчій, приходи скорѣе и направь на подводный камень мою ладью. Пусть она разобьется въ прахъ! Пью за тебя, моя любовь! (*Выпиваетъ ядъ*). Продавецъ зелья, ты сказалъ правду: твой ядъ дѣйствуетъ быстро, и я умираю съ послѣднимъ поцѣлуемъ (*Умираеть*).

На другомъ концѣ кладбища появляется Фра-Лоренцо съ фонаремъ, ломомъ и заступомъ; за нимъ слѣдуетъ Бальдассарэ.

Лоренцо. Святой Францискъ, будь моимъ заступникомъ; сколько разъ старыя ноги мои въ темнотѣ спотыкались сегодня о могилы... Кто здѣсь?

Бальдассарэ. Хорошо васъ знающій другъ.

Лоренцо. Да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе! Скажи мнѣ, добрый мой другъ, что это за факель, бесполезно разливающій свой свѣтъ для червей и для безглазыхъ череповъ? Если я не ошибаюсь, онъ горитъ въ гробницѣ Капулетти.

Бальдассарэ. Такъ оно и есть. Тамъ находится мой господинъ; вы очень его любите.

Лоренцо. Кто-же онъ такой?

Бальдассарэ. Ромео.

Лоренцо. Давно онъ здѣсь?

Бальдассарэ. Будетъ съ полчаса.

Лоренцо. Идемъ со мною къ склепу.

Бальдассарэ. Не смѣю, святой отецъ. Мой господинъ думаетъ, что я ушелъ. Онъ угрожалъ смертью, если я дерзну остаться и подсматривать за нимъ.

Лоренцо. Если такъ, оставайся; я пойду одинъ. Мною овладѣваетъ страхъ; боюсь, не случилось-бы какого-нибудь страшнаго несчастія.

Бальдассарэ. Когда я задремалъ подъ тисовымъ деревомъ, мнѣ пригрезилось, будто мой господинъ дерется на шпагахъ съ какимъ-то другимъ синьоромъ, котораго мой господинъ и убилъ.

Лоренцо (*Подходя къ склепу, зоветъ*). Ромео!.. О, ужасъ! чьею это кровью обогрѣнъ каменный порогъ усыпальницы? Какъ попали эти обнаженные и окровавленные шпаги въ жилище покоя... Владѣльцевъ ихъ не видно (*Входитъ въ склепъ*). Ромео!.. Онъ блѣденъ, какъ мертвецъ... А это кто-же еще?.. Парись! и онъ тоже?.. весь въ крови!.. О, какой жестокой часъ виновенъ въ такомъ страшномъ несчастіи? (*Свѣтъ отъ фонаря озаряетъ Джульетту*). Она шевельнулась.

(*Джульетта просыпается*).

Джульетта. Ты здѣсь, милосердый мой отецъ; но гдѣ-же мужъ?.. я хорошо помню, гдѣ я должна была проснуться, и я именно тамъ... Но гдѣ-же мой Ромео? (*За сценой голоса*).

Лоренцо. Я слышу какой-то шумъ... Дочь моя, уйдемъ скорѣе изъ этого гнѣзда смерти, заразы и неестественнаго сна. Высшая сила, которой мы не смѣемъ противиться, разрушила всѣ наши намѣренія. Уйдемъ, уйдемъ скорѣе. Голова мертваго твоего мужа лежитъ у тебя на груди... Здѣсь и Парись; онъ тоже убить. Идемъ, я пристрою тебя въ обитель благочестивыхъ монахинь; не теряй времени на вопросы, потому что стража приближается. Идемъ-же; дорогая Джульетта, идемъ скорѣе (*Шумъ за сценой усиливается*). Я не смѣю оставаться здѣсь долѣе. (*Уходитъ*).

Джульетта. Ступай, ступай отсюда, а я не уйду... Что здѣсь такое? Рука моего возлюбленнаго крѣпко сжимаетъ стклянку? Понимаю, ядъ былъ причиной его безвременной кончины. Безжалостный, онъ выпилъ все и не оставилъ ни одной милосердной капли, которая помогла бы мнѣ послѣдовать за нимъ. Но я, ненаглядный, буду цѣловать тебя въ губы; можетъ быть, на нихъ еще сохранились остатки яда и это благодатное средство поможетъ мнѣ умереть (*Цѣлуетъ его*). Твои губы еще теплы!

1-й стражъ (*За сценой*). Мальчикъ, ступай впередъ; указывай, куда идти.

Джульетта. Сюда идутъ... Надо покончить скорѣе. (*Выхватываетъ кинжалъ Ромео*). О, благословенный кинжалъ, вотъ твои ножны (*Закалывается*). Ржавѣй въ нихъ, а мнѣ дай умереть (*Падаютъ на трупъ Ромео и умираетъ. За пажомъ Париса входятъ стражи*).

Пажъ. Вотъ здѣсь, гдѣ горитъ факель.

1-й стражъ. Земля обагрена кровью; обыскать все кладбище. Пусть нѣкоторые изъ васъ отправятся на поиски, и кто-бы вамъ ни попался, задерживайте всѣхъ (*Нѣсколько человѣкъ стражей уходитъ*). Какое плачевное зрѣлище! Вотъ лежитъ убитый графъ, а здѣсь истекаетъ кровью недавно умершая Джульетта, тогда какъ ее похоронили здѣсь еще два дня тому назадъ. Пусть кто-нибудь отправится доложить обо всемъ герцогу; другой пусть бѣжитъ къ Капулетти, третій разбудитъ Монтекки, а остальные пусть отправятся на поиски (*Уходитъ еще нѣсколько человѣкъ*). Мы нашли мѣсто, гдѣ скопилось столько ужасовъ, но причинъ, вызвавшихъ всѣ эти невиданные ужасы, мы безъ разъясненій понять не можемъ.

Входятъ нѣсколько человѣкъ стражи и ведутъ Бальдассарэ.

2-й стражъ. Вотъ пажъ Ромео. Мы нашли его на кладбищѣ.

1-й стражъ. Не выпускать его до прибытія герцога (*Нѣсколько стражей вводятъ Фра-Лоренцо*).

3-й стражъ. Мы захватили монаха; онъ дрожитъ, вздыхаетъ и плачетъ. Очевидно, онъ хотѣлъ уйти съ кладбища; при немъ находились ломъ и заступъ.

1-й стражъ. Это очень подозрительно; задержать и его.

Входитъ герцогъ со свитою.

Герцогъ. Какое новое несчастіе, происшедшее въ такой ранній часъ, нарушаетъ нашъ утренній покой? (*Входятъ Капулетти, синьора Капулетти и другіе*).

Капулетти. Что случилось? Почему раздаются всюду крики?

С-а Капулетти. Въ народѣ на улицѣ кто кричитъ «Ромео», кто «Джульетта», а кто «Парисъ». Вся толпа съ громкими криками бѣжитъ къ нашему склепу.

Герцогъ. Какой ужасъ вызвалъ и смятеніе, и оглушающіе насъ крики?

1-й стражъ. Государь, въ склепѣ лежитъ убитый графъ Парисъ, Ромео тоже умершій, а еще ранѣе умершая Джульетта теперь не успѣла еще остыть.

Герцогъ. Разыскать, развѣдать, какъ произошелъ весь этотъ рядъ гнусныхъ убійствъ.

1-й стражъ. Государь, здѣсь находятся задержанные нами монахъ и пажъ Ромео. При нихъ найдены орудія, посредствомъ которыхъ взломаны были двери склепа.

Капулетти. О ужасъ! Смотри, жена, какъ наша дочь обливается кровью. Этотъ кинжалъ изъ своихъ пустыхъ ноженъ, еще висящихъ на поясѣ Монтекки, по какой-то непонятной случайности попалъ въ грудь Джульетты.

С-а Капулетти. О, горе мнѣ! Такое зрѣлище смерти, словно колоколь, призываетъ въ могилу мои преклонные годы.

Входятъ Монтекки и другіе.

Герцогъ. Идите сюда, Монтекки. Какъ ни рано вы поднялись, а вашъ сынъ улегся еще ранѣе.

Монтекки. Увы, государь! Нынѣшнею ночью скончалась моя жена. Причиной ея смерти послужила тоска по изгнанномъ сынѣ. Какое-же новое горе ожидаетъ меня еще на старости лѣтъ?

Герцогъ. Взгляни, и ты увидишь самъ.

Монтекки. Ахъ ты неучъ! Развѣ прилично юношѣ опережать въ могилу отца?

Герцогъ. Наложивъ печать молчанія на свои уста и воздержись отъ оскорбительныхъ выраженій хоть-бы до того времени, когда для насъ выяснятся всѣ эти непонятныя событія, ихъ источникъ, начало и происхожденіе. Тогда я самъ буду вождемъ вашей скорби и, если нужно, провожу ее до самой ея смерти. А теперь воздержись, заставь терпѣніе поработить огорченіе. Пусть задержанныя подозрительныя лица подойдутъ сюда.

Лоренцо. Не смотря на мою дряхлость, первыя и самыя сильныя подозрѣнія въ страшныхъ убійствахъ падаютъ на меня, потому что противъ меня говорятъ и время, и мѣсто, гдѣ я былъ задержанъ, и вотъ я передъ вами, государь, готовый и обвинять, и защищать себя, готовый, если надо, произнести обвинительный или оправдательный приговоръ.

Герцогъ. Такъ говори скорѣе, что тебѣ извѣстно объ этомъ дѣлѣ.

Лоренцо. Я буду кратокъ, потому, что у меня не хватитъ силъ на длинный и тяжелый разговоръ. Умершій теперь Ромео былъ мужемъ Джульетты, а она, тоже умершая, вѣрною женою его. Я самъ повѣнчалъ ихъ. День ихъ брака былъ днемъ безвременной смерти Тибальдо, вслѣдствіе которой новобрачный изгнанъ былъ изъ Вероны. О немъ-то, а не о Тибальдо горевала и плакала Джульетта. Вы, Капулетти, чтобы разогнать удручающую ее тоску, обѣщали ея руку Парису и хотѣли насильно выдать ее замужъ за графа. Тогда она пришла ко мнѣ и съ дико блуждающими взглядами стала умолять придумать какое-

нибудь средство, которое помѣшало-бы состояться второму ея браку, грозя иначе заколоться у меня-же въ кельѣ. Тогда я далъ ей усыпляющее средство, съ которымъ познакомила меня наука, и оно подѣйствовало именно такъ, какъ я желалъ. Джульетту всѣ сочли мертвой. Въ то-же время я написалъ къ Ромео, прося его непременно пріѣхать нынѣшнею ночью въ Верону, чтобы помочь мнѣ увести Джульетту изъ могильнаго склепа, когда прекратится дѣйствіе принятаго снадобья. Но Фра-Джовани, которому я поручилъ препроводить письмо къ Ромео, не могъ этого исполнить; его остановила несчастная случайность, и онъ вчера вечеромъ вернулъ мнѣ письмо обратно. Затѣмъ, когда близилось время ея пробужденія, я рѣшился придти сюда одинъ, чтобы увести ее изъ родового склепа, думая спрятать ее у себя въ кельѣ, пока не явится удобнаго случая препроводить ее къ мужу. Но когда, за нѣсколько минутъ до ея пробужденія, я пришелъ сюда, Парисъ лежалъ уже мертвымъ, такъ-же, какъ и безконечно любящій Ромео. Джульетта проснулась. Я сталъ убѣждать ее уйти отсюда и терпѣливо покориться волѣ небесъ. Когда стали приближаться шаги стражи, я вынужденъ былъ уйти изъ склепа, но Джульетта, доведенная до полного отчаянія, на отрѣзъ отказалась слѣдовать за мною и, какъ можно предположить, насильственно покончила съ собою. Если во всемъ этомъ несчастіи виноватъ я, пусть мою старую жизнь, въ силу строжайшаго закона, отнимутъ у меня нѣсколькими днями ранѣе, чѣмъ наступитъ естественный ея предѣлъ.

Герцогъ. Мы до сихъ поръ знали, что ты человекъ праведной, примѣрной жизни. Гдѣ-же служитель Ромео? Что можетъ онъ рассказать еще по этому дѣлу?

Бальдассарэ. Я принесъ Ромео извѣстіе о смерти Джульетты и мы въ тотъ-же вечеръ ускакали изъ Мантуи на наемныхъ почтовыхъ лошадяхъ, затѣмъ прибыли сюда, къ этой гробницѣ. Давъ мнѣ письмо для доставленія его родителю, передъ тѣмъ, какъ войти въ склепъ, онъ, грозя мнѣ за ослушаніе смертью, приказалъ уйти и не смѣть за нимъ подсматривать.

Герцогъ. Подай письмо; мы прочтемъ его. А гдѣ-же пажъ графа, приведшій стражу? Скажи, что дѣлалъ здѣсь твой господинъ.

Пажъ. Онъ принесъ цвѣтовъ и сталъ ими осыпать гробницу невѣсты; затѣмъ велѣлъ мнѣ отойти подальше, что я и поспѣшилъ исполнить. Тогда пришелъ еще кто-то съ факеломъ и сталъ ломать дверь въ склепъ. Тѣмъ временемъ мой господинъ бросился къ нему съ обнаженнымъ мечомъ, я въ страхъ убѣждалъ за стражей.

Герцогъ. Это письмо вполне подтверждаетъ слова Фра-Лоренцо; въ немъ описано, какъ возникла любовь молодыхъ людей, отчаяніе мужа при извѣстіи о смерти жены. Затѣмъ, добывъ ядъ у какого-то несчастнаго торговца зеліями, онъ написалъ это письмо и, наконецъ, прискакалъ въ этотъ склепъ, чтобы умереть въ немъ, лежа рядомъ съ Джульеттой. Гдѣ-же оба враждующіе? Капулетти, Монтеки! — видите, сколько бѣдъ повлекла за собою взаимная ваша ненависть. Чтобы убить всѣ ваши радости, она прибѣгла къ помощи

любви; а я, за то, что слишком снисходительно относился къ вашимъ распрямъ, наказанъ смертию двухъ дорогихъ мнѣ родственниковъ. Никто не остался безъ наказанія.

Капулетти. Братъ Монтекки, протяни мнѣ руку. Это будетъ вдовимъ наслѣдіемъ моей дочери; большаго я не могу и желать.

Монтекки. Но я могу дать больше. Я велю отлить ея изваяніе изъ чистаго золота, и пока Верона станетъ называться тѣмъ-же именемъ, въ ней не будетъ ничего драгоцѣннѣе статуи любящей и вѣрной Джульетты.

Капулетти. Я хочу, чтобы и Ромео, лежа рядомъ съ своею женою раздѣлялъ съ нею эту роскошь. Неповинныя жертвы нашей вражды.

Герцогъ. Желанное примиреніе состоялось при пасмурномъ небѣ. Огорченное солнце не хочетъ показать намъ свѣтлаго своего лика. Ступайте и горько оплакивайте свои утраты. Никогда еще не было вымысла грустнѣе печальнаго конца Джульетты и ея Ромео. *Уходятъ.*

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ
къ
ПЕРВОМУ ТОМУ

РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

Стр. 129. Исторія Ромео и Юліи — одна изъ популярнѣйшихъ исторій XVI и XVII ст. — не говоря уже о томъ, что комментаторы, быть можетъ, слишкомъ ужъ дальновидные — отыскиваютъ ее первый разъ въ легендѣ о Пирамѣ и Тисбе, (рассказанной Овидіемъ въ его «Метаморфозахъ»), въ такой-же древней легендѣ о Геро и Леандрѣ, въ средневѣковомъ разсказѣ о несчастныхъ любовникахъ Тристанѣ и Изольдѣ и др. Въ современные и непосредственно предшествовавшіе Шекспиру годы эта исторія (которую, замѣтимъ еще, нѣкоторые выдавали за истинное происшествіе) трактовалась и въ драматической, и въ повѣствовательной формѣ въ разныхъ странахъ Европы. Такъ, въ Испаніи Лопе де Вега написалъ трагедію «Капулетти и Монтекки», одинъ изъ его современниковъ — трагедію на ту же тему. Въ Италіи находимъ: въ 1535 г. новеллу Луиджи да Порто, въ 1554 г. — повѣсть Бандело, въ 1578 г. — драму Луиджи Грото подъ заглавіемъ «Гадріана»; во Франціи Буасто воспроизвелъ съ разными измѣненіями разсказъ, Банделло скоро послѣ появленія его; въ Англіи этотъ переводъ Буасто послужилъ источникомъ для поэмы Артура Брука, появившейся въ 1562 г. подъ заглавіемъ «Трагическая исторія Ромеуса и Джульетты, заключающая въ себѣ рѣдкій примѣръ истиннаго постоянства», а въ предисловіи къ своему сочиненію Брукъ указывалъ на существованіе какой-то трагедіи на ту же тему, написанной уже за

два года до рождения Шекспира (не рѣшено, впрочемъ, о какой трагедіи говоритъ Брукъ, англійской или итальянской — такъ какъ она не дошла до насъ). Весьма возможно, что относительно фабулы Шекспиръ пользовался нѣсколькими изъ вышеупомянутыхъ англійскихъ источниковъ; но авторитетные изслѣдователи указываютъ на поэму Брука, какъ на самый главный. Такъ или иначе, но существенныя подробности трагедіи Шекспира тѣ же, что и въ этихъ произведеніяхъ, во всемъ главномъ сходствующихъ между собою, — именно принадлежность Ромео и Юліи къ двумъ враждебнымъ между собою партіямъ, — встрѣча ихъ на балѣ у старика Капулетти, — быстрое развитіе взаимной любви, — тайное вѣнчаніе монахомъ Лоренцо, — изгнаніе Ромео изъ Вероны за убіеніе Тибальдо, — желаніе отца Юліи выдать ее за другого, — мнимая смерть ея, чтобы избавиться отъ этого брака, и погребеніе, — роковая случайность, вслѣдствіе которой Ромео думаетъ, что его возлюбленная дѣйствительно умерла, — его самоотравленіе въ гробницѣ, пробужденіе Юліи въ моментъ его смерти — и затѣмъ, ея собственная смерть. Время сочиненія Шекспировской трагедіи — между іюлемъ 1596 г. и апрѣлемъ 1597 г. Въ печати она появилась въ первый разъ въ 1597 г. (безъ обозначенія мѣсяца), съ эпиграфомъ: «Ant nunc, ant nunquam» (или теперь, или никогда) и подъ заглавіемъ: «Превосходно сочиненная (Anexcellent conceited) трагедія о Ромео и Джульеттѣ, какою она была часто (и съ большимъ успѣхомъ) представлена публично актерами высокороднаго лорда Гендсона». Въ послѣдующихъ редакціяхъ (съ измѣненіями) заглавіе оставалось почти то же; только къ слову «excellent» прибавилось слово «lamentable» (плачевный), въ 3-мъ изданіи уже было упомянуто о представленіи ея на сценѣ театра «Globe» (гдѣ служилъ актеромъ и Шекспиръ), а въ 4-мъ (безъ обозначенія года) впервые было выставлено имя автора: «Written by W. Shakespere».

Стр. 131. «Прологъ» произносится «хоромъ» — лицомъ, которое представляло собою хоръ, тотъ самый, который и заканчиваетъ первое дѣйствіе. Полагаютъ, что этотъ прологъ написанъ не Шекспиромъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ изданіяхъ онъ выпускается (въ извѣстномъ переводѣ Шлегеля и Тика нѣтъ ни пролога, ни словъ хора въ концѣ 1-го дѣйствія).

Стр. 131. Изъ словъ «два часа», которыя находятся и въ прологѣ къ «Генриху VIII», заключаютъ, что представленіе пьесы Шекспира длилось два часа.

Стр. 133. «Закусыванье пальца» было оскорбительное движеніе въ родѣ показыванья «фиги», кукиша.

Стр. 135. Названіе замка «свободный городъ» (free-town) есть переводъ итальянскаго (Villa Franca).

Стр. 136. По поводу разсказа Бенволио одинъ изъ комментаторовъ замѣчаетъ, что «эта игра антитезами, чисто Шекспировская, обличаетъ авторскую отдѣлку позднѣйшаго времени».

Стр. 137. Въ поэмѣ Брука и въ разсказахъ Бонделло и Буасто Ромео, до встрѣчи съ Юліей, тоже представленъ несчастно влюбленнымъ въ другую.

Стр. 137—139. Такія антитезы, какими выражается Ромео о любви, были въ большемъ ходу у провансальскихъ и средневѣковыхъ итальянскихъ поэтовъ.

Стр. 139. Въ словахъ Ромео о цѣломудренности Розалины, о ея обѣтѣ безбрачія, усматриваютъ косвенный комплиментъ королевѣ Елисаветѣ, которая, какъ извѣстно, дала такой же обѣтъ и которой, — замѣчаетъ Стивенсъ, — «конечно было пріятно слышать прославленіе своего цѣломудрія какъ разъ въ ю время, когда оно было заподозрѣно».

Стр. 139. Это тѣ маски, въ которыхъ, во время Шекспира англійскія женщины появлялись на улицахъ.

Стр. 140. Въ поэмѣ Брука Юліи не четырнадцать, а шестнадцать лѣтъ; въ пересказѣ Буасто — осьмнадцать. И то, и другое число напечатано римскими цифрами, изъ чего нѣкоторые заключаютъ, что Шекспировское *четырнадцать* — ошибка, ибо очень легко ему было принять XVI за XIV, а онъ «въ подобныхъ подробностяхъ всегда строго слѣдовалъ тексту тѣхъ рассказчиковъ, произведенія которыхъ драматизировалъ». — Но не надо забывать и того, что четырнадцатилѣтній возрастъ былъ предѣльный для разрѣшенія дѣвушкамъ выходить замужъ. Есть и такое объясненіе, что Шекспиръ умышленно описалъ свою героиню такою молодою, имѣя въ виду тогдашнее исполненіе женскихъ ролей мальчиками.

Стр. 141. Листъ подорожника считался лучшимъ средствомъ останавливать кровь и лечить только что нанесенныя раны. Ромео, въ своемъ отвѣтѣ Бенволію, хочетъ сказать, что предлагаемое его другомъ средство можетъ помочь ему столько же, сколько листъ подорожника въ переломѣ ноги, слѣдовательно, говоритъ иронически, такъ какъ слова его иначе не имѣли бы смысла: вѣдь переломанная нога не рана, которую можно лечить прикладываньемъ какого нибудь цѣлебнаго растенія.

Стр. 144. Землетрясеніе, о которомъ говоритъ кормилица — или то, которое было въ Англійи 6-го апрѣля 1580 г. (и въ такомъ случаѣ, думаютъ нѣкоторые, трагедія эта написана послѣ 6-го апрѣля 1591 г., когда исполнилось одиннадцать лѣтъ, о коихъ говоритъ кормилица, и не позже «середины іюля, «за двѣ недѣли съ чѣмъ-то до Иванова дня» — по ея же словамъ); или постигшее Верону въ 1348 г., или бывшее тамъ-же въ 1570 г. въ очень сильныхъ размѣрахъ.

Стр. 146. Коментаріи въ старинныхъ книгахъ писались на поляхъ книги.

Стр. 146. Слова «рыба живетъ въ морѣ» имѣютъ здѣсь очень темный смыслъ; вѣроятно же всего, что «море» здѣсь для «рыбы» тоже, что «переплетъ» для «книги», о чемъ матерью Юліи было сказано стихомъ выше.

Стр. 146. Меркуціо, въ тѣхъ источникахъ, которыми могъ пользоваться Шекспиръ, представленъ почти съ тѣми-же чертами характера, какія далъ ему авторъ нашей трагедіи.

Стр. 146. Въ маскахъ обыкновенно входили на балъ люди, хотя и знакомые хозяину, но не приглашенные; ихъ вступленіе сопровождалось привѣтствіемъ въ честь присутствовавшихъ дамъ или хозяина.

Стр. 147. Т. е. прологъ, ненаходящійся въ книгѣ, въ данномъ произведеніи, но, вѣроятно, прибавленный собственно для сценическаго представленія режиссеромъ или къмъ инымъ по его порученію. На этомъ основаніи Ульраци (сдѣлавшій это объясненіе) считаетъ и прологъ въ «Ромео и Юлія» написаннымъ не Шекспиромъ (см. примѣч. къ стр. 131).

Стр. 147. Замаскированные гости всегда входили предшествуемые факельщиками.

Стр. 148. До изобрѣтенія ковровъ, полы комнатъ устилались гладкимъ тростникомъ.

Стр. 148. По старой англійской пословицѣ «держать въ рукѣ свѣчу» значитъ, быть празднымъ зрителемъ.

Стр. 148. «Мы сжигаемъ дневной свѣтъ» — пословица, равносильная выраженію: «мы тратимъ попусту время».

Стр. 148. Мебъ — слово кельтійскаго происхожденія, значащее дитя. Въ ирландской мифологіи оно упоминается, какъ царица фей, нѣчто въ родѣ русалки, эльфъ.

Стр. 148. Повитухой въ волшебномъ царствѣ Мебъ (по остроумному объясненію Стивенса) называется здѣсь въ томъ смыслѣ, что ея профессія состоитъ въ освобожденіи фантазіи спящихъ людей отъ ихъ словъ, этихъ дѣтей *празднаго мозга* (по выраженію Меркуціо).

Стр. 148. Въ то время довольно распространено было сравненіе дѣтей или людей очень малаго роста съ агатомъ, вѣроятно, имѣя въ виду миниатюрность изображеній, гравированныхъ на агатовыхъ перстняхъ; (у Шекспира такое сравненіе встрѣчается и въ другой трагедіи). Слѣдуетъ предположить, что у ольдерменовъ (титулъ почетныхъ выборныхъ лицъ и сановниковъ) ношеніе такихъ перстней было въ модѣ, или служило знакомъ ихъ достоинства.

Стр. 149. Намекъ на существовавшее повѣрье, что у лѣнивыхъ служанокъ заводились въ пальцахъ червячки.

Стр. 149. Т. е. свиньи, входящей въ составъ, такъ называемыхъ десятичныхъ сборовъ съ прихожанъ въ пользу мѣстнаго духовенства.

Стр. 149. Здѣсь подразумѣвается болѣзнь колтунъ; она принималась суевѣрнымъ народомъ за дѣло злыхъ духовъ женскаго рода, и потому сбитые въ колтунъ волосы назывались также (какъ здѣсь у Шекспира) «волосы русалокъ» (elf-locks) и «узлы русалокъ» (elf-knots).

Стр. 151. Зачѣмъ тутъ огонь въ каминѣ, когда по многимъ другимъ подробностямъ пьесы, дѣйствіе происходитъ лѣтомъ — неизвѣстно.

Стр. 153. Пилигримы — губы, въ томъ смыслѣ, что онѣ, какъ странники къ святымъ мѣстамъ, искупаютъ этимъ странствіемъ свой грѣхъ.

Стр. 153. Ромео въ этой сценѣ костюмированъ пилигримомъ (такъ онъ изображенъ на одной старой виньеткѣ).

Стр. 154. Цѣловать женщину въ обществѣ не считалось неприличнымъ.

Стр. 157. Это ссылка на очень популярную англійскую балладу стараго времени «О царѣ Кофетуа и нищей дѣвушкѣ»; царь этотъ — африканскій.

Стр. 157. Название «обезьяны» давалось, как ласкательное.

Стр. 159. Солнце — Юлія въ монологѣ Ромео представлена «служанкою» луны потому, что она, какъ дѣвственница, служить (по древней мифологіи) лунѣ или богинѣ Діанѣ. И слова: «не будь больше ея служанкой», значать: сбрось съ себя обѣтъ дѣвственности, перестань быть весталкой, (въ слѣдующемъ стихѣ отъ того и упоминается ливрея весталки).

Стр. 159. Намекъ на болѣзненный цвѣтъ лица томящихся своимъ безбрачіемъ дѣвушекъ.

Стр. 161. О смѣхѣ Юпитера при клятвѣ влюбленныхъ говорится у Овидія въ его «Наукѣ Любви».

Стр. 165. Титанъ здѣсь Аполлонъ, какъ богъ солнца на своей огненной колесницѣ.

Стр. 169. Въ англійскомъ текстѣ знаменитой народной поэмы «Рейнеке Лисица» котъ называется *Тибертъ*. По всей вѣроятности, его имѣлъ въ виду здѣсь Шекспиръ, только измѣнивъ «Тиберта» въ «Тибальта»; отъ этого и упоминаніе о «царѣ котовъ».

Стр. 169. Итальянскіе фехтовальные термины.

Стр. 169. Въ этомъ мѣстѣ Шекспиръ, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ своихъ трагедій, смѣется надъ тогдашнею французоманіею англійскихъ щеголей, — хотя здѣсь дѣло происходитъ въ Италіи.

Стр. 169. «Безъ икры», т. е. онъ здѣсь не весь, а только часть его.

Стр. 169. Геро — лицо греческой мифологіи, — возлюбленная Леандра, который для свиданія съ нею переплывалъ каждую ночь Геллеспонтъ; когда онъ утонулъ, она тоже кинулась въ море.

Стр. 169. Тисбе — героиня древней легенды, рассказанной Овидіемъ въ его «Метаморфозахъ», — вавилонская красавица, возлюбленная Пирама, лишившая себя жизни послѣ его смерти.

Стр. 169. «Сѣрые глаза» было такое-же обозначеніе красоты, какъ и «голубые». Венера въ поэмѣ Шекспира «Венера и Адонисъ» изображается и съ голубыми, и съ сѣрыми глазами.

Стр. 172. Пѣсенка Меркуціо, — вѣроятно, отрывокъ какой-нибудь старой народной пѣсни.

Стр. 175. Розмаринъ былъ необходимою принадлежностью брачныхъ церемоній, потому что, по народному повѣрью, обладалъ свойствомъ укрѣплять память и любовь.

Стр. 175. Буква P (R) въ англійскихъ грамматикахъ называлась *собачья буква* вслѣдствіе того, что ея звукъ (по-англійски она произносится *arrrr*) похожъ на рычанье собаки (у римлянъ было тоже это названіе); такъ называли и собакъ, Кормилица, не умѣющая писать и названія буквъ не знающая, не допускаетъ, чтобы первая буква «розмарина» и «Ромео» была «собачья» буква, или собачье имя.

Стр. 183. Смерть Меркуціо — подробность, сочиненная Шекспиромъ, ни въ одномъ изъ его источниковъ не встрѣчающаяся, — и одинъ изъ

комментаторовъ, обратившій вниманіе на это обстоятельство, сдѣлалъ довольно остроумное предположеніе, что Шекспиру показалось необходимымъ поскорѣе устранить такое выдающееся дѣйствующее лицо, какъ Меркуціо, чтобъ оно не заслоняло собою главнаго послѣ того, какъ трагедія вступила въ полный разгаръ. Извѣстный поэтъ Драйденъ (конца XVII ст.) даже замѣтилъ, что если бы Шекспиръ во время не убилъ Меркуціо, то Меркуціо убилъ бы его — въ томъ смыслѣ, что это повредило бы трагедіи.

Стр. 186. Фаэтонъ — сынъ Геліоса (бога солнца); онъ выпросилъ однажды у своего отца позволеніе править солнечной колесницей, и такъ разогналъ лошадей, что задѣлъ за небо и землю и произвелъ пожаръ ихъ.

Стр. 190. «Убило десять тысячъ Тибальтовъ», т. е. изгнаніе *одного* Ромео — большее несчастье, чѣмъ смерть десяти тысячъ Тибальтовъ.

Стр. 195. У англійскихъ солдатъ въ старое время замки у ружей были не кремневые, а огонь зажигался посредствомъ фитиля; вслѣдствіе этого въ ихъ амуницію входили *зажженные* фитили, которые висѣли очень близко отъ деревянныхъ ящичковъ, въ которыхъ они держали порохъ.

Стр. 198. Цингія — одно изъ именъ богини Діаны (отъ горы Цинтъ, на которой она родилась), а Діана, какъ извѣстно — богиня луны.

Стр. 198. Народное повѣрье, что жаба и жаворонокъ обмѣнялись глазами, такъ какъ у жабы они очень красивы, у жаворонка — напротивъ. Есть и старая англійская пѣсенка: «Полетѣлъ бы я къ небу, да жаба украла у меня мои глаза».

Стр. 201. Тѣ грубыя слова, которыми осыпаетъ Капулетти свою дочь и которыми такъ оскорбляется наше ухо, въ тогдашнее время у англичанъ не заключали въ себѣ ничего непристойнаго, были совершенно обыкновенными словами.

Стр. 208. Неизвѣстно, почему Джульета къ слову «башня», съ которой она готова кинуться, прибавляетъ мѣстоимѣніе «*эта*» когда тутъ никакой башни нѣтъ, и она существуетъ только въ воображеніи говорящей.

Стр. 212. Женщины во время Шекспира носили у кушаковъ небольшіе ножи.

Стр. 212. Мандрагора — трава, игравшая значительную роль въ народныхъ повѣртіяхъ (въ родѣ папоротника), приписывавшихъ ей такія свойства, какъ усыплять людей, служить приворотнымъ средствомъ въ любви и т. п. Думали тоже, что она обладаетъ животною жизнью въ низшей степени, выражающеюся въ томъ, напримѣръ, что когда ее съ корнемъ вырываютъ изъ земли, то она издаетъ стонъ, и онъ имѣетъ такое пагубное дѣйствіе, что человѣкъ, вырвавшій траву, тутъ же сходитъ съ ума или умираетъ.

Стр. 210. Шекспира обвиняли въ ненатуральности изображенія вельможи Капулетти и его жены, входящихъ въ такія мелочи хозяйства, какъ выдача провизіи на обѣдъ; но забываютъ, что въ старое время нравы были совсѣмъ не тѣ, что теперь. На этомъ основаніи слѣдовало-бы обвинить и Гомера, и творцевъ разныхъ народныхъ поэмъ, изображавшихъ своихъ героевъ, особенно героинь, и не за такими занятіями. Надо имѣть въ виду и скудость итальянцевъ,

которая почти въ пословицу вошла (хотя ея, по всей вѣроятности, Шекспиръ, въ виду не имѣлъ).

Стр. 216. Совершенно основательно замѣчаютъ, что эти слова, произносимыя, до печатному тексту трагедіи, кормилицею, вложены въ ея уста простою опечаткой и что ихъ должна произносить леди Капулетти: какъ могла кормилица обратиться къ своему барину, да еще такому надменному, въ такомъ презрительномъ тонѣ?

Стр. 216. Въ этомъ мелодраматическомъ монологѣ няни (совершенно не подходящемъ по тону къ ея характеру) видятъ насмѣшливую пародію Шекспира (какъ это онъ дѣлалъ и въ другихъ мѣстахъ) на вышедшій какъ разъ около того времени, когда онъ писалъ «Ромео и Джульету», англійскій переводъ напыщенныхъ латинскихъ трагедій Сенеки.

Стр. 218. Эта пѣсенка — сочиненіе одного изъ современниковъ Шекспира.

Стр. 223. Существуетъ преданіе, что исторія Ромео и Юліи не вымышленная, а дѣйствительная — и эта несчастная чета была похоронена въ подземельѣ одного изъ францисканскихъ монастырей Вероны. Во время пожара этого монастыря, уцѣлѣлъ, между прочимъ, одинъ саркофагъ, который до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ, какъ гробницу Юліи (точно такъ же какъ въ Венеціи показываютъ домъ, гдѣ будто бы жилъ Отэлло, а недалеко отъ Гельзинера, въ Даніи, небольшой памятникъ возвышается надъ могилой, въ которой преданіе схоронило Гамлета).

Стр. 226. Существовало поэтическое повѣрье, что когда смерть поражаетъ какое-нибудь очень красивое существо, то сама влюбляется въ него.

Стр. 226. Споткнуться о могильную плиту считалось дурнымъ предзнаменованіемъ.

Стр. 227. Въ итальянскихъ новеллахъ Юлія просыпается тогда, когда Ромео еще не умеръ; въ поэмѣ Брука (см. прим. 129-е) дѣйствіе здѣсь происходитъ такъ же, какъ у Шекспира.

Стр. 232. Подъ своими погибшими родственниками герцогъ подразумѣваетъ Меркуціо и графа Париса.

Стр. 232. Слова герцога о «прощеніи однихъ и наказаніи другихъ» имѣютъ отношеніе къ итальянской новеллѣ о Ромео и Юліи. Тамъ рассказывается, что по смерти этой четы женская прислуга Юліи была изгнана изъ города за то, что скрыла бракъ; слуга Ромео — не подвергнутъ никакому наказанію, ибо онъ дѣйствовалъ только по приказанію своего господина; аптекарь послѣ пытки повѣшенъ; монаху Лоренцо было позволено удалиться въ обитель около Вероны, гдѣ онъ скоро послѣ того умеръ.

П. Вейнбергъ.